

ВЛАДИМИР
ПОСЕЛЯГИН



ОХОТНИК

ОХОТНИК

ЗВЕРОЛОВ

ЕГЕРЬ

БФ-коллекция

Владимир Поселягин

**Охотник: Охотник.
Зверолов. Егерь**

«Издательство АСТ»

2014, 2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Поселягин В. Г.

Охотник: Охотник. Зверолов. Егерь / В. Г. Поселягин —
«Издательство АСТ», 2014, 2016 — (БФ-коллекция)

ISBN 978-5-17-114337-4

Он МОНСТР, он НЕЛЮДЬ, он ЧУДОВИЩЕ. Именно так бы подумали простые люди, если бы узнали, кто ОН на самом деле. Но никто так и не узнал, ОН погиб при выполнении служебного долга при задержании наемного убийцы, а его сознание и душа переместились в прошлое. Теперь он Игорь Соколов, пятнадцатилетний школьник. Граждане шестидесятых даже не подозревали, кто теперь находится рядом с ними под личиной добропорядочного юноши. Зато об этом скоро узнают серийные убийцы и маньяки, ведь теперь в теле юноши находится охотник, который знает о них всё. Так вот что я скажу вам: прячьтесь, ведь охотник выходит на тропу войны. Скоро вы станете такой же дичью, как и ваши жертвы.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-114337-4

© Поселягин В. Г., 2014, 2016
© Издательство АСТ, 2014, 2016

Содержание

Охотник	6
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Владимир Поселягин

Охотник: Охотник. Зверолов. Егерь

© Владимир Поселягин, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

ОХОТНИК

Пролог

– Давай, – кивнул я Косте.

Мы расположились по обеим сторонам от двери, чтобы, если что, нас не достала пуля или взрывная волна. Это уже профессиональная привычка.

Костя Мельников, опер из нашего отдела, нажал на дверной звонок.

Адрес был не простой. Я бы даже сказал, очень не простой. Он был вторым в списке, где мог находиться Кривой – отморозок, которого мы ловим вот уже полдня. Почему второй? Потому что в первом мы уже были, и он там не появлялся.

По второму адресу жил его сослуживец. Кривой с ним не общался, но я поставил его на верхнюю строчку в поисках, чутье редко подводило меня.

Было нас пятеро. Кривой, в миру Всеволод Зиновьев, был когда-то капитаном. Служил в Афгане в мотострелковых войсках, командовал разведротой. Тот еще тип. Тренировок не забросил, жиром за пятнадцать лет не заплыл – опасный соперник, но не для меня, я и не таких делал. Сейчас Зиновьев считался элитным киллером. Но работал он грязно, свидетелей, даже если это дети, убирал на месте без всяких сомнений. Именно поэтому мы и работали по нему. Наш райотдел хоть и находился в новостройках, но был на хорошем счету. Восемьдесят процентов раскрываемости – это как? Работаем. Нужно сказать, что мозги у меня всегда варили, поэтому неудивительно, что я уже два года как зам нашего начальника СКМ. Так что все раскрытия были на мне. Нет, реально, почти весь процент раскрытий был на мне. Голова варила, хотя все удивлялись, как-то не вязалась гориллоподобная фигура с титаном мысли, но... Уже три года, как должны были дать майора, но я все еще ходил в капитанах из-за одного случая с полковником.

Так вот, на последнем деле Зиновьев положил чету предпринимателей. Так еще, когда уходил, убил и соседей жертв, двух мальчишек семи и девяти лет, вышедших на лестничную площадку в ожидании родителей.

Плохо было не только то, что он убил детей, хуже для него было, что он сделал это в нашем районе. Сейчас же мы находились в другом районе Питера, проверяя его возможные хаты. Три дня мы пахали как проклятые, пока не смогли его вычислить, и вот теперь очередной адрес. Повезет или нет.

Работали мы как обычно. Один опер в подъезде на первом этаже. Один на улице, и двое со мной.

«Макаров» в руке, уже готов к бою, когда, наконец, мужской голос спросил:

– Кто там?

Глазка в двери не было, и хозяин четырехкомнатной квартиры на одиннадцатом этаже не видел нас.

Заранее приглашенный сосед, бросив на нас испуганный взгляд, слегка дрожащим голосом сказал:

– Сергей, это Витя. У тебя столбика до завтра не будет? Трубы горят.

– Что, опять наклюкался вчера? – благожелательно поинтересовался хозяин, щелкая замками.

По моему жесту сосед отошел в сторону и спустился на несколько ступенек вниз, с интересом наблюдая.

Как только дверь чуть приоткрылась, я просунул пальцы и, упершись ногами о косяк, мощным рывком дернул дверь на себя.

Как и думал, цепочку хозяин не снял. Со звоном отлетело порванное звено, и я от толчка покатился назад. Все это отрабатывалось не раз, так что на моем пути никого не было. Пока я вставал, оба опера с криком: «Лежать! Работает ОМОН!» – ворвались в квартиру, положив хозяина на пол. Вскочив, я последовал за ними, держа пистолет наготове.

Быстро осматривая комнаты, мы продвигались дальше. Вдруг сзади раздался щелчок. Повернувшись, я чуть не получил резко распахнувшейся дверью по лицу. Комната, которую только что проверил Костя, была не пустой.

От удара я защитился рукой, но все равно толчок был мощный, и мои сто семнадцать килограмм живого веса полетели назад. С грохотом приземлившись на спину, я тут же вскинул пистолет и, не обращая внимания на боль в спине, дважды нажал на спуск, дырявя дверь.

– Проверка! – крикнул я, вскакивая.

Мы держали дверь на прицеле, придвигаясь ближе.

– Граната!!! – заорал второй опер Алексей Мотыльков.

Зиновьев был боевым офицером, так что шансов у нас не было. Граната разорвалась без задержки. Меня спасло то, что это была РГД и все двери были открыты. Взрывная волна, приподняв, швырнула меня назад. Судя по тому, что упал на мягкое, и это мягкое вскрикнуло, упал я на одного из своих оперов. Леха стоял справа, значит, придавил Костю. Взрыв не прошел бесследно, грудь и живот пекло. Я заслонил собой от осколков и Леху, и Костю. Проблема была еще в том, что получил контузию, да еще фактически не слышал.

Перед глазами что-то стремительно мелькнуло и выскочило на лестничную площадку.

Шатаясь, я встал, обвел взглядом своих парней:

– Как вы?

Судя по тому, что ответа не было, они получили такую же контузию, как и я.

– Я за ним, оставайтесь тут! – скомандовав, я ринулся вслед за Зиновьевым – на сто процентов уверен, что это был он.

Перепрыгнув через продолжавшего лежать в прихожей хозяина квартиры – судя по всему, ему досталось осколками, – поскакал по ступенькам вниз, перепрыгивая сразу через несколько. Бежать было трудно. Сильно пекло грудь и стала проявляться слабость, но, сжав челюсть, я продолжал спускаться со всей возможной скоростью.

На нижней площадке полулежал Кирилл – тот опер, что я оставлял внизу, – зажимая окровавленный живот.

– У него мой пистолет... и еще нож. Быстрый, сука... я удары даже не заметил, – прохрипел он.

Молча пробежав мимо – кровника надо догнать, – я рывком распахнул входную дверь и сразу же получил две пули в грудь.

В десяти метрах передо мной стоял Зиновьев с надвинутой на глаза бейсболкой. Он был во всем черном, стоял и стрелял в меня.

«Как глупо попался!» – была последняя мысль.

Костя, придерживая сломанную руку, быстро спускался вниз, следуя за капитаном.

«Черт, если бы лифт работал!..»

На третьем этаже он услышал, как скрипнула входная дверь, сразу же за этим раздалась выстрелы. Подскочив к окну, Мельников посмотрел вниз. Там стоял разыскиваемый Зиновьев и стрелял в команду. На глазах Кости происходило страшное.

Капитан Вольных, получая в грудь полю за пулей, шел на подкашивающихся ногах вперед, приближаясь к киллеру, лицо которого все больше вытягивалось. Вдруг капитан вскинул руку,

и прозвучала быстрая серия выстрелов. Было такое впечатление, будто в руках у командира не обычный «макаров», а пистолет-пулемет.

Получив эту «очередь» в грудь, Зиновьев упал. Поглядев на покачивающегося капитана, Костя собрал все силы и стремглав побежал вниз. Он прекрасно знал: в этот раз Олег брошежит не надел.

– Как ты? – спросил он Кирилла, лежавшего на ступеньках.

– Держусь... со «скорой» бы поторопились... – в два приема выдохнул молодой опер.

– Ща все будет! – проорал Костя, продолжая бежать, он уже успел связаться с дежурным отдела.

Выбежав наружу, Константин замер. Вольных лежал на спине, изредка по его телу пробегала судорога. Зиновьев лежал без движения. Только сейчас Мельников заметил пятого оперативника, Егора. Он лежал чуть сбоку с ножом в горле. «Метательный», – машинально отметил он.

– Олег? – подбежал Костя к капитану и упал рядом на колени.

Прохрипев несколько слов, тот замер.

Завыв, Мельников со всей силы ударил рукой по земле.

* * *

Меня натурально месили ногами. Это была не драка, а убийство, так бьют, чтобы убить. Знаю, сам не раз бывал в такой ситуации, и ногами работать умел.

Сквозь кровь, которая стекала на глаза, я быстро осмотрелся, продолжая закрываться руками. Удивительно, что били меня говнюки лет по пятнадцать-шестнадцать. Самое главное – я не понимал, где я. Последнее, что помню – как Зиновьев выпускает в меня магазин, пуля за пулей... и все, я почти сразу оказываюсь на земле, и меня месят эти малолетние твари.

До скрипа зубов хотелось ответить, но проблема была в другом, я совершенно не чувствовал своего тела. То есть мозг давал импульсы конечностям, по крайней мере когда я захотел закрыть голову руками, это произошло, но все же тела я не чувствовал.

Больше всего меня тревожила непонятность происходящего. Где я? Где мой пистолет? Что это за гаденыши? Где мои парни? Где новостройка, в которой мы проводили столь неожиданный захват? Я успел охватить за одно мгновение окружающую нас улицу. Пятиэтажные дома из красного кирпича? Черт, да где я?

Вся эта круговерть молниеносно пронеслась в голове, дальше я уже действовал на инстинктах. Раз не чувствую боль и тело более-менее послушно, так надо показать этим соплякам, что может бывший офицер спецназа ФСБ.

Взяв в «ножницы» ноги одного из салажат, я провел серию ударов по конечностям мелких хищников. Результат был не тот, на какой я рассчитывал. Нет, кость у одного хрустнула, и он с воплем упал, но другие просто отскочили.

Что за черт? Я смотрел на не свои руки. Они могли принадлежать какому-нибудь очкарику-музыканту, но никак не здоровой горилле в сто двадцать килограмм живого веса.

– Бей урода! – прозвучал мальчишеский крик. Видимо, вожака.

Дальше я крутился на инстинктах, при этом стараясь запомнить лица зверенышей. Мечь – одна из болезней, которую я так и не смог преодолеть. Заметив взмах арматуры, машинально откатился в сторону, уходя от удара. Это меня спасло, вместо головы хрустнула рука ниже локтя. Только тут я начал чувствовать тупую боль.

Я уже поплыл, когда прозвучал вдали чей-то возмущенный женский крик, и гаденыши, подхватив своего, прыгнули от меня в стороны. Лишь на силе воли приподнявшись, я посмотрел одним глазом на кричавшую – второй был, похоже, выбит – и увидел бегущих ко мне двух

женщин в странной одежде. Это было последнее, что помню, целая рука внезапно подломилась, и я ткнулся лицом в землю.

Сначала было слово... и это слово было матерным.

– ...утку тут бросила? – послышался несколько интеллигентный голос. Даже не открывая глаз, я понял, что рядом один из представителей древнейшей профессии, целитель. Или, проще говоря, врач.

– Извините, Иван Эммануилович, санитарка тут убиралась. Видимо, забыла утку убрать.

– Матрена?

– Она.

Наконец мне удалось разлепить один глаз и, чуть повернув голову, посмотреть в сторону говорящих, второй категорически отказывался открываться.

Там действительно обнаружили двое. Мужчина лет сорока пяти в странном, но несомненно медицинском халате, и медсестра примерно лет тридцати с конопатым лицом. Доктор в это время, чуть нагнувшись, отряхивал забрызганные штаны, что заставило меня усмехнуться, слегка скривившись от боли в разбитых потрескавшихся губах.

С трудом приподняв левую руку и покрутив кистью, я осмотрел ее. После чего вздохнул: это была не моя рука. Правая была в гипсе. Пока доктор выговаривал медсестре, видимо старшей, раз она отвечала за санитарок, я быстро прикинул варианты. Единственная пришедшая мысль – это не суетиться, нужно косить под потерявшего память, пока не разберусь, что со мной. То, что меня убил киллер, я уже не сомневался. Но где я? Кто я? Пока не выясню – ничего и никого не знаю. Я знал, гибкое мышление и достаточно жесткий характер монстра в человеческом облике не дадут мне нервничать и истериковать от всего этого.

– Иван Эммануилович, больной открыл глаза, – отвлекла от себя внимание врача медсестра, заметив, что я рассматриваю их.

– Игорь? Как ты себя чувствуешь? – перестав отряхиваться, поинтересовался доктор, подходя ближе.

«Отлично, теперь я знаю, как зовут это тело!» – мелькнула мысль.

– Плохо. Все болит, и второй глаз не открывается, – пробормотал я, с трудом ворочая языком.

Видимо, поняв мои затруднения, врач велел медсестре напоить меня. Взяв поилку с тумбочки, женщина подошла и дала напиток через короткий носик.

– Тело болит? Странно было бы, если бы не болело. На тебе живого места нет, все тело – сплошной синяк. Я до сих пор понять не могу, как так получилось, что, кроме сломанной руки и носа, никаких переломов у тебя нет. А глаз? Правый глаз не откроется, пока здоровенная гематома не спадет.

– Понятно. А кто я?

Вопрос повис в воздухе. Доктор открывал и закрывал рот, изумленно глядя на меня. Медсестра, убиравшая поилку, замерла, удивленно обернулась и посмотрела на врача.

– Так! Что ты помнишь?

– Ничего. Совсем. Только ваши голоса, открываю глаза и вижу вас, остальное как в тумане, – после того как попил воды, разговаривать стало заметно легче, но я все равно шепелявил, полость рта была странной, не моей, не привычной. Видимо, от этого и шла эта невнятность.

– Что это такое? – вдруг спросил меня доктор, ткнув пальцем в стул.

Я на автомате ответил:

– Стул.

– А это?

- Медицинский халат.
- А я кто?
- Доктор, наверное.
- Хм, – врач задумался.

Кстати, когда обзывал врача доктором, медсестра тихо охнула. Проанализировав, что бы это значило, понял, что доктор это тело знает. И скорее всего, тело тоже знало врача.

– Ты меня помнишь? Посмотри внимательней, может, вспомнишь? – попросил врач, закончив размышлять.

- Вы Иван Эммануилович, – сразу же ответил я.
- Вспомнил? – обрадованно хлопнул себя по колену врач.
- Нет, – расстроил я его. – Слышал, как к вам обращается медсестра.
- Понятно, – он снова задумался.
- Вы еврей? – поинтересовался я, с интересом его разглядывая одним глазом.
- Да, это тебя как-то волнует?

На этот вопрос предпочел промолчать. Не то чтобы не любил евреев, я был полностью согласен с одним человеком: «Убей еврея – сделай мир чище». Хотя он вроде про иудея говорил, но особой разницы я не видел, так что при любой возможности портил им жизнь конкретно. По крайней мере всех Кацев и Рабиновичей из своей девятиэтажки повывел, кто сам уехал, а кто и... Но это другая тема, трупом в речке больше, трупом меньше... Кто их считает?

Видимо, доктор понял меня правильно, но почему-то не рассердился, а насмешливо хмыкнул.

– Настя, приберись тут, я сейчас вернусь, – велел врач и, бросив на меня быстрый взгляд, вышел из палаты.

– Настя? Вы ведь Настя? Если можно, я бы хотел еще воды и приподняться, сесть то есть.

Медсестра просьбу выполнила, напоила и помогла принять полусидящую позу, приподняв подушку.

Пользуясь возможностью, осмотрелся и почти сразу наткнулся на пару внимательных глаз. Палата оказалась четырехместная.

У противоположной стены на кровати лежал мужчина с забинтованным животом, судя по виду – или без сознания, или просто спит. У той же стены, но ближе к окну, еще один, с забинтованной челюстью, это он меня рассматривал. Кто был сзади, не видел, но судя по громкому сопению, там тоже кто-то лежал.

Медсестра Настя сама устроенный бардак убирать не стала, а нагнала целую толпу санитарок, которые быстро придали палате первоначальный вид, даже пол вымыли, причем дважды.

Доктор вернулся не один, а в компании других врачей, причем ни одного молодого, всем на вид за полтинник. Главенствовал среди них сухонький старичок академического вида с орденскими планками, мелькнувшими под расстегнутым халатом. У этого, в отличие от остальных, халат расстегивался спереди. Среди знаков отличия я четко различил и опознал одну – орден Ленина. Боевой старик, похоже.

Поправив рукав новенького свежего халата, Иван Эммануилович подошел ко мне и, посмотрев в открытый глаз, сказал:

– Ну что, Игорь, давай мы тебя осматривать будем.

И действительно, полностью осмотрели, дальше они работали по моей амнезии. После часа расспросов был поставлен диагноз. Диссоциированная амнезия. Знать бы еще, что это за амнезия, но врачи ничего не сказали. Негромко совещаясь, они вышли из палаты, оставив нас одних.

Было скучно, но я развлекался тем, что пытался овладеть рукой, точнее пальцами. Рука не своя, движения фактически другие, рефлексy не действуют, вот и смотрел на молодую, фактически мальчишескую безволосую руку и разгибал и сгибал пальцы.

«А ведь, кто я такой, мне так и не сказали», – подумал я меланхолично. Одно и то же действие меня как-то усыпляло, поэтому мысли текли медленно. Я не знал даже какое сейчас время суток, не считая дня недели, месяца, да и года.

Лежал я головой к окну и ногами к двери, так что улицы не видел, хотя если судить по уровню света и солнечному лучу, сейчас день, ближе к вечеру, точно не скажу. Анализ одежды врачей и медсестер показал – если за окном не осень или весна, то зима точно. Некоторая одежда, что мелькала под халатами, на это намекала. Так что я попал не только в другое тело, но и, похоже, время года изменилось, интересно только насколько?

– На ужин! – услышал я женский крик в коридоре. Однако из нашей палаты так никто и не встал, видимо, все тут были лежачие.

Через пару минут в дверь ткнулось что-то железное, и в палату вкатилась тележка с тарелками.

– Ну что, больные, сейчас кормить вас буду, – известила нас санитарка. Я уже научился их различать, халаты были немного другие.

Сначала она подошла ко мне и поинтересовалась:

– Сможешь пользоваться столовыми приборами?

– Пока не попробую, не узнаю. Помогите сесть.

Санитарка помогла мне сесть и поставила на стул тарелку с кашей и стакан чая.

– Вот хлеб и ложка.

Взял протянутую ложку, причем получилось только со второй попытки. С первой я позорно промахнулся.

«Нет, надо что-то с этим делать, да и осмотреть себя тоже нужно. А то, может, попал в тело какого-нибудь задохлика, вроде нашего Мойши, которого я сунул в мусорный бак», – размышлял я, пытаюсь поесть, однако и тут чужие руки внесли свои коррективы – ложка тыкалась в любое место, кроме рта. То есть если я ел задумавшись, то ложка точно проходила мимо рта, если сосредотачивался и смотрел на нее, то попадал куда надо. Однако было одно но: сосредоточиться было трудно, я постоянно прикидывал разные варианты своего, можно сказать, внедрения, и свои шансы на легализацию.

Вопрос решился просто: я стал пользоваться двумя руками. По крайней мере так не разбрызгивал кашу и попадал куда надо. Судя по всему, такой разнос в движениях был из-за нашей разницы в комплекции. Доедая кашу, стал обдумывать эту версию.

«А ведь похоже. Это что, теперь мне полностью нужно переучиваться на новое тело? Мда, но как ни странно, это даже к лучшему, чем больше времени проведу в больнице, тем легче будет адаптироваться».

Вытерев полотенцем, висящим на спинке кровати, лицо, с интересом посмотрел на соседа сзади, которого как раз сейчас кормила санитарка. Это был могучий мужчина лет сорока с усами, как у Буденного. Судя по гипсу, у него были сломаны обе руки.

Осторожно, потихонечку приняв полусидячее положение, я стал размышлять о своей будущей судьбе, однако ни к чему это не привело. Слишком мало информации. Нет, кое-что есть, конечно. Хотя бы одежда, да и обстановка в палате. Было такое впечатление, что я застрял в какой-то больнице в самой глухомани, которая так и осталась на уровне конца шестидесятых.

– Больной, вы съели только половину, – тихо произнесла санитарка.

– Не хочется больше, спасибо.

Проследив взглядом, как санитарка вместе с тележкой вышла из палаты, снова было уставился в потолок, как дверь открылась, и вошел Иван Эммануилович.

– Игорь, как ты себя чувствуешь? – поинтересовался он, требовательно глядя мне в глаза.

– Как сильно избитый человек. Может, вы все же расскажете мне, кто я? – Но ответа так получить и не успел. Дверь в палату внезапно распахнулась и к нам ввалилась странное существо, в котором я позже опознал женщину лет сорока в ворохе одежд и юбок.

– Изя?! Изенька, сынок, что же они сделали с тобой?! – выкрикнуло это... эта... женщина и, к моему удивлению, ринулась ко мне.

– *Изя???* Я еще и *Изя???* А-а-а-а-а!!! – только и сумел выдохнуть-выкрикнуть я, прежде чем эта женщина приблизилась.

От моего крика женщина отшатнулась, но потом, взяв себя в руки, снова кинулась ко мне. Пользуясь моей слабостью, меня всего обслюнявили поцелуями, закапали слезами и оглушили причитаниями.

– Изенька, кто это сделал?! Кто тебя избил?! Как ты себя чувствуешь? Опиши мне этих подонков, я их из-под земли достану! Милицию на них натравлю...

– *Женщина*, да вы кто такая?! Отойдите от меня, я вас не знаю!

* * *

Что можно сказать? Первая неделя была самая тяжелая. Тут, что ни говори, но нужно сказать спасибо всем «моим» родственникам со стороны матери. Они расписали дни по дежурствам и с какой-то даже манией приходили и заботились обо мне. Сам я детдомовский, и для меня все это было странным. Я еще ни разу не видел столько любви и нежности к себе от столь разных людей. Даже довольно молодая на фоне остальных двадцатисемилетняя Серафима, ничуть не стесняясь, мыла меня и подтирала, если у меня случалась «неожиданность» с взбунтовавшимся желудком.

После того как я очнулся и поел, со мной стали происходить странные вещи. То есть я фактически полностью утратил контроль над телом. Были, конечно, странные периоды, когда я себя более-менее чувствовал, как в первое свое пробуждение, но тогда никак не мог снова взять верх над телесной оболочкой.

Нет, говорить там, или немного двигаться в пределах койки еще мог, но остальное...

Однако надежды я не терял и продолжал бороться, тренируясь. Очень помог подаренный Иваном Эммануиловичем экспандер, по крайней мере руки у меня теперь были постоянно заняты. Но кормили меня по-прежнему с ложки, я сам попросил, надоело, что меня постоянно моют, вот уж когда приду в форму... А то, что приду, я ни капельки не сомневался.

Теперь я, по крайней мере, знал, где нахожусь, то есть в каком времени. Ошибки быть не могло. Ноябрь тысяча девятьсот шестьдесят первого года. Вот такие дела.

– Игоря, я тебе книгу принесла, как ты и просил, – протянула мне Серафима алгебру за девятый класс. – Завтра Толик придет и принесет все, что вам назадавали за время твоего отсутствия в школе.

Раз попал в тело ребенка, то нужно соответствовать, я уже несколько дней восстанавливал школьные пробелы в памяти. А Толик – это мой младший брат, он младше меня на три года и ему уже двенадцать, мне, соответственно, полгода назад исполнилось пятнадцать.

Думаю, пора рассказать, куда я попал. Тело, в котором я находился, ранее принадлежало Изе Викторовичу Соколову (о как!), но все его звали Игорем, я тоже на этом настоял, и только мать тела звала его по имени, записанному в метрике. Мой отец, стройный с проседью в волосах мужчина, ходивший только с тростью, Виктор Алексеевич Соколов, работал диспетчером в автохозяйстве. У него не было левой ноги – потерял в сорок третьем на Курской дуге, когда в кабину его самолета попал снаряд. Так легчик-штурмовик оказался в госпитале, где и познакомился с медсестрой Сарой. К сорок шестому у них на руках появился ребенок, то есть это тело, к этому времени они уже сыграли свадьбу. После окончания войны они поехали в Ленинград, но отец летчика-орденоносца резко отрицательно отнесся к невестке-еврейке и фактически выкинул их на улицу в лютые морозы, не обращая внимания на то, что та на сносях. Тогда они поехали к родственникам жены, где я, то есть это тело, родился, и вот они уже пятнадцать лет как проживают в славном городе-герое Киеве. В сорок девятом родился Анатолий – серьезный

паренек, с черным, как смоль, чубом; а еще через семь лет – две дочки-близняшки, Тома и Лида. Сестренки мне понравились: похожие на мать суетливостью, но ласкуны. Жила семья Соколовых в двух комнатах большой коммунальной квартиры в центре города. К этому времени я успел познакомиться со всеми «своими» родственниками, включая близких. Мне они в принципе понравились, и спокойный непьющий отец, и суетящаяся мать, которая так напугала меня в свой первый визит. Как бы то ни было, но мне пришлось вживаться в роль их сына и брата. Вроде нормально. Хотя если что, я играл тормозящего финна. Прокатывало иногда.

Один раз как-то я поймал брата за руку – раз одна из сиделок-родственниц отошла на пару минут – и начал расспрашивать его о себе. Каким «я» был.

Толику это явно не понравилось, и отвечал он не совсем охотно, возможно даже пару раз солгал. Но я смог просчитать его. После анализа я сделал вывод: Изенька был еще той мразью. Стукач в полной интерпретации этого слова. Наверное, именно из-за этого его так и обработали. В принципе, может, даже за дело, но проблема была не в том, что было заслужено, а в том, что в тот момент в теле находился я. В общем, только по этой причине парням не жить. Без шуток.

Шел конец ноября шестьдесят первого года. Мне нужно было восстанавливаться и вливаться в общество, одновременно собирая и анализируя информацию. Долго меня держать в больнице вряд ли будут. Но тут я ошибся – мной заинтересовался один из врачей и начал писать диссертацию на эту тему, поэтому на пару месяцев меня в больнице задержали, пообещав чуть позже перевести в военный госпиталь, где были спортзал и тренажеры. В общем, повезло, время мне было нужно.

К середине декабря я полностью восстановил все школьные программы, так что проблем с возвращением не будет. Наверстал и убрал пробелы, но вот с остальным пока не ах. С первого декабря я стал выходить во внутренний двор больницы, а спустя две недели уже бегал кроссы по молодому снегу и крутил солнышко в спортгородке техникума, что находился рядом с больницей. Ну, что сказать, это тело соплей перебить можно, вот я и начал восстанавливать, вернее, даже заново создавать мышечную массу. Первые же попытки показали, что это будет очень трудно, но я не унывал, с каждым днем усиливая нагрузку. Доктора наблюдали за мной. В принципе, физические травмы уже вылечились, но вот рефлексы... Но и тут я нашел выход, хоть и случайно. Как-то восьмого февраля тысяча девятьсот шестидесятого второго года к одному из моих соседей по палате пришел сын, с тренировки, звякнув на входе струнами гитары. Попросил подержать инструмент в руках. Я, не задумываясь, сделал гитарный перебор, причем сыграл так чисто, как не всегда в прошлой жизни получалось, а я ведь был довольно неплохим гитаристом и имел классический баритон. Сейчас-то у меня был ломкий тенор, но и песни под этот голос я знал.

Одно меня радовало, теперь с этой амнезией я могу себя вести, как мне заблагорассудится, все спишется на травму, даже изменившийся характер.

После этого я насел на родителей, и маме со слезами на глазах пришлось покупать гитару. Не потому, что жалко, а потому, что когда она принесла «мою любимую скрипку», я просто спросил – мне ее сразу об стену разбить или подождать, когда она выйдет. В результате планы матери сделать из меня великого скрипача провалились, зато Толик стал навещать меня каждый раз все с более грустным видом. Видимо, скрипка ему перешла по наследству.

Вот так и шло время, пока третьего марта (с госпиталем таки обломилось) навестивший меня брат, принесший новые школьные задания, не сообщил, что меня придут навещать одноклассницы. Меня изрядно удивляло, что никто не приходил из класса, это было противоестественно, но составив схему характера, что был у тела до меня, я понял, что вряд ли кто придет. Даже староста побрезгует.

Три девочки-подростка в школьной форме сдали верхнюю одежду в гардероб и, сжимая в руках портфели, остановились в приемном покое.

– Все-таки зря мы пришли, – сказала одна из них, с рыжими косичками. Холл был пуст, только дежурная сидела у стола с журналом регистрации, поэтому говорили они спокойно, хоть и не повышая голоса.

– Да ладно, быстро отмучаемся, потом Марине Львовне доложимся – и все. А то она и так постоянно спрашивает, как там Соколов. Как будто его брат не приходит и не рассказывает, – ответила другая, с крупными чертами лица и комсомольским значком на еще не большой груди. – Постоянно мне говорит, что я, как староста, должна всегда во всем быть в курсе. Как будто мне нравится этот слизняк.

Третья, молчавшая до сих пор, поставила портфель на скамейку и села, вторая присела рядом. Староста, отдав им портфель, подошла к молодой женщине в халате медсестры и сообщила, что они к Игорю Соколову.

– А, к Игорьку? Так нет его сейчас в больнице, на спортивной площадке он, бегают или на брусьях висит. Ему небольшой спортзал сделали в ремонтирующейся палате, – улыбнулась та. В это время дверь открылась, и в приемный холл влетел шустрый, стройный, коротко стриженный паренек, от которого буквально волнами исходил оптимизм. Даже свежий шрам, пересекавший бровь, не портил черты довольно красивого лица с выразительными глазами. А наоборот – придавал ему некий шарм.

Все три девочки, широко открыв глаза, смотрели на него, узнавая и не узнавая, настолько их бывший одноклассник изменился.

Отряхнувшись от снега, он даже мельком не посмотрел на одноклассниц и, улыбнувшись шикарнейшей улыбкой, обратился к медсестре, которая тоже обернулась ко входной двери:

– Лариса, любовь моя, как вы тут без меня? Скучали?

– Ой, так уж и любовь, – невольно улыбнулась дежурная. – Ты те же слова Марте вчера говорил. Операционной сестре из травмы.

– Ну что вы, Лариса, любовь, как трусы у моряка, один раз и навсегда.

В это время мимо поста проходил крупный мужчина в пижаме, с наколкой якоря на руке, он-то грозно и воскликнул:

– Но-но-но! Кто тут на флот бочку катит?

– Нечего подслушивать, иди, Матвейч, куда шел, – отмахнулся от него паренек.

– Смотри, в спарринг со мной встанешь на сегодняшней тренировке, все припомню.

– Ой, испугал. Вечером в спортзале. Там как раз новый боксерский мешок подвесили.

– А старьей?

– А старьей я порвал, – ухмыльнулся паренек.

– Опять этот кобель у поста крутится, – послышался старческий голос, и в проеме двери с надписью «Старшая медсестра» появилась пожилая, но бойкая старушка. – И так всех девок перетоптал, еще сюда лыжи наострил. И не стыдно тебе?

– Стыдно когда видно, – гордо выпрямился тот.

– Игорь, это к тебе, – подбородком указала дежурная на девочек, пока старшая медсестра от возмущения набирала воздух в легкие. – Наверняка одна из них твоя тайная любовь.

– Соплюшками не интересуюсь, – наконец паренек повернулся и серьезно их осмотрел. Веселья в его глазах уже не было.

Осмотрев всех трех девок, я спросил:

– Альбом принесли?

Все три закивали болванчиками.

– Вам бы с такими огромными глазами в японских анимешных фильмах сниматься, – невольно хмыкнул я себе под нос.

– Мы... кхм, – прочистила горло девчонка с крупными чертами лица и продолжила: – Мы принесли фотоальбом класса, как ты и просил. А еще вчерашнее классное задание по шести предметам.

– Хорошо.

Сев между двух девок, я взял альбом и, найдя фото всего класса, быстро его просмотрел, после чего ткнул в фото одного из мальчишек.

– Это кто?

– Женька Свиридов.

– У него случайно перелома ноги не было примерно в то время, когда на меня напали?

– Да, точно, только он лежал в другой больнице, в которой твоя мама работает.

Погладив пальцем фото, я пробормотал себе под нос:

– Скоро увидимся, гаденыш, – после чего посмотрел на девчат и велел: – Давайте показывайте, кто тут на фото. Имена, фамилии и кратко характер.

Когда девочки вышли из здания горбольницы, они еще некоторое время пребывали в ступоре. Первой в себя пришла, как и ожидалось, староста.

– И что это было?

– Это не Соколов, – уверенно ответила другая. – Где кудряшки, испуганный взгляд и писклявый голос? А вы видели, как он рассматривал фотографию Свиридова? А как расспрашивал?

– Как и всех, – пожала плечами староста.

– Нет, я видела его глаза, там было столько ненависти! А про ногу он спросил – ведь Женька именно тогда ее сломал!

– Так он же с дерева упал, – неуверенно сказала рыжая.

– Это он так всем говорил.

– Надо во всем этом разобраться, – решила староста. – Игорь сказал, что через неделю его выписывают. Там и разберемся.

– До окончания учебы осталось всего чуть больше месяца, – вздохнула рыжая.

Мне, конечно, не нравилось, в чем тут ходят, я раньше всегда одевался стильно, поэтому когда принесли серые теплые брюки на ворсе, свитер, рубашку и пальто с шапкой из кроличьего меха, то окончательно скис, а когда увидел ботинки, то чуть не умер от одной мысли их надеть. От стыда умру, если все это надену.

Сам я за последнее время носил только больничную пижаму и много раз стиранный спортивный костюм, что перепал мне от отца. Этого хватало, я даже в самые жгучие морозы бегал кросс и занимался на турнике. Ни разу не замерз, хотя, конечно, если поднимался ветер, то оставался в самодельном спортзале, сделанном по приказу главврача. А так даже не чихнул ни разу.

С тоской посмотрев на брата – это он должен был довести меня до дома и проследить, чтобы не заблудился, – я начал одеваться. Собрав вещи и попрощавшись с соседями, особенно с капитаном, что лежал на соседней койке, я вышел в коридор. Провожать меня пришли многие из женского медперсонала, мне было, на ком оттачивать свое мужское начало, поэтому раздав несколько воздушных поцелуев, я поспешил с братом выйти на свежий воздух. Мало ли что, вдруг какая заявит, что беременна. Ну на фиг, все-таки я тут изрядно повеселился, усмиряя бушующие гормоны.

– Прощай, одна тюрьма, и здравствуй, другая, – буркнул я и направился вслед за братом к автобусной остановке.

– Чего? – не расслышал Толик.

– До дома далеко идти?

– Да минут сорок.

– Пешком пошли, прогуляться хочу. Заодно город покажешь.

– Ага. Давай тут обойдем.

– А что тут строят? – спросил я, озадаченно глядя на отвалы земли и щебня, присыпанные снегом.

– Метро, – гордо ответил брат. – Еще одну ветку строят.

Забросив узел с личными вещами за спину, я неторопливо шагал рядом с Толиком и слушал его. Чехол с гитарой нес брат. Где кто живет, чей это дом, где здания администрации, магазинов и остановки троллейбуса. Школу он мне показал мельком, она была на другой стороне улицы. Немного забавляли транспаранты с лозунгами, но в связи с отсутствием рекламы, встречены были мной вполне благожелательно.

Больше всего меня удивляла одежда и довольные и радостные лица прохожих. Постовой в шинели с двумя рядами блестящих пуговиц и шапкой-ушанкой, что стоял на перекрестке, тоже привлек внимание, но не сильно. Когда к соседу по палате приходили сослуживцы, я успел рассмотреть форму, понимая, что она мало похожа на привычную мне милицейскую. Видимо, ту введут позже. Да и то, что МВД сейчас не МВД, тоже удивляло. Оказалось, называлась эта структура – МООП. А расшифровывалась как Министерство охраны общественного порядка. Во как.

Наконец мы зашли в небольшой проулок, с одной стороны был высокий забор и заводской корпус, с другой – три двери в подъезды пятиэтажки явно еще царской постройки. Двор был пуст, ни одного человека.

– Мы на пятом этаже живем, окна на другую сторону выходят, – сказал Толик.

– Ага, – принял я информацию к сведению.

Двор, как я уже говорил, был пуст, хотя тропинки расчищены, да доносился детский смех и визг из-за угла дома.

– Там снежная горка, все дети из соседних домов туда после школы и садика бегают.

– Ага, – повторил я.

С этой стороны дома был сделан кованный железный забор с острыми зубьями сверху, к подъездам было проделано только три прохода, в остальном забор шел ровно, поднятый на полуметровом фундаменте. Наверняка так же, как и дом, он был царской постройки, хотя судя по едва заделанным щербинам на стене, но уже покрашенным известью – дом был покрашен в белый цвет – бои шли и тут.

В это время сверху я отчетливо расслышал скрип окна, кто-то открывал одну из створок. Посмотрев вверх, я рассмотрел парня моих лет, который смотрел на нас и щерился. Брат почему-то заспешил укрыться во второй подъезд, где, видимо, мы жили. Парень показался мне знакомым, поэтому я помедлил, переводя взгляд с него на забор и обратно, после чего последовал за братом.

Брат, поднимаясь по скрипучей деревянной лестнице на пятый этаж, говорил:

– Сегодня четверг, все на работе. Так что в это время редко кого встретишь. Сейчас я тебе покажу нашу квартиру, а потом побегу за Лидкой и Томкой, потом мы еще зайдем в магазин, надо будет купить хлеба, молока и сметаны.

– Толя, знаешь, думаю, что в магазин я и сам схожу, заодно прогуляюсь и осмотрюсь.

– Но...

– Я не инвалид, разберусь.

– Ладно, – сдался брат. – Тогда мы с сестренками на горку по пути зайдем, покатаемся.

Причем лицо у него было такое, что он бы и сейчас туда рванул.

«Совсем еще ребенок», – с неожиданной теплотой подумал я, с легкой улыбкой наблюдая за братом. Подойдя к одной из двух дверей, к той, что находилась справа, и не пользуясь ключом, тот просто открыл ее.

«Ах да, тут же коммуналка», – подумал я, разглядывая шесть звонков, рядом с каждым карандашом была написана фамилия с инициалами. Соколовы шли третьими.

Когда я следом за братом зашел в прихожую и тоже начал снимать обувь, из первой же двери справа вышел тот самый парень, которого я видел стоявшим на подоконнике.

«Не ошибся, он это», – мысленно подумал я, спокойно глядя на лицо одного из тех подонков, что избивали меня.

Брат как-то сжался, но я спокойно посмотрел на парня.

– Вернулся, значит? – фыркнул тот и скрылся у себя в комнате.

– Кто это? – спросил я Толика, следуя за ним к нужной комнате.

– Пашка Ромов.

– Хороший пацан?

– Не сказал бы.

– Понятно.

Мы прошли по длинному коридору и подошли к четвертой двери слева. Понюхав воздух, я понял, что с кухни тянет запахом жареного лука и еще чего-то незнакомого.

Коммунальные квартиры были разные. Были такие, где соседи жили держась друг за друга и помогая чем есть, в общем, дружные и хорошие соседи. Были и плохие, там, где царила грязь, боль и страх. Эта явно относилась к первой, жили, похоже, тут дружно, атмосфера наводила на такие мысли.

Брат ключом отпер замок и распахнул дверь, мы прошли в мое временное жилище. Обстановка была немного спартанской, но музыкальный прибор с огромной жестяной трубой указывал на некоторый достаток в семье. Комод с хрусталем и другой посудой только подтверждал это. Был еще ковер на стене и широкая тахта. Про стол у окна и несколько стульев не стоило и говорить. В стене слева от входной двери виднелся открытый дверной проем.

– Тут мы обедаем и родители спят, а наша комната там, – указал брат на дверной проем. – Раздевайся, вот твои тапки.

За десять минут, после того как мы сняли верхнюю одежду и повесили ее на крючки у входной двери, он показал мне наши комнаты, общие туалет, ванную и кухню, а также объяснил, кто где живет. Кроме нас и уже знакомой семьи Ромовых было еще четыре семьи. В основном молодые, пенсионеров не было. Большая часть были работниками автохозяйства рядом с домом. Я ошибся – это был не завод, а ремонтный цех автохозяйства, где отец работал диспетчером. Остальные четыре семьи носили фамилии Ивановы, Дашкины, Судаевы и Розовы. Родителей еще не было, но часть школьников, у которых должны были закончиться занятия, скоро начнут прибывать домой. Кроме нас в этой коммуналке было еще семь детей. Одного мы видели, остальные, наверное, или в школе, или в садике.

– Не надо меня опекать, я не маленький, – сказал я Толику, который медлил идти в садик за сестренками. Тот вздохнул и достал из кармана мятый бумажный рубль и горсть монет.

– Бидоны для сметаны и молока на полке у двери, я тебе показывал. Там же сумка. Магазин через три дома от нашего, в переулке. Называется «Колхозник», у любого прохожего спросишь, укажут.

– Ты мне уже это говорил. Я только прошлое забыл, с теперешней памятью у меня все в порядке.

– Ладно, твой ключ висит у входной двери, не забудь запереть, – сказал брат и тут же выскочил, когда я зарычал. Даже мне начали надоедать инструкции, которые повторяются пять раз подряд.

Убрав деньги в карман брюк, я помедлил и стал обходить комнаты. Взяв вещи, я уложил все на свою кровать – потом уберу в шкаф, повесил чехол с гитарой на гвоздик, забитый в стену. Ранее тут, видимо, висела скрипка.

Побродив по комнатам, привыкая к обстановке и запаху, стоявшему в них, я потрогал вещи и, поправив криво висевшую картину с натюрмортом, направился к вешалке, где снял пальто и шапку. Пора идти в магазин.

Сунул оба жестяных бидона в сумку: один, тот что для сметаны, был эмалированным, литра на два, а для молока – алюминиевый, литра на три с половиной – вышел из комнаты и закрыл нашу квартиру на ключ.

Пока я надевал обувь и спускался во двор, мне так никто и не встретился. Только на выходе со двора на улицу попала девочка лет десяти, которая тихо поздоровалась и, получив бодрый ответ, остановилась и долго буравила мне удивленно спину взглядом.

Повернув за угол, я уточнил у прохожего, где магазин, после чего отстоял небольшую очередь и направился домой, неся в руках тяжелую сумку с двумя буханками черного хлеба, бидонами с молоком и сметаной, которые продавались на разлив из огромных фляг. В магазине витал неповторимый и даже немного знакомый запах.

Когда до дома осталось полквартила, я увидел книжный магазин на первом этаже пятиэтажного здания и, помедлив, повернул к нему. Денег осталось мало, но можно же просто посмотреть.

– Игорь, здравствуй, – окликнула меня дородная продавщица лет за сорок, с явно выраженным вторым подбородком.

– Простите?

– Ой, ты же ничего не помнишь, – жалостливо улыбнулась та. – Я Людмила Андреевна Андреева, мы живем в соседней коммунальной квартире на одной с вами площадке. Моя Настя учится с тобой в одном классе.

– Не помню, но буду знать. Приятно с вами снова познакомиться, – приветливо улыбнулся я, что с этой мордашкой, которая мне досталась, было не трудно. – Мне бы хотелось посмотреть свод законов по уголовному и гражданскому кодексу. Это возможно?

– Ой, конечно-конечно. Я сейчас.

Соседка скрылась в подсобке, после чего появилась с двумя книжками в мягкой обложке. Обе были красного цвета и имели звезды на обложке.

Получив в руки вожделенные книги, я открыл их и быстро пробежался.

«Да, это то, что мне нужно... Блин, по полтора рубля каждая, а у меня всего осталось тридцать копеек с мелочью».

– Людмила Андреевна, а можно мне взять их в долг? Я постараюсь вернуть деньги как можно быстрее.

– Конечно, я сейчас запишу. Кстати, твой прошлый долг за ноты уплатила твоя мама.

«Ага, значит, это тут обычное дело», – понял я.

Убрав книжицы в сумку, я поблагодарил соседку, вышел на улицу и неторопливо направился домой. Было около четырех часов, скоро вернутся родители с работы. Ну, отец-то к пяти будет, а вот мать работает до шести. Для меня, кстати, после всех этих месяцев адаптации они уже стали родными, и не вызывает отторжения, когда я их называю, как было ранее. Да и родственники со стороны матери, с искренней заботой следившие за мной в больнице, тоже стали родными и близкими людьми. Несмотря на то что являлись представителями еврейского племени. Когда обо мне безвозмездно заботятся – я это ценю.

Во дворе было так же пусто, поэтому я спокойно следовал к своему подъезду. Не знаю, что сподвигло меня отскочить в сторону, видимо интуиция, но сверху начался желтый дождь. Я смотрел на ухмыляющегося Ромова, который продолжал мочиться, стоя на подоконнике. Дождавшись, когда искусственный дождь прекратится, я отряхнулся – несколько

капель попало, не отрицаю – и еще раз пристально посмотрел на окно Ромовых. Недоносок уже скрылся. Я направился в подъезд.

Стук в дверь я услышал в полпятого, когда заканчивал листать уголовный кодекс. В принципе, изменений было не так много. Я-то больше знал российский уголовный кодекс, но теперь понятно, что большая часть текста взята из этого, из советского. Даже некоторые параграфы совпадали.

– Войдите, открыто! – крикнул я.

Я сидел на стуле у окна, поэтому только повернулся, когда неизвестный открыл дверь.

– Здравствуй, Игорь, – поздоровался старший лейтенант милиции, на входе снимая форменную шапку с кокардой. – Ты помнишь меня?

– Здравствуйте, Петр Семенович. Проходите, присаживайтесь. У меня амнезия, с памятью после того, как очнулся в больнице, все в порядке, – на всякий случай я напомнил. – Вы трижды приходили ко мне насчет нападения, но, как и тогда, и сейчас я скажу. Ничего не помню.

– Я по другому поводу, – ответил участковый и присел на тахту, застеленную покрывалом. – Ты ничего странного не слышал у вас в коридоре?

– Да нет. Я только проснулся... правда, не понял, из-за чего. Ходил в магазин за свежими продуктами. Но, видимо, слишком устал и лег спать. А потом меня что-то разбудило, решил вот почитать.

– А что тебя разбудило, не скажешь?

– Да нет, не знаю.

– Хм... Не знаю даже, как тебе сказать.

– Говорите прямо, что-то случилось с моими родителями? Братом?! Сестрами?!

– Нет-нет, – поспешил успокоить взволнованного меня участковый. – Ты знал Павла Ромова?

– Да, когда мы шли из больницы, он выглядывал из окна, а потом в коридоре брат нас познакомил. Вернее, тот меня знал, просто Толя мне сказал, кто это такой... А почему вы сказали «знал» – в прошедшем роде? Я теперь его так и так знаю.

– Он выпал из окна. Видимо, несчастный случай, а ведь все его предупреждали, и я в том числе. Да еще случилось это на глазах у Иванишиной с третьего этажа. Сейчас она у себя, пьет успокоительное.

– Беда-а, – задумчиво протянул я.

– Значит, ты ничего не слышал?

– Да нет. По коридору кто-то бегал да причитал, но это уже было после того, как я проснулся.

– Ясно. Ну ладно, пойду к Ивановым, там уже кто-то вернулся с работы, их спрошу.

– Если я что вспомню, то обязательно сообщу. А так – заходите еще.

Как только участковый вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь, я презрительно хмыкнул и снова открыл книжицу на закладке. Роль закладки исполняла бумажка с неровно написанными строками. В ней рукой Павла Ромова были написаны те оставшиеся шестеро, кто напал на меня в октябре прошлого года.

Может, кто-нибудь скажет, что это слишком малая цена за мое избиение, но я считал иначе. У меня такой характер, и менять я его не хочу и не собираюсь. Да, это я отправил Павла Ромова в полет на железные копыта забора под окном его комнаты. Жить с ним в одной квартире я не собирался, к тому же старые и свежие сегодняшние грешки не давали мне существовать спокойно. Вот я и решил эту проблему кардинально. Причем именно так, как привык это делать еще в той жизни. Есть человек – есть проблема, нет человека – нет проблемы. Для меня важна внутренняя гармония души, но пока ходят и топчут землю эти подонки, что пытались меня

убить, ни о какой гармонии не может быть и речи. Да, я тоже не ангел, более того, если у меня вырастет хвост, копыта и рога, а я начну пахнуть серой, то нисколько не удивлюсь. Это моя внутренняя сущность, и если она проявится внешне, значит, так и должно быть. Я хоть и бывший пограничник, офицер спецназа ФСБ, а после тяжелого ранения сумел пробиться в опера МВД, но положительным человеком меня назвать нельзя. Я никогда не был и не буду хорошим. Таким уж меня сделала прошлая жизнь, и именно с этим характером я и попал в сей мир. У меня были причины уйти на темную сторону жизни, и надо сказать, что я ни разу не пожалел об этом. Будет время, может, приоткрою завесу тайны моей прошлой жизни. Однако я повторю, не надо считать меня хорошим человеком. Это далеко не так.

Теперь можно рассказать о том, что я узнал от Ромова перед тем, как выкинул его в окно. Про Свиридова из своего класса я знал, добавилась только информация о причинах, почему он участвовал в моем избиении. Оказалось, мое тело его сдало, причем довольно серьезно вложило, уличив того в краже денег, аж до директора дошло. Теперь тот на учете в детской комнате милиции. Но это было все с год назад, однако у Свиридова была крепкая память, и он решил поквитаться при первой же возможности. Я сам такой, поэтому хорошо понимаю его, даже жаль, что он выбрал меня в виде цели мщения.

Два других недоросля, Алексей Трифонов и Юрий Родимцев, также учились в моей школе, только в других классах, причины те же. Обоих тело вложило, причем неслабо так. Первого по поводу случайного поджога кабинета химии – родители платили за ремонт, так что злобу тот затаил немалую. Второго о том, что подглядывал к девкам в туалете. Причем тот это делал снизу.

А вот про троих остальных хотелось бы рассказать особо. Трудные подростки, учатся в соседнем районе, все – кандидаты на отчисление. Тело заложило их по ограблению сигаретного ларька, доказать не смогли, но те остались на подозрении.

Положив листок на столешницу, я дотянулся до подоконника и взял из пепельницы коробок спичек. Так-то отец, по словам Толика, курит на кухне, как и все, но на всякий случай пепельница есть и у нас в общей комнате. Глядя, как догорает листок, являвшийся в данный момент уликой, я подумал: «Скоро родители придут, надо будет обрадовать их непредвиденной для семейного бюджета тратой. Хотя на фоне “несчастливого случая”, думаю, моя информация пройдет с успехом... Блин, нужно адаптироваться и искать источники финансирования. Можно, конечно, найти работу, но по мне, так проще опустить на деньги местную бандитскую группировку. Тем более один из напавших на меня гаденьшей – брат вора. Не вор в законе, но уже близко. По словам Ромова, тот имеет немалый авторитет среди урок, да и сам трижды сидел. Грабить простых граждан даже у меня рука не поднимется, совесть какая-никакая просто не позволит, но вот воры – это совсем другое дело. В общем, посмотрим, цель для отъема денег у меня есть, но нужно подготовиться».

Через некоторое время пришли родители, они включились в помощь соседям, потерявшим сына, а я, сославшись на разболевшуюся голову, пошел отдыхать к себе, благо брат и сестры все еще были на горке. Нужно подготовиться, ведь в понедельник мне идти в школу. А это значит, что до этого времени я должен изучить район, в котором живу. Заодно погуляю у хаты марухи, где жил брат-авторитет одного из избивших меня убудков.

Похороны Ромова меня никак не коснулись, я воспользовался своей универсальной отмазкой: «Мам, у меня голова болит», – после которой получал таблетки от головы, брал трофейный бинокль отца – он был маленький и спокойно умещался в кармане – и уходил гулять. Так что похороны и поминки прошли мимо меня, зато гуляя по городу, я в достаточной степени изучил его, чтобы не путаться в улицах и домах. Осмотрел пустую из-за выходных школу, садик, куда водили сестер, ну и, конечно, подходы к квартире бабы авторитета. Имя у него

было Гоша-Музыкант, из-за того что он был неплохим щипачом. А пальцы, как у музыканта, и без наколок.

Пятница и воскресенье у меня ушли на гуляния, но вот в субботу после похорон, когда я вернулся домой поужинать и снова уйти гулять, на меня навесили сестер, поэтому вечернее изучение города сорвалось. Немного побыв на горке (пока я не замерз), мы направились через весь город к бабушке с дедушкой в гости. Толик убежал к друзьям, и с нами его не было.

У родителей мамы я еще не был, поэтому ходил из чисто познавательных интересов. Те жили на окраине города в собственном доме, поэтому сестры, хорошо знавшие дорогу, вернее маршрут автобуса и тропку от остановки, показали мне, где они живут. Бабушка, Елизавета Марковна, встретила нас с искренней радостью. Дедушки, Авраама Лазаревича, не было, ушел гулять – оба они были на пенсии, – но довольно скоро вернулся, застав нас за поеданием вареников с творогом.

С бабушкой и дедушкой жила наша прабабушка, Серафима Рузева, удивительно бойкая восьмидесятилетня старушка. Свою жилплощадь она отдала в приданое внучке, троюродной сестре мамы, а сама жила с сыном, то есть с моим дедушкой.

Тогда, за стаканом чая, я размышлял о столь не любимых мною евреях, глядел на прабабушку, бабушку и дедушку, думал, что слегка погорячился, смешав иудеев и евреев. Все прояснил мой дедушка, которого, как родителей и остальных родственников со стороны матери, я действительно стал считать родным.

– Понимаешь, Игорь, – дед потрепал по макушке Тому и снял ее с колен, вручив вареник. – Грань между евреем и иудеем достаточно тонка. Не все иудеи – евреи, и не все евреи – иудеи...

Долго я слушал старого еврея, бывшего интенданта партизанского отряда, о чем свидетельствовали награды: орден Отечественной войны первой степени и медаль «За боевые заслуги» – на фото, что висело на стене. Там дед был куда моложе, видимо, фото было сделано сразу после войны. В общем, он пояснил мне эту грань, достаточно квалифицированно введя в курс дела. Кстати, дед был христианским евреем. Иудеев среди моих родственников не было.

До темноты мы вернулись домой, где попали под заботу матери. Не потерявшая еще былую красоту дама – теперь понятно, в кого я пошел – пыталась нас накормить, невзирая на сообщение, что мы поужинали у бабушки, и отпустила сестер с Толиком на снежную горку. Окрестная детвора там веселилась до девяти вечера. Сама горка освещалась специально подвешенными фонарями, сделанными мастерами автохозяйства.

В воскресенье, как и говорил, я был представлен самому себе, поэтому почти весь световой день просидел на чердаке четырехэтажного дома у слухового окна, выходящего на подъезд и окна квартиры, где жил нужный мне авторитет. За этот день к нему наведальсь двое дружков и те самые трое ублюдков, что меня избивали, видимо, они всегда ходили втроем. Также я заметил не совсем профессиональную слежку. После короткого размышления двое молодых парней были признаны мною бывшими коллегами. Видимо, уголовка в чем-то заподозрила Гошу-Музыканта, ну или тренировала молодые кадры. Я сам так часто делал с новенькими и совсем зелеными операми.

Изучив лица и манеру походки всех, кто приходил к Музыканту, я незаметно спустился с чердака и направился домой. Нужно подготовиться, ведь завтра в школу, а вечером встреча с Николаем Петровичем.

Про последнего хотелось бы рассказать особо. Это был мой сосед по палате, капитан милиции Голушко Николай Петрович, опер уголовного розыска. Сошлись мы с ним на почве интереса к восточным единоборствам. Он был самбистом, причем, похоже, не особо хорошим, раз получил десять сантиметров стали в живот, и очень интересовался другими способами убийства себе подобных. А так как я, после того как привел тело в более-менее приличную форму, стал показывать некоторые результаты, то не избежал его внимания. На сетование, что у

меня нет хороших спарринг-партнеров, он предложил приходить заниматься к ним в спортзал отдела, где есть отличный инструктор. Мол, там даже иногда люди из комитета тренируются. В общем, договорились встретиться в понедельник вечером.

Утром мы с Толиком надели школьную форму, фуражки с кокардами убрали в портфели, застегнули верхнюю одежду и отвели сестер в садик. После чего направились в школу. Когда я переобувался в сменку, повесив пальто на крючок в раздевалке, ко мне подошла староста нашего класса.

– Здравствуй, Соколов, – нейтрально начала она.

– И тебе не болеть, Ющенко, – спокойно ответил я, надевая фуражку. Убожество эта школьная форма, военизированная страна, но куда деваться, тут все так ходят. Больше всего она напоминала школьную форму главного героя из мультфильма «Вовка в тридевятом царстве», вот и тут все мальчишки так ходили. Ничего общего с той, что помнил я. Разве что у девочек она мало изменилась до перестройки.

– Меня Юлей зовут, – напомнила та.

– Я помню, – кивком подтвердив, поправил пряжку ремня.

– Пойдем, я покажу, где можно переписать сегодняшние уроки и объясню, где наши классы. Сейчас будет история. Ведет Людмила Андреевна.

– А классная?

– Третий и четвертый урок. Она у нас литературу ведет.

– Хорошо, – сказал я, заканчивая со шнурками и разгибаясь. – Веди.

Следуя по коридорам школы за старостой, я крутил головой, чувствуя, что мне становится не по себе от огромного количества детей, носящихся по коридорам, и от того страшного гомона.

«Надеюсь, я быстро привыкну», – с сомнением подумал я. В это время какой-то мальчишка – на год, может на два, младше меня – умудрился, пробегая мимо, отвесить мне пендаля, но от расправы не ушел. Схватив его за шкурку, я перенаправил маршрут его движения, поэтому он со всего размаху влип лицом в оштукатуренную и покрашенную в зеленый цвет стену коридора.

«Хм, нос и зубы всмятку», – мысленно хмыкнул я и, не сбавляя шага, последовал дальше. Староста так ничего и не заметила, только обернулась внизу лестничной площадки на начавшийся шум в коридоре, мельком глянув на толпу детишек, окруживших пострадавшего.

Показав мне на доске объявлений наш лист с указанием уроков и номеров кабинета, она начала знакомить меня со школой. Некоторые школьники моего возраста здоровались со мной, частью это были одноклассники, остальных я не знал.

Пройдя в нужный класс, староста сказала, показывая рукой на пустую парту:

– Это твоя, ты сидишь вместе с Настей Андреевой.

На парте лежал учебник и тетрадь, показывая, что моя соседка по парте – в школе, просто куда-то отошла, да и в самом классе было всего человек десять, с которыми я коротко и сухо поздоровался. Ни с кем близко сходитья я не собирался.

Когда прозвенел звонок, класс быстро наполнился подростками, большинство глазело на меня. Поймав взгляд Свиридова, я приподнял верхнюю губу, показывая зубы, особенно один, обломанный. Тот все понял и опустил голову. Конечно, не стоило показывать недоноску, что я все помню, но месть тем и сладка, чтобы жертва чувствовала ее приближение.

Наконец в класс вошла пожилая учительница, и все встали. Чуть помедлив, я последовал примеру большинства.

– Здравствуйте, дети, – поздоровалась она.

– Здравствуйте, – хором ответили мы.

– Я гляжу, наш отличник Игорь Соколов вернулся? Ну что ж, давайте начнем урок.

История и последующая за ней биология прошли нормально, хотя больше всего вызывали меня, проверяя, не подзабыл ли чего, но пятерки, появившиеся в дневнике, доказали, что я отличник. Не тело, то уже прошлое – я сам в прошлой жизни закончил школу с золотой медалью.

На уроке литературы я познакомился с классной. Ну, что я скажу... она действительно была классной. Когда в класс с журналом в руках вошла девушка лет двадцати пяти с красивым лицом, обрамленным каштановыми волосами, с грудью третьего размера и точеной фигуркой под строгим серым костюмом, я невольно восхищенно цыкнул зубом и причмокнул губами. Девушка была в моем вкусе, не удивлюсь, что все мальчишки в классе влюблены в нее.

Получив локоть в бок от соседки по парте, немного пришел в себя. Кстати, она еще моя соседка по лестничной площадке. Это ее мама мне продала книжки по уголовному и гражданскому кодексу, за которые я уже занес деньги. Кстати, как оказалось, зарплаты у родителей были небольшими, но они умудрялись с этими мизерными деньгами не только жить, но и как-то содержать нас, своих детей. Вспомнив, как требовал себе купить гитару, я только огорченно вздохнул. Более чем уверен, что родители потратили на это все свои немногие накопления, если они вообще были и не пришлось занимать в долг. Ничего, как стану на ноги, сразу возьму им все траты.

Классная Марина Львовна была приветлива, она расспросила меня о состоянии, мило огорчилась, что я так ничего и не вспомнил, и начала урок.

Под конец занятия мне что-то прилетело в затылок. Проведя рукой, я увидел на пальцах обшлюнявленный комок бумаги. Видимо, классная имела отличное зрение, потому что немедленно сказала:

– Игорев, немедленно встань! Что это за детские игры – плевать в одноклассников?!

– Марина Львовна, вы не волнуйтесь и не огорчайтесь. Во время перемены я сам с ним поговорю, и он больше не будет так делать, – улыбнулся я классной чарующей улыбкой.

Та изрядно озадачилась моим поведением, поэтому спросила:

– Почему ты так решил?

– Понимаете, с разбитыми губами и выбитыми зубами очень трудно плевать.

– Ты хочешь его побить? – удивилась учительница, видимо, за телом в прошлом подобного не водилось. Сзади кто-то захихикал.

– Ну что вы, я *его* даже не ударю ни разу, – подняв руки, показал я чистые ладони.

– Все-таки я поступлю по-своему... Игорев, дневник!

После того как урок закончился, мы остались в этом же кабинете, так как следующей тоже была литература. Я дождался, когда учительница выйдет, и направился к задним партам.

Ожидая подобного, я морально подготовился, понимая, что мне нужно сразу показать в классе, кто есть кто, чтобы в последующей учебе ничего похожего не было. Угораздило же меня попасть в тело слюнтяя и мальчика для битья...

– Ну и что ты мне сделаешь? – скрестив руки на груди, спросил крепкий кареглазый паренек гораздо крупнее меня. Большая часть класса осталась, ожидая, что будет, поэтому с интересом следили за нами.

Молниеносно нанес удар в горло, от чего тот захрипел и схватился за больное место, я взял паренька за шиворот и дважды со всей силой приложил его лицом об парту. После чего нанес удары в солнечное сплетение двум вскочившим мальчишкам, видимо друзьям. Пострадавший, держась за разбитое лицо, сполз под парту. Может, и зря я, но надо показать сразу, при первой же возможности, чтобы меня не трогали и обходили десятой дорогой. Эти детки понимали только силу.

– Я все классной расскажу! – крикнула староста и выбежала в коридор, а я, посмотрев в глаза Свиридову, снова приподнял верхнюю губу, взглядом показывая, что с ним сделаю. Пусть немного потрусит, смерть легче встретит.

Как и ожидалось, после произошедшего поднялся гвалт, но к моей парте, где я листал учебник, не приближались, обходя стороной, чего я и добивался. Шум прекратила вернувшаяся со старостой классная. Она велела Игореву идти в медпункт в сопровождении обоих его дружков, тоже получивших тумачков, а мне велела следовать за ней. Как и ожидалось, к директору.

Он находился у себя в кабинете. После стука зайдя, классная пояснила причину прихода, в качестве свидетеля предъявив старосту. Проступок был действительно серьезный, поэтому меня не удивило, что оказался у директора. Сам он был бывшим военным, майором запаса со множеством наград, судя по фотографии на стене. У самого директора даже планок не было на груди.

– Ну, а вы что скажете, молодой человек, в свое оправдание? – к моему удивлению, вежливо обратился ко мне директор.

– Не вижу смысла отпираться от предъявленных обвинений, – пожал я плечами.

– Причину проступка мы поняли, но вам не кажется, что наказание слишком, как бы это сказать... жестоко?..

– Кажется, – согласился я, поскольку считал так же. – Но, видите ли, у меня новая жизнь. Старую я не помню и жить по-старому не хочу. А чтобы поставить себя в классе, нужно было показать, что я изменился и уже другой.

– То есть продолжения можно не ожидать? – сложив руки перед собой, спросил директор. Классная и староста, оставаясь у входа, с интересом ожидали продолжения.

– Это зависит не от меня. Будет продолжение от одноклассников, получат вдвойне. До смертоубийства я, естественно, не дойду, но при нужде покалечу, будьте уверены, – говорил я ровно и спокойно.

– Хм, понятно. Вы не оставите нас? – попросил он классную и старосту, а когда те вышли, встал из-за стола и, слегка прихрамывая, подошел ближе, после чего облокотился-присел на стол. – Мне понятны твои мотивы, но понимаешь, избивать одноклассника на глазах у всех – это не хорошо. Да и проступок его слишком мал для этого...

Зазвонивший телефон прервал наш разговор. Выслушав собеседника с другой стороны провода, директор положил трубку и, вздохнув, сказал:

– Перелом носа и выбито два передних верхних зуба... – устало проведя ладонями по лицу, он посмотрел на меня и спросил: – Сегодня очень похоже пострадал ученик седьмого класса. Твоя работа?

– А есть свидетели?

– Значит, твоя. Давай договоримся, что больше такого *в школе* не будет? – попросил директор.

– Не проблема, – снова пожал я плечами. – С моей стороны инициативы не будет. Если сразу не отвечу, подкараулю на выходе.

– Я этого не слышал. Все, иди.

Выйдя от директора, я аккуратно прикрыл дверь и спросил у классной:

– Как зовут директора?

– Андрей Петрович Заславский.

– Мировой мужик. Уважаю. Кстати, я обещал ему, что в школе этого больше не повторится.

– Вот и хорошо, – улыбнулась классная и повела нас обратно. Урок, конечно, был мной сорван, но до окончания оставалось еще полчаса, может, что-то успеем.

После уроков меня поймал в гардеробе Толик и, блестя глазами, начал расспрашивать про случай в классе и вызов директора. Дав ему легкий подзатыльник, я велел идти на последний урок, так ничего и не рассказав.

Как и ожидалось, учеба не пошла впрок, на улице меня встречали. Можно было идти по проспекту, но я решил продолжать изучать улицы, поэтому двинулся напрямки, через дворы и подворотни. Соседка по парте задержалась в школе, и шел я один, а когда мне перегородили дорогу шестеро парней из моего класса – Свиридова, кстати, не было, – то даже не замедлил шаг, продолжая надвигаться на них. В разговоры я вступать не собирался, да и давать время злым детишкам накрутить себя тоже. Дети очень жестоки и эгоистичны, не хотелось бы попасть под их пресс, когда они заведутся. Поэтому я напал первым.

Портфель с учебниками полетел в лицо самого крупного из одноклассников – Толика Глазова, дальше я работал руками и ногами. Хоть какое-то сопротивление мне смог оказать именно Глазов, так как занимался в боксерской секции. Но после двух ударов в солнечное сплетение поплыл, дальше я уже пинал его, пытаюсь пробиться через зимнюю одежду. Бил я несерьезно, только чтобы проучить. Поэтому кроме множества синяков ничего у них быть не могло. Наконец, когда перестал шевелиться последний (молодцы, никто не сбежал), поднял портфель и, отряхнув его от снега, быстро зашагал дальше. Сам бой длился едва ли больше минуты. Думаю, теперь проблем с одноклассниками у меня не будет.

Дома я оставил портфель и, забрав спортивную одежду, побежал на ближайшую остановку автобуса. Чтобы не терять времени, я решил потратить немного мелочи, чтобы быстрее добраться до нужного здания, где находился спортзал ГУВД Киевского облисполкома.

Как капитан и обещал, обо мне были предупреждены, поэтому, получив временный пропуск, я переоделся в гардеробе и пошел в спортзал знакомиться с инструктором и другими посетителями.

Вечером, когда стемнело, часов примерно в восемь, в спортзал зашел Голушко, и найдя меня глазами, занимающегося на спортивном снаряде, крикнул:

– Ну, как тебе тут, понравилось?

Спрыгнув с турника, я обернулся и спокойно ответил:

– Честно говоря... нет. Спарринг-партнеры откровенно слабые. Семен Петрович еще что-то может, но у него повреждение ноги со времен войны, поэтому как партнер для тренировочного боя он откровенно слаб, так как у него слабая оборона с левой стороны. Инструктор он отличный, не скрою, но драться мне тут не с кем.

Голушко откровенно засмеялся, даже похлопывая себя по бокам. Инструктор только улыбнулся, так как понимал, что я был прав. А вот здоровенный парень в обтягивающем спортивном трико явно обиделся.

– А что если попробуешь со мной? – спросил он, кивнув на боксерский ринг чуть в стороне.

– Я не боксер, если бой без правил, то обеими руками.

– Тогда все равно на ринг, – рыкнул он.

Все посетители и инструктор с капитаном окружили канаты ринга, пока мы готовились.

– Товарищ капитан, если мой соперник проиграет, дадите мне постоянный допуск в этот спортзал?

– Если победишь, то дам. Только вот объясни, зачем, если тебе тут не нравится?

– Спортзал нравится. Оборудован он у вас отлично, снаряды для занятий неплохие.

– Ну, хорошо... Бой!

Спустя сорок минут, когда мы, одетые, вышли из здания, где находился спортзал, Голушко сказал:

– Пропуск у тебя теперь будет постоянный, однако я немного переиначил твою просьбу и, согласовав с начальством – оно, кстати, присутствовало во время боя – решил привлечь тебя как внештатного сотрудника инструктором по рукопашному бою. Петрович будет твоим начальником. Зарплата, конечно, будет минимальной, но...

– Главное, будет? – закончил я за него.

– Именно.
– Я согласен.
– Вот и хорошо. Будешь приходить после школы. В воскресенье тренировки не проводятся...

После того как я поставил себя в классе, нападки в мою сторону на первое время прекратились, но потом, спустя две недели, когда учитель биологии отвернулся, я получил хороший хлесткий удар линейкой по темечку. Похоже, меня решили проверить на слабинку.

– Сомин! – тут же рявкнул учитель.

– О, не беспокойтесь. Я сам поговорю с ним во время перемены. Больше подобное не повторится, ведь со сломанной рукой очень трудно пользоваться линейкой, – после чего я обернулся и жестко улыбнулся сидевшему сзади побледневшему однокласснику. Все уже усвоили, что я слов на ветер не бросаю.

Сидевший через три парты позади Игорев от моего взгляда начал сползать под парту. Так-то я в классе вел себя очень ровно, не сближаясь и не отдаляясь, однако на подобные нападки реагировал мгновенно и жестко. Банально вбивая в уже не детские головы, чтобы меня не трогали.

Вот так и учился, пока учебный год не закончился и не наступили летние каникулы. У меня была мысль закончить школу экстерном, но я отбросил ее, решив дать себе больше времени вжиться в местную жизнь, адаптироваться. Теперь начал жалеть. Еще один учебный год? Могу и не выдержать. Ладно, хоть после десятого класса мы разъедемся. Некоторые одноклассники не задумывались о своем будущем, хотя малая часть начала планировать. Я не отставал от них, у меня было два желания и соответственно два выбора. Медицинский университет в Москве, с возможностью перебраться туда жить, ну, или мореходка в Ленинграде. Я любил море. В общем, пока в раздумьях.

* * *

– Игорь, у тебя какие планы на лето? – спросил отец, когда я одевался у нас в комнате. Сестренки вот уже неделю гостили у бабушки, а Толик отрабатывал в школьном огороде.

– Есть некоторые планы, – несколько уклончиво ответил я. – Хотел скататься на юг, отдохнуть на море дикарем. Но это, скорее всего, после июня, как только получу паспорт и права. А что?

– Хм, у меня есть некоторая просьба к тебе. Нужно отвезти кое-что в Ленинград к моему отцу. Твоему деду.

– Нет, – коротко ответил я, не прекращая занятия.

– Могу я узнать причину?

– Помнишь, когда я лежал в больнице, ты отправил известие моему отцу, что я сильно пострадал, и попросил помощи лекарствами? Что пришло в ответ? «Это не наши проблемы», – процитировал я. – Память у меня хорошая, поэтому отвечу честно. Для меня ты, батя, сирота, родственники только вы и все со стороны матери.

Отец давно принял мое внезапное взросление после того, как я очнулся, поэтому не сильно настаивал. Успел узнать мой упертый характер, если нет – значит, нет.

– В чем вообще проблема? Отправь почтой, – мы прошли в общую комнату, там я, достав черные летние мужские ботинки, начал надевать их.

– Твоих сестер почтой не отправишь.

– А старый козел внезапно осознал, что недолго ему осталось и решил повидать внуков и внучек? Я же вроде первенец у него, так? – Я встал и подошел к зеркалу, придиричивая разглядывая себя. В зеркале отобразился молодой парень в идеально сидящих черных брюках

и белоснежной рубашке со стоячим воротником, но расстегнутой на две пуговицы. Все-таки неплохо иметь в родственниках евреев, особенно если часть из них портные и парикмахеры.

– Так, – согласился отец.

– Передай ему дословно мои слова – хрен ему по всей морде, – спокойно сказал я, поправляя рукав рубашки, раздумывая, брать легкую куртку или нет. Вечерами еще холодало.

– Ты груб... сын.

– Не с родственниками и близкими мне людям. Батя, напомню, что в семье я себя веду максимально хорошо и доброжелательно, исполняя все ваши просьбы и пожелания. Но вот это – уже перебор. Они для меня навсегда отрезанный ломоть, и давай больше не будем к этому возвращаться. Ладно, мне на тренировку, вечером еще поговорим.

По пути я забежал за Толиком, он вот уже месяц ходил со мной в спортзал, я его пока не учил, передав Петровичу. В основном он занимался на снарядах да отрабатывал удары на боксерской груше и работал над связками. Через полгода, когда наберет нужную массу и немного освоится, можно тренировать уже серьезно. Как я сейчас это делаю с тремя оперативниками из комитета. Да, я в некотором роде прославился, поэтому уже была попытка переманить меня в республиканское управление КГБ. Но я сразу сказал – только полным сотрудником с удостоверением, можно и без звания с полной зарплатой, и чтобы все это не мешало мне учиться. Пока думают.

Вечером, когда мы с братом вернулись домой, уже в полной темноте, мама нас покормила. Переодевшись в домашнее, я вышел в общую комнату, понимая, что будет продолжение разговора.

Присев на стул и кивком поблагодарив маму за чай, я закинул ногу на ногу и вопросительно посмотрел на отца, предлагая ему вернуться к начатому в обед разговору.

– Думаю, нам лучше сначала выслушать твои доводы против моей просьбы, – сказал он.

– Доводы?.. – я неопределенно хмыкнул и поставил стакан на стол. – Знаете, я мало что помню, про свою прошлую жизнь так вообще ничего. Но понять, что вы просто отличные родители, в состоянии. Это легко определить по нам – вашим детям. Друзья познаются в беде, не так ли? Беда у меня была, и я могу сказать так: вы все сделали, чтобы я встал на ноги. Вы – моя семья, за которую, если понадобится, я жизнь отдам. Более того, в Киеве и окрестностях у мамы семьдесят два родственника, начиная от прабабушки Серафимы Абрамовны и заканчивая семимесячной Соней, дочкой Решинских, семьи троюродной сестры мамы. Я их всех знаю не только потому, что мне о них рассказали, а потому, что они приходили и реально помогали. Кто достал то редкое заграничное лекарство, от которого у меня прекратились судороги, и помогли мне взять под контроль свое тело? Так я отвечаю: помог дядя Рома, племянник мамы, это ведь он работает в ленинградском порту, куда заходят иностранные корабли? Так что для меня они все родственники, которым я буду помогать без вопросов. Последнее отдам, как они это сделали для меня, но вот твои родственники, батя, это... Я даже слов найти не мог, как они мне... не симпатичны. Поэтому сразу скажу, нож я им под ребро при первой же встрече не воткну, но рожи сто процентов начищу, причем с членовредительством. Я умею, ты знаешь. Я своей жизнью достаточно дорожу и бережно к ней отношусь, поэтому к тем, кто *так* отвечает на просьбу помочь, буду всегда относиться достаточно жестко. Вы знаете, я злопамятный, и память у меня хорошая. Отвечу честно, я того письма никогда не забуду. Искать с ними встречи не буду, но если кого встречу, уж извините, покалечу. Виноват не виноват – мне без разницы.

Переглянувшись с матерью, отец сказал:

– Я думаю, не стоит продолжать разговор на эту тему, раз ты все равно не изменишь своего решения, – получив мой согласный кивок, он продолжил: – Я уже сходил на почтамт и попросил кого-нибудь из Соколовых приехать и забрать Тому с Лидой. Так что тебе ничего не нужно будет делать.

– Это хорошо, – довольно кивнул я.

– Это еще не все. Сын, ты уже взрослый, мы это понимаем и морально уже приняли, поэтому хотим задать тебе вопрос. Ты уже принял решение, куда направишься после школы?

– Да, принял. В следующем году я перебираюсь в Москву, буду учиться на врача со специализацией хирурга. Кстати, раз вы так спокойно приняли мое взросление, хотелось бы уведомить вас, что с сентября, после того как вернусь с Черного моря, я буду жить отдельно.

– А зарплаты хватит? – деловито осведомился отец.

За два месяца, что работал инструктором, я получил сто десять рублей, притом это была половина оклада. Милиция сейчас получала не очень много, даже надбавки за звание не было. Первую зарплату, согласно традиции, я отдал родителям, а вот на вторую почти полностью обновил свой гардероб, оставив мелочь на карманные расходы. Да и Толика с сестрами осчастливил, дав им мелочи на мороженое. Главное, как же хорошо иметь родственников-евреев: купил отличного материала, и они бесплатно по моим меркам сшили пяток рубашек, три пары штанов и куртку. Белье, обувь и носки я купил отдельно. Теперь я выглядел не босяком, а уже стильным молодым парнем. Девушки стали чаще оборачиваться. Последняя мода среди молодежи – это я про стилияг – ничего, кроме презрительного смеха, у меня не вызвала. Хотя я с интересом рассматривал этих клоунов, но больше с познавательной точки зрения. Как еще они будут извращаться с одеждой. Один раз видел стилиягу в пижамных полосатых штанах.

– Хватит, к тому времени я надеюсь перейти на полный оклад. Это еще не все. Мало того, как примерный и любящий сын, я буду вас как можно чаще навещать и помогать по мере сил... в основном деньгами.

Отец кивнул, он моими словами был доволен, более того – он был горд, что первый птеник оперился и вот-вот готов был вылететь из гнезда. Толик, слушавший нас стоя в проеме двери нашей комнаты, спросил:

– А с тобой можно?

– Куда? – удивленно спросил я, обернувшись.

– На море.

– В этом году вряд ли, но в следующем обязательно возьму, слово даю.

– Смотри, я запомнил.

Мама поспешила на кухню, мыть посуду, Толик в домашнем вышел в коридор, поэтому, когда мы с отцом остались одни, я посмотрел ему прямо в глаза и сказал:

– Батя, я понимаю, сколько и чего вы для меня делали. Поэтому хочу отблагодарить. В общем, в моих планах через год, может два, переселить вас на окраину в просторный каменный дом с гаражом для машины. Я понимаю, что это будет трудно, но сделаю, будь уверен. Я сам не люблю сюрпризы, тем более неожиданные, поэтому предупреждаю специально.

Отец уже смирился с изменением моего характера, и бахвальства там явно не было, поэтому он удивленно спросил:

– Ты думаешь, сможешь это сделать?

– Да, – коротко ответил я. – Сейчас ты спросишь, откуда я возьму деньги. Так вот, я уже две недели как пишу приключенческий фантастический роман, рассчитываю его отдать в издание в Москве, когда поеду на море. Крюк, конечно. Думаю, к этому времени он будет закончен. Планирую трехтомник.

– Так вот на что ты тратишь все свободное время, а мы думали, что у тебя девушка.

– Она у меня тоже есть, но пока активно этому сопротивляется. Ничего, думаю, ее твердыня скоро рухнет.

– О чем книга, и где ты ее пишешь? – после минутного молчания спросил отец.

– Это будет жанр альтернативной истории. Шестнадцатилетний мальчишка-комсомолец из нашего времени попал в сорок первый на границу, когда немцы двинули. Так что дальше его ждут активные приключения. Написал уже треть. Работаю я над книгой в нашей городской

библиотеке, там за небольшие деньги дают напрокат печатную машинку. Как я пишу пером, сам знаешь.

– Почитать перед отправкой дашь?

– Фронтовику и не дать?! Конечно, заодно поправишь, если что не так. Более того, хотелось бы найти фронтовика, который встретил войну на границе, и расспросить его. Можно внести в книгу, что переживали отступающие бойцы и командиры в то время.

– Знаю одного такого, начинал войну в погранвойсках, а закончил в разведбате. Я с ним поговорю.

– Да? Знаешь что, тогда я черновой написанный вариант дам почитать тебе прямо сейчас. Рукопись у меня с собой.

Сходив в спальную комнату, я открыл чемодан, подаренный отцом, и достал из-под кипы белья стопку листов.

– «Смерти вопреки»? – удивленно поднял брови отец, прочитав название на обороте.

– Рабочее название, в редакции наверняка изменят на что-то другое, патриотическое.

– Как прочитаю, сразу сообщу тебе, что не так.

– Я вот карандаш приготовил, можешь делать записи прямо на страницах, все равно это черновик. Только постарайся не афишировать мое новое увлечение. Хорошо?

– Да-да, конечно, – с трудом оторвавшись от первого листа рукописи, ответил отец.

После того как мы легли спать, в комнате родителей еще долго горел торшер на столе и был слышен шелест листов, пока мама не начала ворчать и отец не ушел на кухню. На следующий день, как раз был выходной, воскресенье, отец к обеду дочитал и, встретив меня возвращающимся с прогулки, предложил поговорить.

Мы вышли на пустую лестничную площадку, отец достал пачку «Беломора», выбил папиросу и закурил.

– Скажу честно, понравилось. Есть, конечно, мелкие огрехи, но их можно убрать.

– Рецензию написал?

– В смысле, где нужно поправить?

– Да.

– Да, сделал. Но видишь ли, ты пишешь про пехоту, а я летчик. Да, я начал воевать с середины сорок второго, застал провал Харьковской операции и Сталинград, но кое-что я мог бы тебе подсказать. Хотя скажу честно – не многое. Лучше все-таки взять фронтовика, воевавшего в пехоте. Так вернее будет. Помнишь, я тебе говорил про того, кто воевал с сорок первого?

– Да, конечно.

– Я к нему сегодня ходил, как раз до тебя вернулся, он заинтересовался, просил принести почитать. Думаю, он тебе больше поможет, чем я.

– Когда лучше ему отнести? – после короткого раздумья спросил я.

– Да прямо сейчас. Я бы сам, но он живет через три дома от нас, пока ходил, нога разболелась.

– Так рукопись пока не дописана...

– Ну вот заодно перепишешь и продолжишь. Давай я тебе адрес скажу.

Прогулка к фронтовику прошла хорошо, даже с немалым интересом для меня. И хотя он не очень охотно рассказывал о боях, но поделился некоторым опытом. Рукопись он взял с охоткой, было видно, что этот сорокалетний мужик любил читать, шкафы с множеством книг на это намекали.

В общем, знакомство было удачным для меня, Арсений Петрович Кучер был действительно опытным и нужным мне человеком. Договорившись, что приду за рукописью в следующее воскресенье, я распрощался с семьей Кучера и направился домой. Мне нужно было отдохнуть.

На этом выходной день и закончился. Лег я пораньше, так как следующая неделя обещала быть тяжелой, и нужно было подготовиться к ней как морально, так и физически. Ну, с моральной точки зрения у меня все в порядке, но вот дать отдых телу после месяца тяжелых тренировок все-таки было нужно.

На следующий день, дождавшись, когда останусь в квартире один, я начал готовиться. К этой неделе я шел до-о-олгих семь месяцев, наконец-то месть свершится. С того момента, как меня избили семь подонков, прошло более восьми месяцев, однако я не собирался и банально не умел прощать. Тем более был повод избавиться от них побыстрее. В слежке я узнал, что те трое ушлепков, что близки к ворам, недавно изнасиловали женщину. Ладно хоть не убили, хоть и изувечили как физически так и морально, отчего женщина загремела в психбольницу с острым расстройством. Жаль, что я в тот момент был на тренировке и узнал об этом позже, подслушав их разговор, а то смог бы предотвратить развлечение подонков. Нет, от них надо избавляться и избавлять народ побыстрее.

Приведя в себя в порядок и приняв душ, пока никого не было, я оделся в обычную одежду, то есть так, как меня привыкли видеть. В белую рубашку и черные брюки. В ширпотреб я теперь не одевался. Вышел на улицу и быстрым шагом направился к автобусу. Выйдя через две остановки, я дошел до полуразрушенного бомбежкой здания и, аккуратно разворошив прошлогодние листья, достал вещмешок, в простонародье сидор. Из него вытащил уже другую, неброскую, с защитными дырами одежду и ботинки. В общем, такую, в которой ходят достаточно много подростков и которая не привлекает внимания. Еще я надел кепку, чтобы скрыть черты лица. Сам я никогда не носил головных уборов, разве что только зимой. Убрав чистую и новую одежду в сидор, я снова закопал его в листве и вышел на улицу. В общем, замаскировался, даже походку изменил, начав слегка прихрамывать и сутулиться.

Доехав до окраины города, я вышел из автобуса и побежал по тропинке вниз. Нужно было торопиться. На этот день у меня огромное количество планов.

Первым у меня шел Свиридов, одноклассник. В это время согласно результатам устроенной мною слежки, он ходил на рыбалку, поскольку был большим любителем этого дела. Все уже было подготовлено и продумано, поэтому действовал я быстро и не сомневаясь. Да и причина избавиться от него была весомой, ведь он не только участвовал в попытке убить меня, что вменялось ему в вину. Но если я кого-то из этих семерых оставлю в живых, то они обязательно донесут, а этого мне было не нужно, поэтому я избавлялся от них не только в качестве мести, но и убирал свидетелей. Как только они не догадались, что Ромов не сам выпал из окна? Когда-нибудь эта мысль дойдет до них, если уже не дошла. Поэтому и не стоило оставлять их в живых. Хочешь жить – умей вертеться. Этим я и занимался, убирал преграду на своем пути.

Любимым местом для рыбалки у Свиридова была небольшая протока, впадающая в Днепр. В этом месте она густо заросла камышом. В одном из проделанных рыбаками коридорчиков, пробитых до воды, и удил обычно одноклассник.

Может быть, некоторым покажется странным, что я собирался убрать всех оставшихся шестерых ублюдков (Ромов уже поплатился) за один день, а я именно так и собирался сделать, но не хотелось тянуть, лучше сразу закончить с этим делом. Да и другие планы у меня были на эту неделю, не хотелось бы, чтобы они пропали.

Быстро скользя по тропинкам, поворачивая на нужных перекрестках и опуская голову, чтобы козырек кепки скрывал лицо, я наконец дошел до нужного места и, зайдя в проход, шестью прыжками достиг стоявшего ко мне спиной рыбака и нанес ему три молниеносных удара, вырубая.

Быстро проверив, тот ли это, кто мне был нужен, я огляделся – свидетелей не было, хотя где-то рядом звонкими голосами перекликались молодые рыбаки. Быстро сложив удилище, я раздел Свиридова до трусов, аккуратно сложил его вещи. Подтащил парня к кромке

воды и опустил туда его голову. Тот начал захлебываться и шевелиться, пришлось добавить по затылку, пока шевеление не прекратилось. Дальше толкнул его подальше от берега в сторону течения. Продолжая оставаться лицом вниз, труп подонка выплыл из камышей, а я, посмотрев на часы (одолжил у отца, своих у меня пока не было), быстрым шагом покинул место свершившегося возмездия.

Второй готов, теперь нужно торопиться. Третий, Алексей Трифонов, обычно в девять часов сорок минут выходил из дома и через парк проходил на стадион, где играл в детско-юношеской футбольной команде, находившейся под эгидой комсомола. В выходные тренировок не было, но перед решающими играми их усилили, поэтому всю эту неделю тренировки будут вестись в ежедневном режиме.

С двумя пересадками я доехал до нужной остановки и вышел у парка. Скрывшись с чужих глаз – побежал.

«Успел», – довольно хмыкнул я, увидев идущую навстречу фигуру в спортивной одежде.

Пришлось замедлить шаг, чтобы мы пересеклись у нужного дерева. Когда мы встретились, я поднял голову, и глаза Трифонова расширились от узнавания, я нанес ему удар в горло и подрубил ногу, от чего он упал на колени, и ударил ему по шее, смещая позвонки. Причина для такого удара была весомой. Я работал под несчастный случай, а если свернуть шею, то любой судмедэксперт поймет, что это убийство, однако если нанести удар, как это сделал я, то тут подойдет любая травма. Даже как если бы споткнулся и ударился шеей о выступавший камень. Бытовая травма, одним словом.

Быстро оглядевшись, нет ли свидетелей, я закинул тело на плечо и тяжело зашагал в заросли. Через сто двадцать два метра остановился у открытого люка теплового коллектора и сбросил труп головой вниз. После чего побежал к остановке.

«Третий есть», – мысленно промурлыкал я, забираясь в подошедший автобус.

Четвертый, Юрий Родимцев, был самым сложным в моем плане. Он записался вожатым в пионерский лагерь и должен был уезжать сегодня. Автобус будет ждать на площади у школы, в назначенном для сбора месте. Родимцева можно было перехватить так, чтобы этого никто не видел, только в одном месте – в подворотне его дома на выходе на улицу Ленина. Три дня планировал, но место для перехвата действительно было одно, его-то я и подготовил.

Успеть я успел, более того, пришлось простоять почти полтора часа, пока не увидел знакомую долговязую фигуру с сумкой на плече, которая свернула в нужную подворотню.

Быстрым шагом догнав его – дворничиха, что гоняла метлой листву, на нас даже не посмотрела – и приобняв одноклассника, зашел вместе с ним в подворотню.

Тот сперва не понял, кто его похлопывает по плечу и дружески обнимает, голос я изменил, но когда он обернулся, чуть не закричал, однако этого сделать я ему не дал. Пробив в горло, дважды нанес удары шилом в висок. Быстро проверив пульс, подошел к стене и, подпрыгнув, достал из ниши монтировку. После чего открыл канализационный люк и сбросил труп вниз, сумка последовала следом. Закрыв люк, я ногой присыпал щели пылью, чтобы было не заметно, что его открывали, и сунув монтировку в рукав куртки – она была короткая, – неспешным шагом направился дальше.

«Уф-ф-ф, повезло, рабочий день, никто в пол-одиннадцатого тут не ходит. Без свидетелей обошлось, а я ведь настроился их глушить», – облегченно подумал я.

Когда выходил из подворотни, мне попала старушка, ведущая маленькую девочку за руку. Пройдя мимо них, я мельком обернулся. Они прошли прямо, не завернув в подворотню.

Пройдя пару кварталов, я подошел к набережной Днепра и, убедившись, что никто не смотрит, бросил в воду монтировку и шило. Больше они мне не понадобятся.

Дойдя до ближайшего продовольственного магазина, я купил бутылку молока и пару сдобных булочек с небольшим кругом копченой колбасы. Повезло, попал на выброс дефицитного товара. Спустя час я уже сидел на чердаке дома и, с аппетитом обедая, в бинокль следил за

домом Музыканта. Их очередь, а также трех оставшихся ублюдков, что пытались меня убить, придет только вечером.

В пять часов я спустился с чердака и, дойдя до схрона, переоделся в нормальную одежду. После чего направился в спортзал – работа никуда не делась, и хотя большинство посетителей приходят после работы, нагрузки с них никто не снимал.

Работал я допоздна, даже Петрович ушел раньше. Такое уже бывало, я приучил местных служащих к своим задержкам. Как только последний посетитель покинул зал, я привел снаряды в порядок и, зайдя в кабинет инструкторов, своим ключом открыл сейф и достал из него два штык-ножа, наглядное пособие. Так-то мы деревянными ножами работаем, но сотрудники МООПа также должны привыкнуть к тяжести настоящего оружия, поэтому бои с тенью они проводили с настоящим холодным оружием.

Закрыв все помещения, я сдал ключи и вышел на улицу, где уже несколько часов властвовала ночь. Дальше я действовал быстро.

Доехав на автобусе до схрона, я переоделся в одежду, в которой работал утром, и поместил штыки за пояс. Убрав нормальную одежду в сидор, поспешил в соседний двор. План по уничтожению бандитов начал претворяться в реальность.

Через два дома зайдя в один из дворов, я подошел к «Москвичу-400» бежевого цвета. Именно из-за этой машины мне пришлось делать схрон неподалеку, она была частью плана. Сняв кожаную перчатку, я потрогал капот. Он был теплый, значит, хозяин недавно приехал с работы. Тряпкой проведя в месте касания, чтобы убрать отпечатки пальцев, я достал из кармана самодельные отмычки. Буквально через три минуты «москвич» заурчал на холостых оборотах. Включив заднюю скорость, я развернулся, после чего выехал со двора и, не нарушая правил движения – спасибо урокам по вождению в школе, – поехал в нужный район. Не туда, где жил Музыкант, а где у него хранился общак. Да, я смог за два месяца непрерывной слежки выяснить это. Частично в этом мне помог один из подчиненных Музыканта – с замашками крысы. Музыкант недавно изрядно избил его, прихватив на воровстве, поэтому, когда Кныш пропал, никто не удивился, а у меня появился дополнительный источник информации.

Подъехав к нужному дому – тут был частный сектор, – я заглушил машину и смело вышел наружу: все равно темно, а ближайший фонарь в ста метрах. Просунув руку и открыв калитку, я прошел во двор и направился к дому, собаки тут не было.

Через минуту после того, как я отбил кодовый стук, раздался старческий голос:

– Кто там?

– Я Олег, от Музыканта. Он просил передать посылку, – это были кодовые слова, которые я узнал от Кныша, хотя где действительно находится общак, он не знал, но посылки передавал.

– Минутку.

Как только старуха открыла дверь, я нанес ей прямой удар в голову, вырубив. После чего подхватил под мышки и занес на кухню небольшой хаты. Прислонив ее к беленой печи, черпнул ковшиком воды из ведра и начал медленно лить на голову. Та закашлялась и очнулась.

– Не советую, связал я качественно. Рекомендую сразу сообщить мне, где находится общак Музыканта.

– Пошел ты, мусор, ничего не скажу, – с ненавистью прохрипела старуха.

– Тетя Тоня, прежде чем идти на дело, я узнал, кто вы и кем были, поэтому жалости к себе не ждите. Удавлю как кутенка. Напомнить, как вы убили детей командира Красной Армии в сорок первом, когда они попросили укрыть их? Так что? Будем говорить?

– Меня на понт не бери, и так ясно, что живой не оставишь. Это тебе делать не резон, так для чего мне с тобой сотрудничать?

– Уйдешь легко, в ином случае пройдусь молотком по пальцам.

После минутного молчания, что я дал старухе на размышление, она наконец сказала:

– Ну хорошо, твоя взяла, шкет. Здесь в кухненими подоконник, там тайник. Второй на чердаке в коробке из-под обуви. Третий тайник в подполе, банки с огурцами убери, под доской. Закопано с левого края.

– Все?

– Все, что знаю, сказала.

Старуха была убедительной, поэтому я поверил. В подоконнике была жестяная коробка из-под конфет – с золотом, в основном разные ювелирные украшения, но и сорок семь золотых царских монет. В подполе такая же жестяная коробка, но заметно больше по размеру и весу. Только она была замотана в брезент. В ней были деньги, много денег. По примерным прикидкам, тысяч сорок рублей, а это почти десять килограммов драгоценной бумаги, так как все деньги были нового образца. Сотенных не было, и весило все прилично. Около трех тысяч были россыпью, остальное в аккуратных пачках, часть в банковской упаковке, примерно процентов пятнадцать. Без подсказок ясно, что воры ломанули или сейф, или инкассаторов.

Ну, а на чердаке в коробе из-под обуви было два нагана с сотней патронов. Собрав все в мешок, что я нашел у хозяйки, я подошел к ней.

Пережав старухе артерию, дал спокойно уснуть вечным сном, после чего развязал и перенес на кровать.

В доме был порядок. Я все вернул на место, поэтому, выключив свет, тихо вышел во двор и, загрузив тяжелую добычу в машину, направился в город. Первым делом я убрал всю добычу в тайник, даже оружие с собой не взял, после чего вернулся в машину и поехал к хате, где жил Музыкант. Было пол-одиннадцатого вечера, сейчас он со своими поделщиками еще должен гужбанить. Соседи привыкли, поэтому милицию не вызывают, да и запугали их.

Оставив машину в соседнем дворе, я подхватил приготовленные вещи и, подбежав к нужному дому, проник в подъезд. По поскрипывающей лестнице подкравшись к нужной двери, прислушался. Едва слышно доносилась музыка и вроде как голоса. Полминуты работы отмычками – и дверь открылась, на цепочку она закрыта не была.

Проникнув в квартиру, я запер дверь, не забыв накинуть цепочку, и взял в каждую руку по штыку, направился по коридору к двери, из-за которой слышалась негромкая музыка. Вдруг дверь слева открылась и послышался шум льющейся в бачок унитаза воды. В коридор вышел невысокий плюгавенький мужичок, подтягивающий штаны. Это был Сема-Перчатка, поделщик Музыканта.

«Туалет», – понял я.

Молниеносно нанеся ему два смертельных удара, придержал тело, чтобы оно не произвело шума при падении, после чего подошел к двери и осторожно приоткрыл ее. За круглым столом сидели пятеро человек и играли в карты, похоже в очко, чуть сбоку крутилась пластинка патефона, но вот женщины видно не было.

Меня не заметили, поэтому закрыв двери, я стал проверять остальные комнаты. Во второй – первая была кухней – обнаружилась искомая. Подойдя к спящей женщине, я зажал ей рукой рот и нанес два удара в сердце. Дождавшись, когда тело перестанет дергаться, вышел в коридор и, подойдя к двери, сделал два глубоких вдоха-выдоха и, спокойно открыв дверь, вошел внутрь. На меня не сразу обратили внимание, приняв за своего, сообразили только тогда, когда начал заваливаться молодой парень лет двадцати пяти, разбрызгивая кровь вокруг из перерубленной артерии на шее. Дальше я работал максимально жестко. Следующим стал успевший вскочить на ноги Музыкант.

Спустя две минуты, держа в окровавленных руках окровавленные же ножи, я присел на небольшой диванчик и посмотрел на пленных. Все трое мальчишек, что пытались убить меня, были живы, но не могли пошевелиться, я перерезал им сухожилия. Так же я поступил и с Музыкантом, у меня были к нему вопросы. Единственно, что я сделал – это вставил кляпы, чтобы они не мешали, да связал сзади руки.

Глядя на забрызганные кровью стены, пол и частично потолок, перевел взгляд на себя. Я тоже был весь в крови. Но это все было продумано, рядом с канистрой бензина у входной двери находилась сменка.

Кровь на руках вернула меня в прошлое. Красный – мой любимый цвет, цвет крови. Я стал убийцей в десять лет, отомстив за смерть близкого мне человека. Причем сознательно и подготовившись к этому.

Пять минут у меня есть, нужно дать захваченному вору прочувствовать ситуацию, в которую он попал, поэтому можно вернуться и рассказать немного о себе, как я стал таким, и почему я стал *серийным маньяком*, о котором в той жизни мало кто знал. Нет, я не охотился на детей или женщин, потому что знал – это не заглушит мою жажду крови, да и не по мне это было. Мои жертвы – это такие же моральные ублюдки, как и я. То есть вся категория маньяков – от сексуальных до серийных убийц. Я не считаю себя положительным человеком, но стараюсь сделать мир чище от этой швали, заодно глуша свою темную сторону, как могу и как умею. Может быть, в будущем кто-то очистит этот мир и от меня. Я не афишировал свою тайную страсть, которая после свершения очередного убийства вычисленного мной маньяка, глушила на три-четыре месяца темную сторону моей души, давая жить спокойно. Как простому гражданину.

Итак, все началось из-за того, что мои родители в восемьдесят первом году погибли при пожаре... Нет, не так сказал. Все случилось тогда, когда *наши* родители погибли при пожаре. Да, у меня была старшая сестра, Юлия. Мне тогда исполнилось девять лет, Юле же было четырнадцать. Несмотря на столь юный возраст, в ней уже начала расцветать природная женственность, все указывало, что вот-вот она станет одной из самых прекрасных юных девушек.

После несчастья нас определили в детский дом, так как близких родственников у нас не было, а единственная тетушка от нас отказалась. Как же я потом ее ненавидел за это, и как же потом она пожалела о своем решении! Я не умел и не научился прощать. Это были мой крест и моя добродетель. Так все от случая и данной ситуации зависит.

Детдом был в Подмоскowie, причем один из сложных. Директор – откровенный педофил, любитель мальчиков, воспитателям на все наплевать, тех, кому не было безразлично, потом находили кого с проломленной головой, кого утонувшим. В общем, попали мы в рассадник зла. Сестру почти сразу изнасиловали, пустив по кругу. Несмотря на мой малый возраст, я пытался отомстить, даже найденным железным прутом избил одного из пятнадцатилетних насильников. Обратиться в милицию мне мешали коллективно. За сломанную ему руку я на два месяца попал в больницу. Когда я вернулся в детдом, выяснилось, что сестра повесилась, после этого я замкнулся в себе, ни на что не реагируя. Я был на грани сумасшествия. Как это ни странно, спасла меня другая девочка, попавшая в детдом, мне тогда уже исполнилось десять. Ее постигла участь сестры. Именно тогда я пришел в себя и начал строить планы мести. Трое из насильников к этому времени уже получили паспорта и покинули детдом. Но остальные шестнадцать парней все еще находились под присмотром тех ублюдков, что руководили ими. Дальше я действовал просто, но максимально жестоко. Дождавшись, когда их всех переведут в одну спальную комнату, пока в других идет покраска, начал готовиться. В гараже, где стоял «уазик», принадлежавший детдому, я слил пять литров бензина, и ночью, часам к двум, открыл дверь в комнату и осторожно прокрался мимо кроватей со спящими воспитанниками. Открыв крышку канистры, я начал обливаться коридор между кроватями и брызгать на одеяла. Когда до двери оставалась пара метров, кто-то проснулся от резкого запаха бензина и окликнул меня.

Дальше я действовал быстро: канистра летит в середину зала, а я чиркаю спичками. Столб рванувшего и загудевшего под крики подростков пламени аж вытолкнул меня в коридор. Быстро вскочив, я закрыл дверь на ключ, еще и подперев ее ломиком, после чего побежал на улицу. Спасти из той комнаты не смог никто, решетки на окнах и единственная заблокированная дверь не дали этого сделать. О своем поступке я никогда не жалел и жалеть не

собираюсь, даже сейчас я считаю, что поступил правильно. Я уже говорил, и сейчас повторю: положительным меня назвать нельзя, поэтому поступал так, как считал правильным в своем детском представлении.

Искупавшись в озере неподалеку от детдома, я вернулся обратно, как раз к приезду пожарных. Меня не заподозрили, а вот директора за все это посадили. Позже, через восемь лет, я встретил его, спившегося и живущего в полуразвалившейся избушке. Надо ли говорить, что эту встречу он не пережил?

У каждого человека, будь то женщина или мужчина, где-то в глубине души прячется темный зверь. У кого-то он загнан в такие глубины души, что не показывает и носа за всю жизнь, у кого-то он вырывается, заставляя хозяев тела творить страшные вещи. У меня тогда он только показал свой нос, все, что я сделал, я делал полностью осознавая свой поступок. Именно тогда, в девять лет, я ступил на путь чудовища, монстра, можно сказать. Осознал я это гораздо позже, а тогда гордился, что поступил *правильно* и как положено для мести в моем жестоком детском представлении. Ладно хоть, не очерствел душой, но моральный акцент у меня тогда немного сместился, это точно. Повезло, что это не бросилось в глаза преподавателям. Однако другие воспитанники стали меня сторониться. Меня это устраивало.

После этого случая часть детей, включая меня, перевели в другие детдома. Честно скажу, ничего подобного в них не наблюдалось, как в прошлом филиале зла. Дальше особо рассказывать нечего, пока не наступило время срочной службы. Я попал в пограничные войска, на 12-ю заставу Московского погранотряда. Надо ли говорить, что второй год службы пришелся на 1993 год? Ночью тринадцатого громыхнуло. Я тогда был старшим дозора, заметил выдвигавшихся боевиков, сообщил начальнику заставы Майборде. После приказа отойти, отступил к заставе. Бой был страшный, однако я помнил, как падали вокруг меня товарищи. Как сбило пулей кепи и сорвало погон с сержантскими нашивками. Когда начали заканчиваться боеприпасы, последовал приказ отступать и прорываться навстречу нашим. Тогда, отходя к построикам, я остановился у горящей БМП и осмотрел заставу, запоминая. Через сутки заставу очистили от моджахедов, но уже без нас. Тогда темный зверек изрядно повеселился, особенно я почувствовал его присутствие в рукопашной: когда были заняты руки, я начал грызть горло боевика, с которым крутился на земле в рукопашной.

После службы я подал заявку на поступление в отряд спецназа ФСБ. Когда попал в пограничники, то напоминал длинный скелет, но за время службы мясоросло, да и натренировали меня хорошо, поэтому к дембелю я был достаточно крепок и хорошо подготовлен. Дальше началась служба в ФСБ. Длилась она почти семь лет, три из них в штурмовой группе, в основном в командировках на Кавказе. После ранения перешел в инструкторы и занимался этим три с половиной года. Благо там были инструктора разной направленности, дружба с ними помогла подняться по профессиональным качествам достаточно высоко. К тому же некоторые из них ростом похвастать не могли, так что когда я попал в тело Игоря, то у меня были хотя бы теоретические знания, как нужно тренироваться. Раньше я был громилой и больше полагался на силу, после попадания же развивал скорость реакции и ловкость, силу же оставил на третьем месте по важности. Так что в спаррингах я больше работал на быстроте, нанося точные и мощные удары, которые выводили соперников из строя.

Моя карьера в спецслужбах закончилась после командировки в Чечню – некоторые инструктора, чтобы не потерять сноровку, ездили в боевые точки, укрепляя навык. Не отставал от них и я. После того как врачи в госпитале извлекли пулю из легкого, они выдали вердикт: к службе я не годюсь. После госпиталя я недолго думал, куда податься, и решил начать с милиции. После нажатия некоторых нужных кнопок, я оказался в новом райотделе в новостройке Москвы. Так началась моя восьмилетняя служба в уголовном розыске, пока наемный убийца не закончил мой путь.

Служба в ФСБ и частые командировки неплохо глушили мою жажду крови, в милиции же с этим было сложнее. Пара убитых мной щенков, которые грабили и убивали гуляющую молодежь, не принесла того облечения, что мне требовалось. Все изменилось, когда в соседнем районе пошла серия, и всех бросили туда на помощь. Вычислил я ублюдка сам, тот все подтвердил, даже показал, где прятал трофеи, что брал с трупов девушек. Вывезя его за город, я его забил, молотком дробя кости. Мне *очень* не понравилось, что двумя жертвами маньяка были маленькие девочки, поэтому старался причинить ему как больше боли и чтобы он помучился, зная, за что ему достается. После этого пошла такая волна, что я понял – вот оно. Это то, что мне надо. Почти шесть месяцев после того случая я был в отличном настроении, не вспоминая про свою жажду крови, но счастье длилось недолго, и я понял что нужно снова выходить на охоту. Теперь я знал, кто моя цель. В общем, за время моей службы я уничтожил одиннадцать маньяков, безобразничавших на территории России. За это время я стал отличным опером и раскрывал своих жертв достаточно быстро и точно. Еще бы, коллеги, можно сказать. Я думал так же, как и они. Только дважды у меня случались промашки, когда брал невиновных. Но к этому времени все уже было отработано, поэтому допрашивал я их в маске с сывороткой правды. Невиновных я отпустил, мне лишняя кровь ни к чему. Хорошо еще, что обходилось без свидетелей моей деятельности. Хотя нет, была одна, но тогда я прошел мимо. Только скорчил забавную рожицу девятилетней девочке, что стояла на лестничной площадке, и потрепал ее по макушке. Я с детьми не воюю. Ну, если они в моем представлении дети, конечно.

Потом, глядя на составленный фоторобот, что пришел в наш отдел, только хохотал. В общем, так и жил. Да, я понимаю, что не положительный человек, но и у меня были свои моральные принципы, которым я старался следовать. Без особой нужды простых граждан я не трогал.

За время службы я не забыл про тех трех воспитанников детдома, что ушли от возмездия. Я их нашел, надо ли говорить, что мое лицо они видели последним в своей жизни. Да и умирали они достаточно долго. Как-то я прочитал в одной книге (перевод с испанского), как снимать с человека кожу – инквизиция этим баловалась, а тут, можно сказать, добровольцы. На всех трех опробовал, выяснилось, что без обезболивающего это сделать невозможно. Мрут, твари. На этом мое мщение за сестру закончилось, она могла лежать в могиле спокойно. Скажу честно, она часто приходила в моих снах и молча и печально смотрела на меня, только слезы катились из ее глаз, но когда умер последний насильник, подобные сны прекратились. Я был рад, слишком тяжело они мне давались, я сам просыпался с мокрым лицом и опухшими глазами.

О себе могу сказать так: душа компании, любитель игры на гитаре и обладатель приятного баритона. В гостях, где я был, не включали музыкальные центры, а просили спеть меня.

Во время службы в ФСБ женился и имел дочку-красавицу. После ранения был развод, и дочка жила с матерью, но часто навещала меня. Теперь все мое имущество перейдет ей, согласно составленному завещанию. Ничего, парни из отдела помогут, и все сделают по закону, чтобы дочку не кинули, я с ними об этом заранее обговорил. В момент моей гибели ей было тринадцать лет, и вступит она во владение моей трехкомнатной квартирой и «Инфинити», заработанных на крышевании, только через три года, но парни, я уверен, присмотрят за ней. Особенно за женой – та еще тварь, может и продать принадлежащее дочке имущество. Более чем уверен, в той жизни только один человек искренне скорбит обо мне. Это моя дочь.

На момент службы в милиции я поступил на филфак, просто для общего развития и расширения кругозора. Студентки в библиотеке выглядели очень забавно, когда видели в читальном зале громилу с отсутствием печати интеллекта на лице, с интересом читающего историю античности, неопределенно хмыкающего в разных местах. Учился я заочно и до своей гибели закончить успел. Ко всему прочему, я неплохо владел английским и чуть хуже французским. Ну, по крайней мере, за год до гибели, когда проводил отпуск за границей – отдыхал с дочкой

в Париже, – местные меня понимали, да и я, обладая хорошей памятью, изрядно улучшил свой разговорный навык.

Вроде все, больше не о чем особо рассказывать... Хотя нет, о чем это я? Когда я начал работать по маньякам, то, используя архивы ФСБ, МВД, прокуратуры и Интернете, создал свой отдельный архив по маньякам, чуть ли не по минутам восстанавливая их шаги. Можно сказать, мое хобби в свободное от работы время и охоты на маньяков. Архив многое дал мне в поисках и задержании ублюдков. Ну, а так как свой архив я начал вести с первого маньяка, еще с царских времен, думаю, не стоит говорить, что я знаю обо всех преступлениях, которые совершаются или совершились в ближайшем будущем или прошлом. Именно поэтому я решил издаваться в Москве, а не в том же Киеве. В Москве меня ждали, но еще не подозревали этого, два маньяка. Один – Игорь Матвиенко, прозвища он не имел, так как о нем мало знали. Серию он только начал, на его руках кровь двух женщин. Через полгода последует третья жертва, на этот раз мужчина, после чего его собьет машина и серия прекратится. Но я прекращу ее ранее, как только попаду в Москву. Вторым был Борис Гусаков, его прозвали, вернее, назовут «охотником на студенток». И хотя он серию еще не начал, я не дам ему это сделать. Третьим был бы Ионесян Владимир Михайлович, который вскоре будет известен как Мосгаз, но в Москве его пока не было, проживал он в Оренбурге. Ничего, подождем. Вместо него на казнь отправится Сливко Анатолий Емельянович, заслуженный учитель СССР. Поеду на Черное море и сделаю небольшой крюк. Думаю, больше никто не будет снимать документальные фильмы с истязанием пионеров. То, что трое из четырех пока еще ничего не совершили, меня волновало мало, опухоль надо удалять заранее.

Месяца два назад я случайно узнал, что нахожусь не в своем родном прошлом. Причем похожесть истории сыграла со мной злую шутку, я настолько был уверен, что это именно мое прошлое, что когда в учебнике истории вычитал, что маршал победы – Рокоссовский, а не Жуков, никак не мог поверить этому. Заинтересовавшись этим феноменом, выяснил, что в остальном все вроде было, как и в моем мире. Отличий почти не нашел, если они есть, а они точно есть, то я о них не в курсе, этот период времени я изучал слабо.

Музыкант пошевелился, переменяя положение тела и отвлекая меня от воспоминаний.

Весело посмотрев на него, я встал и подошел. Присел рядом на корточки.

– Думаю, нам следует поговорить. Честно говоря, трофеев мне достаточно, я не жадный, но глупо уходить без них. Так вот, где у тебя захоронки в квартире? – протянув руку, чтобы вырвать кляп, предупредил: – Орать не советую.

Музыкант все-таки пытался показывать, что он круче меня, видимо, то, что все происходило на глазах его брата, перед которым он был немалым авторитетом, мешало нашему общению. Но именно это мне и было нужно, плевать мне на Музыканта и его захоронки, как я уже говорил, мне хватило трофеев из общака, так что я больше морально давил на тех ублюдков, посмевавшихся и попытавшихся убить меня.

Музыкант держался долго, но вот когда я срубил ему коленную чашечку, уже поплыл. Через минуту я знал местонахождение обоих тайников. Ценностей Музыкант в доме не держал, так как милиция с обыском уже приходила, но кое-что все-таки было. В одном тайнике две тысячи долларов, три тысячи франков и около полутора тысяч рублей. Пойдет на мелкие расходы. Да и доллары пригодятся. В этом же тайнике были аккуратно завернутые в платок документы на имя Жана Требулье, гражданина Французской республики тридцати шести лет от роду. Их я тоже прихватил – пригодятся, чтобы составлять фальшивки.

Во втором были золотые часы-луковицы с золотой цепочкой. Осмотрев их, я сунул вещицу обратно в тайник. Вещи приметная, а я не идиот, чтобы так палиться. Если что надо, куплю, деньги теперь есть. В этом тайнике также находилась какая-то бумага. Прочитав ее, я тряхнул головой и снова прочитал, после чего убрал деньги и документы во внутренний кар-

ман куртки и вернулся обратно в зал, напевая любимую песенку-считалочку, сочиненную еще во время учебы на филфаке:

Вот пришел к тебе маньяк.
Доставай скорей коньяк,
Наливай ему стакан
И поленом по мозгам,
Бритвой горло перережь,
Вырежь сердце, печень съешь,
Выпей стопку коньяка,
Жди другого маньяка!

Подойдя к тихо стонущему Музыканту, вырвал кляп и показал лист дарственной на дом.

– Что это такое и как это понять?

– Знакомый один дом подарил... сука-а-а, как же больно...

– Продолжай, – жестко велел я.

– Ну, я с его сыном сидел. Он тут недалеко устроился... По Союзу мотался, пока я его случайно не встретил... С башкой у него что-то, то узнавал, то нет. Еще туберкулезом болел. Я его поселил и прописал на одной хазе, а потом уговорил написать дарственную на дом без внесения имени. Нотариус, чья печать стоит, умер, а архив у него сгорел, не подкопаешься. Нужно только данные из паспорта внести – и дом твой.

– И на хрена тебе все это было надо?

– Каменный дом в Сочи стоит больших денег, да и запасной вариант прятаться тоже нужен. Я уже отправлял в Сочи по этому адресу сообщение, что хозяин умер, а дом подарен, правда, не сообщая имени. До соседей и участкового должно дойти. А то там быстро его к рукам приберут. В общем, сделал все, как надо... хотел через пару недель скататься вступить во владение, не успел.

– Когда умер хозяин?

– Два месяца уже, туберкулез, похоронили на кладбище. Все официально, не подкопаешься. Участковый подписал свидетельство о смерти и отправил по месту жительства. То есть в Сочи.

– Что за дом?

– Не знаю. За ним следит соседка.

– Понятно.

Меня заинтересовала эта дарственная, подумав, я аккуратно сложил листок и убрал его во внутренний карман к деньгам. Пригодится. Возможно, я им даже воспользуюсь. А что? Все свидетели умерли или скоро умрут, ко мне не подкопаешься, если что, скажу подарок родителей на день рождения и путевка во взрослую жизнь. Будут спрашивать, как выглядит бывший хозяин, отвечу, что в глаза его не видел, родители оформляли покупку – и все. Мысль прибрать дом к рукам меня привлекала все больше и больше, но перед этим надо пробить всю информацию и отправить запрос в Сочи, благо каналы для этого есть.

– Баксы откуда? – спросил я. Для мелких воров сумма была слишком приличной.

– Чево?

– Доллары где взял? Документы, франки?

– Фраера заграничного раздели. Дернули кошель в магазине, куда он с бабой своей зашел.

Сразу не разобрались, что он не наш, на удачу сыграли. Перчатки работа... не успели в обшак убрать.

– Ясно... Ну что, думаю, нам пора прощаться? – сказал я связанным. Снова присев рядом с Музыкантом, я сделал ему кубинский галстук, причем так, чтобы брат и дружки видели. Пока

Музыкант хрипел, захлебываясь кровью, я вышел в коридор и зашел в ванную. Скинув одежду, быстро принял душ, помыл голову шампунем. Кровью я забрызгался полностью, поэтому требовалось убрать все следы. Заодно помыл штывки, все равно больше пользоваться ими не буду. Переодевшись в сменную одежду, переложил в нее все вещи, включая деньги из последних трофеев. А окровавленную одежду отнес в зал и бросил на пол. После чего направился за канистрой с бензином.

Зайдя в зал, под испуганными взглядами трех пацанов стал поливать все бензином, стараясь, чтобы на меня не попало ни капли.

– Не держите на меня зла, – криво усмехнулся я им и чиркнул спичкой.

Дом был деревянным двухэтажным, с одним подъездом и четырьмя квартирами. На первых этажах жили пенсионерка и молодая семья с тремя детьми, на второй убиенные мной воры и проводник. В данный момент он находился в рейсе.

Выбежав из подъезда, я заорал:

– Пожар! Пожар!

Лишние жертвы мне были не нужны, поэтому и пришлось подать голос, чтобы спасти других жильцов.

Добежав до угла дальнего дома, удовлетворенно посмотрел, как из окна вылезает молодая семья, подавая детей, а из окон второго этажа уже вырывается пламя, заживо сжигая последних из оставшихся недоносков. Все, месть свершилась.

Думаю, узнай об этом лежавшая в психушке пострадавшая женщина, она была бы со мной солидарна в чувстве удовлетворения от свершившегося правосудия.

Добежав до машины, я погнал ее в другой район, в тот, где сегодня точно не был. Дальше я загнал машину на тротуар и проколол колесо. Машину найдут, подумают, что подростки решили покататься, и вернут владельцу. Мысль самому незаметно вернуть машину на место, где она стояла, как пришла, так и ушла, рисковать не хотелось, вполне возможно, что пропажу уже заметили.

Перчатки, испятнанные кровью, улетели в воду притока Днепра, а я прогулочным шагом направился в частный сектор, где вот уже неделя, как снял жилье.

Но дойти мне не дали, хотя еще долго оставалось. Мне навстречу вышли две темные фигуры и осветили фонариком.

– Гражданин, ваши документы, – сказал один из них молодым, несколько ломким, но строгим голосом.

– Мне шестнадцать будет только через три недели, какие еще документы? – недовольно закрывшись от яркого света, бьющего в лицо, спросил я.

– Игорь, ты, что ли? – спросил другой милиционер знакомым голосом.

На секунду задумавшись, я спросил:

– Кирилл?

– Он самый, – удовлетворенно хмыкнул сержант. – Ты что по улицам в двенадцать ночи бродишь? Да и усталый какой-то.

Ответ пришел молниеносно:

– Сержант, с тобой такое было, чтобы красивая женщина швыряла тебя на кровать и несколько часов насиловала?

– Не-ет, – протянул тот удивленно.

– А со мной только что было, – сделав вид блаженного, сказал я. – Даже спину потянул. Домой вот иду.

– Подожди, тебе пятнадцать, какая еще женщина?!

– Сержант, неужто ты думаешь, что я буду под одеялом с шершавеньким играть? Я полноценный мужчина и люблю женщин... Вот только попробуй мне что-то сказать.

– Ладно, парень, ты по поступкам действительно взрослый, сделаю вид, что не было этого разговора.

– Вот и молодец... тихо!

Мне послышался женский крик вдалеке.

– Кричат? – неуверенно спросил молодой милиционер, когда крик повторился.

– Да... Там! – указал я рукой и первым рванул в указанном направлении, милиционеры, топая сапогами, последовали за мной.

Близкий крик, который явно попытались заглушить, помог мне скорректировать направление. Я влетел в темную арку, где слышалось сопение и тяжелое дыхание. В это время забежавший следом сержант осветил небольшую кучу людей, что позволило мне определиться и футбольным ударом снести одного из воняющих перегаром парней с девушки. Удар пришелся сзади по голым волосатым яйцам, я их хорошо рассмотрел, когда бил.

Через секунду во дворе эхом прозвучал визг, но мы уже крутили второго подельника. Потом застегнули наручники на обоих нападающих, пока молодой милиционер – рядовой, судя по чистым погонам – приводил в себя девушку.

– Яша, Яша, опять ты за старое. Ничему тебя не научил прошлый срок, – проговорил сержант, осмотрев пострадавшего насильника. Тот был в одежде стилиаги. Как я уже говорил, несколько раз видел похожих индивидуумов, ничего кроме брезгливой улыбки они не вызывали.

Потом сержант занялся девушкой, а молодой побежал к ближайшему телефону-автомату вызывать наряд. Естественно, меня никто не отпустил, и пришлось ехать в отделение, где опросили как свидетеля и даже постелили на диване, чтобы я поспал остаток ночи. Меня никто не обыскивал, поэтому оба штыка и деньги, которые могли подставить, так и остались незамеченными. А утром, разбуженный дежурным, я вышел из отделения и поехал к схрону. Теперь в нем не было нужды. Дойдя до схрона и переодевшись в чистую и привычную всем одежду, я взял сидор и направился домой.

Родителей уже не было, Толик еще спал, сестры продолжали гостить у бабушки, поэтому, приняв душ, я убрал сидор под кровать и тоже завалился спать.

Разбудил меня брат, вскочив в одиннадцать. После плотного обеда я поспешил к школе. Уроки в школе закончились, но некоторые учителя все еще ходили на работу, завершая незаконченные дела. Вот и Марина Львовна тоже находилась на работе. Я знал, что обычно в обед она шла домой.

Поздоровавшись с уборщицей, я поднялся на третий этаж, где был наш классный кабинет, и, заглянув в класс, убедился, что за столом сидела только классная. Я зашел и закрыл дверь на ключ с внутренней стороны.

– Теперь не убежишь, – улыбнулся я, подходя к ней.

За последний месяц постоянных ухаживаний и незаметных прогулок – не хотел, чтобы нас видели вместе – я только и успел, что отхватить у нее десяток жадных поцелуев и расстегивание лифчика. Но Мариночка постоянно ломала кайф, сбегая и не даваясь. Хотя даже я видел, что сопротивляется она из последних сил, вот и пришлось мне подтолкнуть ее к падению.

Некоторые скажут, что я лезу на взрослых женщин, когда рядом бегают те, кто больше подходил мне по возрасту. Так вот, отвечу я прямо: для моих сорока пяти лет прошлой жизни и мизер в этой, Мариночка была еще девочкой. Одноклассницы же еще подростками, а я не педофил.

– Ты что, с ума сошел?! Мы в школе!

– Не динамила бы меня, давно бы было все хорошо.

Зажав вскочившую учительницу в угол, я наконец смог полноценно поцеловать ее. Через десять минут, тяжело дыша, мы начали стаскивать друг с друга одежду.

Через сорок минут, продолжая лежать на теперь уже своей девушке, я дотянулся до куртки и достал ключ.

– Что это? – спросила Марина, слегка покраснев. Не привыкла пока еще, что на ней лежат голые юноши.

– Хватит тебе в общежитии ютиться с двумя соседками. Я снял квартиру в одном из районов. Второй этаж, две комнаты, кухня, туалет, ванная, отопление от котельной. Снял для нас. Деньги есть, я неплохо в милиции зарабатываю.

– Я подумаю, – неуверенно ответила Мариночка, но ключ взяла. В это время я понял, что пора продолжать, да и девушка это почувствовала, залившись краской. Она еще пребывала в шоке от случившегося, более того – случившегося в школе, в пустом классе.

– Знаешь, ты становишься еще милее, когда краснеешь, – сказал я и поцеловал ее. Только сейчас я почувствовал, что девушка действительно стала моей и никуда уже не денется.

Через час я выбил у нее обещание, что помогу с переездом.

– Что-то ты рано сегодня, – сказал Петрович, проходя в инструкторскую.

– Да было свободное время, вот и пришел, – ответил я, положив на стол эсэсовский кинжал из пособий.

– Чистишь? – спросил Петрович, беря один из штыков, которым я недавно работал и проливал кровь. Придирчиво осмотрев его, вернул на стол к десятку дружков.

– Ага, на некоторых пятна появились.

– Масла много используешь. Ладно, закончишь, займись Агоевым и Решетиным, они к пяти подойдут.

– Хорошо. О, кстати, я через месяц уезжаю, мне нужно писать заявление?

– Нет, зачем? Ты же привлеченный сотрудник, мне скажешь, да и все. Когда вернешься-то?

– В конце августа.

– Два месяца?

– Ага.

– Ладно, отдыхай, пока детство в одном месте играет. Кадровикам я сам скажу.

Убрав ножи в сейф, я закрыл его и, вымыв руки от масла, направился в зал – пять часов, пора заняться подопечными.

К шести подошли двое из комитета. Ранее КГБ и МООП занимались в этом здании, именно в этом зале, но после постройки нового спортивного комплекса комитетчики со своими инструкторами переехали туда. Сейчас же к нам ходили в основном те, кто имел здесь знакомых из милиционеров да привычных спарринг-партнеров. Были и другие причины – близкое жилье, например.

Между делом общаясь, я узнал о пожаре. Про угон и пропавших школьников ничего сказано не было. Ну, это пока еще время не пришло.

Под конец, когда я собирал блины, складывая их в стопки по весу, ко мне подошел капитан Ермолов, из комитета.

– Игорь, через неделю должны приехать люди из Москвы, у нас едет проверка, заодно протестируют и тебя. Заявление, что ты написал, уже отправили руководству. В общем, если пройдешь собеседование у начальства, замполита, и несколько учебных тренировок с московским спецом, считай, что принят.

– Вот как? – я задумался. – Учебный бой меня не беспокоит, но вот собеседование... есть немного.

– Не беспокойся, держись уверенно – и все пройдет нормально.

– А почему москвичи, я думал, буду работать у вас в республиканском управлении, а уж потом, когда перееду, переведусь в Москву?

– Я в курсе, но тебе не скажу. Извини, пока тебе знать не стоит.

– Лады, спасибо, что предупредил.

Пожав ему руку, я закончил с уборкой и вместе с Петровичем вышел из спортзала.

– Значит, уходишь? – спросил он на выходе из здания.

– Еще ничего не решено.

– Да тут и гадать не имеет смысла. Я за тобой уже два месяца наблюдаю. Там ты будешь на своем месте, так что дерзай.

– Спасибо, Петрович.

– Ну все, иди.

Минуту я наблюдал за прихрамывающей фигурой Петровича, пока она не скрылась в ночной темени, после чего, грустно вздохнув, направился к автобусной остановке.

Про следующие несколько дней рассказать особо нечего. Я с утра ходил в библиотеку, старательно работал над книгой, перевез вещи Марины и теперь жил с ней в снятой квартире. Пока мы присматривались друг к другу в постельных играх, но, чую, скоро мы уже узнаем друг друга получше. Родители спокойно восприняли мой ранний отъезд, видимо уже смирились. Про девушку я им не говорил, пока им это знать не стоит.

Сама квартира мне досталась случайно, хозяйка умерла, а близкая родственница жила в Ростове. Когда она переоформляла собственность на себя – дом был деревянный двухэтажный с частными квартирами, – то я, через третьих лиц узнав об этом – подслушал в магазине – договорился с ней, что сниму квартиру на год. Деньги отдал как раз перед тем, как идти к Марине, и помог старушке сесть на поезд.

Вот такие дела. Короче, вести себя старался незаметно. Ну, а через восемь дней меня действительно вызвали в управление КГБ. Одевшись во все новое, я пригладил короткий ежик на голове. Глядя на себя в зеркало, усмехнулся, чмокнул Марину в щечку и вышел из квартиры. Мое будущее в моих руках.

Спустившись к курьеру, сел в бежевую «Победу» с государственными номерами, и мы поехали в управление. Не думал, что за мной пришлют машину, да и вообще удивляло, как меня нашли. Свой новый адрес я давал только родителям и Петровичу.

Доехали быстро, минут за пятнадцать, движение на улицах города было слабое. Но почему-то меня отвезли не в само управление, а в тот спортивный комплекс, где проходят тренировки, и высадили у парадного входа, после чего машина отъехала к стоянке.

Вахтер был знакомый, поэтому пропустил без проблем, указав на кабинет, где меня ждали.

Когда я, постучавшись и получив разрешение, вошел в один из кабинетов комплекса, последовала молниеносная атака сбоку. Уйдя от нее, я, используя стену с правой стороны как опору, пробежался по ней, перекувыркнулся через голову, причем так, чтобы встать на ноги позади нападающего, рванувшего за мной. Попытка нанести ему удары по почкам провалилась – тот легко ушел от ударов.

– Все в порядке. Садись, – сказал сидевший за столом мужчина. – Андрей, оставь нас.

Я присел за стол, с интересом разглядывая выходящего мужика лет сорока, который и напал на меня. Это был профи не чета мне – если бы нас не остановили, уделал бы он меня с легкостью. Причем его лицо было неуловимо знакомо, возможно, я видел его фото, когда проходил службу в ФСБ, но вспомнить никак не мог.

– Игорь Викторович Соколов?

– Да, это я, – повернулся я к мужчине за столом, теперь с интересом рассматривая уже его. Ему было лет тридцать пять, умное, даже в некотором роде породистое лицо – чем-то очень похож на актера, игравшего таксиста-милиционера в «Джентльменах удачи», которому Косой объяснял, какое дерево на проспекте.

– Вы знаете, для чего понадобилось этому человеку нападать на вас?

– Думаю, вы психолог. Будете вести опрос, а внезапная атака способствовала выбросу адреналина в мою кровь, в результате чего опрос будет вести легче. Обычно в таком состоянии человеку трудно солгать и ему требуется больше времени на осмысление. Благодаря этому вы также можете провести тесты на мою психологическую и стрессовую устойчивость.

– Верно. – На лице мужчины было написано огромное удивление, но он быстро взял себя. – Обычно люди, с которыми я веду беседу, предполагают, что я так провожу тесты их физического состояния. Но это не так, это не моя обязанность. Ладно, давайте начнем...

У психолога я пробыл почти полтора часа, после чего меня направили в спортзал, где в одиночестве ждал тот самый спец, что напал в кабинете психолога.

– Андрей, – слегка кивнул он.

– Игорь, – также коротко представился я.

– Ушел ты от меня неплохо, хотя удара от меня не должно было последовать. Давай сейчас проверим, чего ты стоишь в реальных условиях. Раздевайся, форма и оружие сложены на лавке. Выбирай.

Я переоделся в спортивную одежду, она была моего размера, и взял имитации штык-ножа АК и штык-ножа от СВТ. Люблю работать двумя руками.

– Я готов, – просто ответил я.

Спустя шесть часов, после душа переодевшись, направился в другой кабинет, где кроме психолога находился плотный мужчина с седым ежиком волос и со шрамом, пересекающим левую бровь. Посмотрев друг другу на брови, мы синхронно неопределенно хмыкнули.

– Меня зовут Сергей Сергеевич Власов, подполковник КГБ. Первые две проверки ты прошел удачно, надо сказать, даже Андрей очень неплохо о тебе отозвался. Хотя из двадцати трех спаррингов ты вышел победителем в трех и два свели в ничью.

Потрогав разбитую губу, заклеенную пластырем, я согласно кивнул, спец был на голову выше меня по подготовке, и хотя теоретически я сильнее, но тело еще было не достаточно подготовлено. Это мне спец сказал, да я и сам знал. В общем, нужно тренироваться и тренироваться. У спеца-то более двадцати лет опыта, а я всего семь месяцев назад попал в это тело, не было у меня времени довести его до кондиции. Так, чуть-чуть поднял – и все.

– Ну, а теперь давай поговорим о тебе и о прорыве твоих знаний, которых до твоей клинической смерти у тебя просто не было. Садись.

Присев, я озадаченно нахмурился:

– Я умер?

– Тебе, конечно, никто не говорил, но после того как тебя привезли в больницу, была остановка сердца на три минуты, пока его снова не запустили. После этого у тебя и появились другие знания, а старые начисто исчезли. Ты научился играть на скрипке, но начал на гитаре. Как сказал профессиональный музыкант, слышавший тебя в больнице, ты – несомненно самоучка.

«Проверка, или я не первый попаданец?!» – заметались мысли. Я решил прояснить эту ситуацию и задал вопрос:

– Вы так говорите, как будто подобное уже бывало?

– Ты не уникал, если ты об этом, – влез в разговор психолог. – На моей памяти ты седьмой. Редкость – это да, но ничего удивительного.

– Все такие, как я, начали драться и научились убивать голыми руками?

– Нет, – покачал головой седой. – Тут ты у нас первый такой. У других странности проявляются по-разному, но у всех после остановок сердца. Кто-то заговорил на португальском, причем так, как будто оттуда родом, хотя до этого даже не знал, что такая страна существует. Другой, имея три класса образования, в уме стал рассчитывать задачи высшей математики. У

всех подобные проявления проявляются по-разному, так что с этой стороны ты, конечно, уникал. Но как мы уже говорили, не ты первый и не ты последний, хотя случаи и редки, и не всегда возможно их опознать. Все помнят о своей прошлой жизни, это тебе не повезло получить по голове прутом. Просто нас заинтересовали твои умения, и я согласен, что ты идеально наш кандидат, осталось выяснить, что ты умеешь, ведь ты открыл не все свои секреты, не так ли?

– Не все, – задумчиво протянул я, прикидывая в уме, что мне дает откровенность подполковника. Вроде как открываются прекрасные возможности для дальнейшей жизни в Союзе.

– Значит, ты умеешь и знаешь гораздо больше, чем говоришь... – скорее утвердительно, чем вопросительно сказал подполковник.

– Реинкарнация? – перебив его, спросил я.

– Одна из версий, – согласно кивнул психолог, с интересом осмотрев меня.

– Ясно, – вздохнул я.

– Ты изменился, мои люди за последние две недели изучили образ твоей жизни до нападения и после, – сказал седой. – Изменения кардинальные и практически во всем. Кстати, нам известно, что ты пишешь книгу и живешь с женщиной гораздо старше себя. Насчет последнего: у вас все серьезно?

– Мы уже поговорили на эту тему. Мы оба другу друга нравимся, но любви между нами нет, если вы об этом. Да и переезжать в Москву следом за мной она отказалась категорически, так что не волнуйтесь, долго наша любовь не продлится, – говорил я, а сам размышлял о людях полковника. – Нас привлекают друг к другу только физические чувства. Я ответил на ваш вопрос?

Как опытный оперативник, слежку я засек сразу, хоть она и была профессиональная, однако за пару дней до чистки мира от швали – это я про выродков и воров – слежка была прекращена. Поэтому тщательно проверившись, я и осуществил зачистку.

– Это хорошо, что ты ведешь себя не как юноша с кучей проблем, а как вполне адекватный молодой человек. Теперь давай мы узнаем уровень твоих знаний.

Психолог вышел, а мы с подполковником засели за стол и стали составлять список моих умений. Скрывать я фактически ничего не стал, утаил только то, что являюсь неплохим снайпером. Когда я озвучивал некоторые пункты, брови седого удивленно ползли вверх. Например, как создать взрывчатку из бытовой химии и как сделать самодельный детонатор, чтобы ее инициировать. Другие способы убийства, включая работу под несчастные случаи. Также озвучил, что, похоже, являюсь инструктором штурмовых подразделений. Все способности указывали на это.

– Не знаю, откуда все это взялось в моей голове, но что знал – перечислил, – через три часа, когда за окном уже стемнело, закончил я.

– Ну что ж. Проверку ты прошел, так что поздравляю. Как насчет перебраться в Москву уже этим летом?

– Нет, пока не могу, есть и тут незаконченные дела. Вот в следующем году, когда закончу школу, всегда пожалуйста, тем более я собираюсь поступать в медицинский... Товарищ подполковник, вы можете ответить мне на один вопрос?

– Задавай.

– Почему вы так легко меня взяли? – ответ я знал, но мальчик, в котором я сидел, не мог не задать того вопроса, пришлось соответствовать.

– Твои знания соответствуют инструкторам категории «А» по внутриведомственной терминологии. Сам понимаешь, все они под присмотром, получают приличную зарплату и учат наших специалистов. В общем, если не успеем мы, кто-нибудь тебя перехватит. Те же армейцы из ГРУ вполне могут. А не хотелось бы.

– Теперь мне все ясно, спасибо.

– Значит, так, этот год ты будешь числиться за республиканским управлением, а после того как переедешь в Москву, мы сделаем тебе перевод. Все бумаги я подпишу, и как только получишь паспорт, можешь оформляться.

– Хорошо. Но хотелось бы напомнить, что я учусь и подолгу на службе быть не могу.

– Местное начальство предупредят, так что числиться ты тут будешь чисто номинально, хотя за тобой как за инструктором и закрепят часть сотрудников. Как и когда будешь их учить, решай сам. Ты получишь офицерское звание, инструктора этой категории все офицеры. Также тебе выдадут табельное оружие. Надеюсь, ты понимаешь всю ответственность обладания оружия?

– Конечно, хотя и не помню, чтобы держал его в руках.

Седой не задумываясь сунул руку подмышку и извлек ПМ.

– Разбери.

Руки сами собой быстро разобрали настолько родное оружие, что даже сам не ожидал. По крайней мере, удивление на моем лице читалось легко. Надеюсь, подполковник не определит, что я играю.

– Собери.

Так же быстро пистолет был собран, я вставил магазин, щелкнул предохранителем и протянул оружие подполковнику рукояткой вперед.

– Моторная память, – поднял он палец и забрал оружие.

– Я тоже уже это понял.

– Допуск мы пока тебе оформим не высшей категории, это уже будет, когда ты окажешься в Москве, но оружие ты всегда должен иметь при себе, согласно инструкции.

Мне было многое понятно. Оставлять без надзора машину для убийства подобную мне было опрометчиво, вот меня и привязали к службе, хоть и немного рано. Шестнадцать лет – это край, но подполковника понять было можно.

После этого мы договорились встретиться завтра в десять часов в управлении и, пожав друг другу руки, распрощались. Домой меня увезли также на машине, где ждала взволнованная Мариночка. Пришлось утешать и успокаивать.

– Что скажешь? – спросил подполковник «психолога», когда их собеседник удалился.

– Занятный парень, – неопределенно хмыкнул тот.

– Да я про странную пропажу и несчастные случаи, произошедшие с его одноклассниками, соседом и другими мальчишками этого возраста. Его работа? Мы уже выяснили, что именно они участвовали в нападении на парня. Мотив более чем серьезен. Ты только ответь: Он мог это сделать?

– Вполне мог. Но пойми, Савелий, все пропажи и несчастные случаи произошли в один день. Каким бы он ни был бойцом, он бы не смог повернуть все это в одиночку. Думаю, он тут ни при чем.

– Вполне возможно. Мои парни пробежались и опросили всех свидетелей, что нашли, предъявляя фото Соколова. Никто его не опознал. Ни у речки, где нашли Свиридова, ни в парке у колодца с футболистом, ни в доме, где произошел пожар с семьей погибшими, ни во время пропажи другого парня, что ехал в пионерлагерь. Никто его не опознал... Думаю, ты прав, нереально уничтожить столько людей за один день в одиночку, а контактов у Соколова не было. Никто ему не помогал – это точно.

– У нас в этом деле только одно доказательство. Те женщины, что доставили его в больницу, сразу опознали парней как тех, кто избивал его. Так что Соколов вполне мог отомстить, тем более по его характеру. Но сделал ли он это?

– Пока возьмем его с испытательным сроком, присмотримся. А там дальше видно будет, – сказал подполковник.

– Принимается. Я тоже так подумал. Время покажет, что он за человек.

На следующий день к назначенному времени я появился в управлении, у дежурного на входе получил временный пропуск с указанием кабинета, где меня ждут. Дальше пошла работа. По приказу Власова я начал вести некоторые записи, что его заинтересовали. Например, о том, что в это время было не известно или еще не придумали. Ведь во мне сосредоточились знания и опыт работы силовых подразделений за более чем пятидесятилетний период. Есть чему мне поучить предков.

Работали мы с ним три дня, пока он не собрал все исписанные листы в папки и не отбыл в Москву.

После отъезда подполковника жизнь потекла своим чередом, только вместо спортзала МООПа я стал ходить в спортивный комплекс, то есть в то крыло, где занимались сотрудники КГБ. Меня там многие знали, так что влился я в коллектив достаточно быстро. Согласно просьбе Власова, я не учил местных ничему серьезному и специфическому, только рукопашная, ножевой бой и особо – штурм помещений. За мной закрепили шесть сотрудников, с ними-то я и занимался. Ладно хоть ставить себя и играть мускулами было не нужно, многие меня знали, поэтому я пользовался, как неплохой инструктор, искренним уважением у подопечных. Причем двое из них имели звания капитанов, а один так вообще был майором.

Когда подошло время, я сделал фото в служебном фотоателье и отдал фотографии, мое заявление уже было у них. Форму шить не пришлось, в ателье было несколько френчей, подобрали, навесили нужные погоны и сфотографировали. Все просто.

Ну, а когда я получил паспорт – раньше мне не могли его выдать даже по просьбе КГБ, – я передал новые данные в управление и получил просьбу зайти в отдел кадров через три дня за новеньким удостоверением и получить положенное оружие и вещевое имущество.

Как я и говорил, так и текла жизнь своим чередом. Разве только стоило упомянуть, что книгу я наконец дописал и в данный момент переписывал ее набело, пока – девятнадцатого – не закончил.

Ну, а двадцатого июня, предупредив всех, кого можно, и выправив отпускные документы, стал собираться. Кстати, удостоверение младшего лейтенанта КГБ я все-таки успел получить. Более того, как и вещевое имущество, и табельное оружие, последнее к моему искреннему удивлению (что-то тут не чисто). Завсклада выдал мне ПМ в пушечном сале и записал за мной АК, оставив последний в оружейке. А вот к ПМ кроме пятидесяти патронов, двух запасных магазинов, наплечной кобуры и чистящих средств еще выдал пять пачек патронов для отстрела пистолета в тире управления. Ничего, отстрелялся неплохо. Инструктор, принимавший плановую стрельбу, был в восхищении.

Так что хорошо смазанный и снаряженный пистолет был при мне в подмышечной кобуре. Сдавать мне его не требовалось, даже когда я находился в отпуске. Как и сказал Власов, он всегда должен быть при мне. Правда, теперь постоянно приходилось ходить в куртке, а ведь лето было жарким.

В общем, предупредив всех, я собрал чемодан и сел на поезд, идущий на Москву.

* * *

В Москве мне пришлось задержаться. Нет, с редакцией проблем не было, подъехал на такси, отдал рукопись, оставил свои данные и вернулся в служебную гостиницу. В простых я решил не селиться, мало того что очереди, так еще заселят куда-нибудь к командировочным в комнату с десятью кроватями. Тут же ситуация похожая, но я смог за кондитерскую взятку договориться об одноместном номере для старшего комсостава. Все равно свободные были.

После этого я сутки отдыхал, гуляя по городу, заодно проверяя, не следят ли за мной. Все проверки показали нулевой результат. После этого, как и обещал Власову, я заехал в главное управление КГБ, где дежурный, сделав запись, просмотрел журнал и отправил меня в сто второй кабинет. Это значит, насчет меня были какие-то указания.

Там меня встретил Андрей, как оказалось, после переезда в Москву он станет моим начальником, поэтому мы два часа проговорили, просто знакомясь и пытаюсь понять характеры друг друга.

– Ты здесь надолго? – под конец разговора спросил он.

– Через два дня уезжаю в Сочи, уже билет купил. А что?

Разговаривали мы с ним не как подчиненный с начальником, до этого еще было далеко, а как хорошие знакомые.

– Да думал познакомить тебя с парнями. Но они только через пять дней вернутся из командировки, двое на нашей подмосковной базе. Ладно, сделаем это позже.

– А Власов?

– Он с ними. Кстати, ты твердо решил поступать в медицинский? К нам на учебу не хочешь?

– А смысл? Нет, мне нужна мирная профессия. Возможно, в будущем пригодится.

– Значит, работать будешь в свободное от учебы время, – задумчиво протянул Андрей. – Причем у тебя его будет не так и много. Скорее всего, даже ты больше будешь числиться у нас, чем реально работать.

– Власов в курсе и не препятствовал. Мне нужна официальная профессия, отказаться от службы он не дал.

– Еще бы, кто тебя отпустит? Ладно, давай, у меня сейчас группа соберется. Нужно работать. Если что, заходи.

– Хорошо.

Выйдя из управления, я задумался и направился к ближайшему телефону-автомату. Номер справочной у меня был, поэтому я быстро узнал адрес, где проживал Игорь Матвиенко. После этого я проехал одну остановку, проверяясь, и позвонил по-другому телефону-автомату в справочную насчет Гусакова. Голос пришлось слегка изменить, чтобы не сопоставили пропажу и их поиск.

Весь день я готовился. Нашел заброшенный склад на окраине, который, судя по следам, давно никто не посещал. После этого заехал в хозмагазин и в отделе дачника купил лопату, пару мешков и ручную садовую пилу с крупными зубьями. Инструмента я обычно своего не имел, банально заранее покупал, потом после акции избавлялся от него. Сделав все приготовления, я вечером был у дома Гусакова.

Узнал я его не сразу, на фото в моем архиве ему было гораздо больше лет. Запомнив его движения и походку, чтобы, если что, не спутать в темноте, направился на адрес Матвиенко.

Я понимал, что тороплюсь, и плохая организованность и непродуманность может плохо кончиться, но у меня не было времени, а оставлять этих уродов и дальше коптить небо не хотелось.

Матвиенко этим днем я так и не увидел. Когда стемнело, я вернулся в гостиницу, решив завтра закончить с этим делом и послезавтра отправиться в Сочи. Сливко я займусь по возвращении с моря, не все сразу.

На следующий день я действовал экспромтом: угнал машину неподалеку от посольства Великобритании, сменил номера на наши, чтобы не привлекать внимания – скрутил с первой попавшейся машины. Интересы со стороны сотрудников комитета, что наблюдали за посольством, мне удалось избежать. Их было трое, как я вычислил. В общем, рано утром я подъехал к дому Гусакова. Вышел он вместе с молодой женщиной забитого вида, а когда они разделились, я направился следом за автобусом, на который села моя цель.

При выходе он направился в сторону спецприемника, где работал фотографом. Притершись к обочине, я опустил окно с его стороны и крикнул:

– Борис! Борька! Что, не узнаешь?

Тот остановился и удивленно осмотрел новенькую «Волгу» – я специально подобрал машину поярче, маньяки, как сороки, реагируют на все блестящее.

– Не помню, – с сомнением ответил он.

– Да ты что! Давай садись, подвезу, по дороге и поговорим.

Мельком глянув на уже видные створки приемника, он махнул рукой:

– А давай.

Как только он сел, я ударил его ребром ладони по горлу, и когда он, хрипя, наклонился вперед, уже по шее – вырубая. После чего тронулся с места и отъехал в сторону. Если кто что и видел, то вряд ли что понял: на их глазах я приобнял знакомого, и мы отъехали.

Найдя тихий проулок, переложил тело в багажник, крепко связал его и вставил кляп. Надеюсь, он не задохнется, пока я охочусь на Матвиенко.

– Хм, сразу охотиться за двумя маньяками, у меня такого еще не было, – хмыкнул я, закрывая багажник.

С Матвиенко вообще получилось просто, я застал его как раз в тот момент, когда он с сонным видом выходил из дома с удочками. Повезло, одним словом. Дальше проследил, где он в пригороде вышел из автобуса, и банально сбил его машиной, задев правым крылом. Пока тот орал благим матом, держась за сломанную ногу, вырубил его, связал и поместил к соседу.

После этого я поехал на склад, где все было приготовлено.

Когда оба подонка были привязаны к длинному слесарному столу, я щелкнул пальцем по пиле, отчего та издала мелодичный звон, и обратился к Матвиенко:

– Ну что, помнишь тех двух женщин, что ты изнасиловал и убил четыре и два месяца назад?.. Ох, как побледнел, значит, помнишь...

Сидя на полусгнившем бревне, я задумчиво смотрел на расчлененные трупы. Подозрения подтвердились, никакой привычной волны блаженства после убийства маньяков у меня не было. Я за последние месяцы заметил, что постоянная ранее жажда крови почему-то меня больше не мучает. Про убитых недавно не стоило даже вспоминать, месть – это месть, с жаждой крови ее не путайте.

– Я что, излечился? – растерянно спросил я сам себя. Стянув окровавленную резиновую перчатку, я почесал затылок и снова задумчиво посмотрел на расчлененные тела. – Нет, проверим контрольно на Сливко. Если волны не будет, это подтвердит, что теперь мне не нужно искать маньяков для утоления жажды. Хм, даже не верится, что я излечился... Хотя о чем это я?! Я не хочу этого! Мне нравится охотиться и уничтожать маньяков!

Мой крик эхом пробежался по сараю, но никого этот вопль души не тронул. Перейдя на ругательства, я немного пришел в себя. Тряхнув головой, сказал последнее острое словцо и, злобно пнув одно из тел, стал собираться.

Убрав остатки тел в мешки, я поехал на свалку, где и закопал окровавленные трупы. Доехав до реки, искупался и переоделся в чистую одежду, после чего столкнул «Волгу» в реку – нашел во время купания глубокое место. Инструмент полетел следом. После этого под вечер вернулся в гостиницу, чувствуя бодрость во всем теле и весело напевая себе под нос:

Я знаю точно наперед:
Сегодня кто-нибудь умрет!
Я знаю где, я знаю как,
Я не гадалка, я маньяк!
Меня не видно в темноте,

Я приближаюсь к тебе,
И ты дрожишь в моих руках,
Теперь ты знаешь, что есть страх.
Приставлен к горлу острый нож,
И ты так просто не уйдешь,
И слезы капаят из глаз:
Ты видишь мир в последний раз...
Ведь он соседом тихим был,
И он ни с кем не говорил,
Он по закату уходил,
Ну а с рассветом приходил.
Никто не знает, где он был,
Кого сегодня он убил,
В кого воткнул он острый нож,
Кого сегодня не найдешь...

* * *

Когда я вышел из вагона на железнодорожном вокзале в Сочи, меня оглушил гомон толпы. Больше всего кричали зазывалы, сдающие комнаты, не уступали им продавцы местных вкусностей. Покрикивали носильщики, предлагая свои услуги. Да и только что прибывшие пассажиры тоже вносили свою лепту.

Оглядевшись, я сквозь толпу направился к стоянке машин. Кроме такси там стояли и частники, зарабатывающие свою копейку в курортный сезон. Оружие было в чемодане, поэтому я был одет в летнюю белую рубашку с короткими рукавами и белые летние штаны. На ногах были плетенки, только на голове ничего не было. Будет время, пробегусь по местным магазинам и прикуплю что-нибудь плетеное, а пока и так нормально.

Осмотрев экспозицию разного автопрома, стоящую на площади, подошел к ближайшей бежевой «Победе».

– Сколько берешь, отец? – спросил я пожилого усатого хозяина машины, который стоял рядом со связкой ключей в руке, разговаривая с двумя другими владельцами соседних машин.

– Договоримся, – пожал тот плечами.

– Не сомневаюсь, – хмыкнул я. – Чемодан в багажник, гитару на заднее сиденье. Только осторожней, инструмент хрупкий.

Тот, несмотря на жару, был в слегка потрепанной жизнью коричневой кожаной куртке, видимо отличительный знак владельца машины. Многие из водил были одеты похоже. Водитель быстро и осторожно погрузил мои вещи, пока я устраивался на широком переднем сиденье «Победы».

– Куда едем? В гостиницу? Если брони нет, то дохлое дело. Могу подсказать пару неплохих вариантов для жилья.

– Как вас зовут? – спросил я водителя.

– Тимофей Юрьевич.

– Так вот, Тимофей Юрьевич. Мне родители дом подарили на день варенья, вот нужно вступить во владение.

– Однако, это же сколько твои родители зарабатывают?! – искренне удивился водитель.

– Зарабатывают как все. Просто отцу как инвалиду войны машину дали, а ему без надобности. Продали. Вот, как раз хватило.

– А, ну это может быть... Где дом? – мы как раз тронулись с места, поэтому водитель задал вопрос вовремя.

– Садовая, пятьдесят семь.

– Отличный район. Там частный сектор. Да и от Садовой до моря всего пять минут вниз по улице. Дорого за дом отдали?

– Не знаю, я в это время в пионерском лагере вожатым был, приехал – подарили, – рассеянно ответил я. Ложь легко слетела с языка.

Двадцать минут спустя мы медленно катились по нужной улице, вниз под уклон.

– Где-то тут должен быть, вот уже сорок седьмой дом, – проговорил водитель, стараясь не подавить отпускников, которых на улице было довольно много. Кто шел с моря, а кто, наоборот, после обеда спускался к соленой воде Черного моря.

– Вы не останавливайтесь, мне нужно визуально осмотреть его, потом едем в жилконтору. Будем вступать в права.

– Понял... Вот он. Хм, однако.

– Да уж.

Дом действительно впечатлял. Мало того что он был каменным с железной крышей и маленьким слуховым чердачным окошком, так его еще окружал высокий забор из дикого камня. Сбоку от дома стоял сарай с односкатной крышей. Как и забор, он был сделан из дикого камня. Тень на дом и частично на двор давал небольшой сад, между некоторыми деревьями была растянуты веревки и сушилось белье. Из открытой двери дома в это время вышел мужчина в плавках и стильных затемненных очках. Бледность тела показывала, что он только недавно приехал на курорт. Размер участка по моим прикидкам составлял соток двенадцать, дом занимал треть, немного приходилось на сарай, остальное было отдано саду и крохотным заросшим грядкам. В саду дымилась летняя кухня. Слева мой участок подпирал другой, где стоял похожий дом, тоже крашенный известью, справа подпирал еще один участок, правда, дом там был не таким большим, но зато была большая веранда. Мой будущий дом веранды не имел.

– Что-то народу во дворе полно, да и вещи, вон, сушатся. Наверное, курортники.

– Соседка должна была за ним присматривать, видимо, решила воспользоваться тем, что хозяев нет, – спокойно ответил я. – Ладно, поехали в жилконтору.

Тимофей Юрьевич газанул, и мы свернули на ближайшем перекрестке. На миг мне показалось, что внизу, когда мы поворачивали, я видел блики солнца на воде, но высокие заборы не позволяли увидеть море, и только когда мы выехали на другую улицу, я рассмотрел синие волны и множество голов купающихся.

Проблем с переоформлением особо не возникло, у меня забрали нотариально заверенную копию дарственной, сделанную в Москве, справку о смерти прошлого владельца – и все. Как оказалось, владельца тут знали, тот еще дебошир был, да и о проблемах с головой тоже знали. Оказалось, его уже пытались положить в больницу месяца четыре назад, но он сбежал и, побродив, оказался в Киеве. Тот еще фрукт оказался: пока ему голову не своротило, все кричал, что оба его сына в войну погибли, правда, не уточняя, что это произошло на зоне. Я это все и так знал, собрал всю нужную информацию, но женщину, которая все оформляла, слушал с удивленным лицом. Отмазка, что родители не могли приехать, поэтому пришлось самому вступать во владение, прошла нормально. Ладно, хоть не заострили внимания, что мне нет восемнадцати, записка «от родителей» их вполне устроила. Хотя я сам ее написал. В ней было сказано, что я действую с разрешения и полного одобрения отца. Записка осталась в жилконторе, занесенная при оформлении в документы.

То, что бывший хозяин дома был фактически не дееспособен, удивления не вызвало, как оказалось, документально это было не зафиксировано, к тому же он уже трижды пытался продать дом и дважды подарить, в последний момент отказываясь. Так что моя дарственная ни у кого удивления не вызвала.

– Родственников у него не было, все в войну умерли, поэтому проблем с этой стороны не будет... – говорила женщина, потом спросила: – Как он умер?

– Да врачи сказали, что от туберкулеза. Это произошло через пару дней после того, как написал на меня дарственную. Похоронен у нас на кладбище в Киеве.

– Понятно... Вы родственники? – продолжала задавать вопросы служащая.

– Нет, я ему помог перед смертью, он в канаву свалился, кашлял кровью. Все Лешей меня называл.

– Так звали его младшего сына... Отчего же он решил подарить вам дом?

– Я его вытащил из канавы и отвел в больницу, видимо, это его зацепило, а потом, через несколько дней, пришел нотариус и сообщил об этой дарственной. Я хотел было отказаться, да родители настояли. Дают – бери, бьют – беги.

– Я все записала. Домовую книгу будете делать новую или принесете старую?

– Новую.

– Хорошо. В общем, ваше заявление и все справки готовы, через три дня сможете прийти за домовой книгой. Вот эта справка подтверждает, что дом теперь ваш.

– Все так просто? Я думал, дольше будет, – удивился я, принимая справку.

– Да нет, у нас все просто, но теперь нужно проехать по некоторым организациям. У вас в доме два года назад была проведена вода, нужно переоформить все на себя. Ну, и свет, конечно. Когда закончите, пропишетесь в паспортном столе нашего райотдела. Хотя можете и сейчас. По времени успеете, рабочий день у них заканчивается через полтора часа, а завтра они работают только до обеда – суббота.

– При переоформлении что-то нужно из документов?

– Нет, хватит выданной вам справки.

– Спасибо, – я встал и положил на стол большую коробку конфет. Кондитерская взятка была встречена благосклонно.

Забрав оригинал дарственной и выданную справку, я вышел из кабинета и из здания.

– Куда едем? – поинтересовался водитель. Он стоял рядом с машиной, протирая тряпчковой лобовой стекло.

– Сперва в райотдел милиции, потом в другие места. Потом скажу куда.

В милиции меня оформили достаточно быстро, поставив в паспорте большой штамп и от руки внеся новый адрес. Когда я получал паспорт, прописку мне не оформляли, да что это – я едва смог отстоять, чтобы записали Игорем, а не Изей, как в метрике, и в графе гражданство «русский», а не «еврей». Мать-то еврейка. При выходе я зашел в кабинет участковых. Того, что отвечал за мой район, не было, но я узнал его данные. Фамилия у него была Митрохин. Старший лейтенант Митрохин.

После этого мы поехали оформляться в другие организации. За свет пришлось выплатить долг в двадцать семь рублей. Только после этого был переоформлен договор, и меня внесли как потребителя, а вот переоформиться насчет воды мы не успели, рабочее время закончилось.

– Закрыто, теперь только в понедельник, – сказал я, возвращаясь в машину. – Поехали на Садовую, будем вступать во владение.

– А как же курортники? – спросил Тимофей Юрьевич, разворачивая машину вверх по улице.

– Не мои проблемы.

Через десять минут водитель остановил машину у нужной калитки. Сразу же расплатившись с ним – запросил семь рублей, что в принципе было по-божески – я вышел из машины и подошел к калитке, разглядывая двор, пока Тимофей Юрьевич доставал мои вещи.

– Вы можете подождать несколько минут? – спросил я его.

– С великим удовольствием, – кивнул тот. – Мне тоже интересно посмотреть, что будет.

Вещи он занес во двор, я придержал ему калитку – она была с пружиной – и остался у вещей, с интересом оглядываясь.

Закрыв калитку, я направился к дому, мельком глянув на курортников. Визуально наблюдалось только трое, но судя по сушившимся вещам, их гораздо больше, причем были и дети.

– Простите, хозяйка велела всем говорить, что мест больше нет, – обратился ко мне тот самый слабо загорелый мужчина, что я видел в прошлый свой приезд к дому.

Остановившись, я задумался на пару секунд, после чего, усмехнувшись, сказал, поглядев на мужчину:

– Ситуация довольно забавная. Новый владелец дома приезжает, чтобы вступить во владение, но тут ему с ходу говорят, что ему тут не место... Одним словом, я не буду ходить вокруг да около. У вас час, чтобы собрать вещи и покинуть территорию моего участка, мне соседи не нужны. Я уже жил в коммунальной квартире и был не в восторге от этого.

– Но простите... Мы уплатили за проживание за весь период отдыха! – возмутился мужчина, остальные курортники заинтересованно подошли.

– Не мои проблемы, – сказал я. – Обращайтесь к той, кому заплатили. Напомню, у вас час.

Пока все трое курортников с возмущением обкатывали между собой новость, я обернулся и взмахом руки подозвал с любопытством наблюдающего за нами водителя.

– Тимофей Юрьевич, вы знаете в городе бригаду, которая занимается ремонтом домов?

– Про таких не знаю, но кто строит, в курсе. Может, они возьмутся? Только дорого это... и не официально. Шабашкой.

– Пойдет. Мне нужно снести въездные ворота и поставить новые, а то эти скоро упадут, уже в землю вросли. Потом заменить все рамы со стеклами в доме – гнилье, отсюда вижу. Если есть, кто понимает в деревьях, еще его, чтобы привел сад в порядок. Это пока по двору, дом я еще не смотрел. Вы можете сейчас привезти бригадира, чтобы мы договорились с ним о работе и осмотрели фронт работ?

– Да, они сейчас работают на стройке школы, государственный объект.

– Хорошо, тогда вы езжайте за ним, а я осмотрю дом и пристройки.

Тимофей Юрьевич направился к калитке, пропустив вперед того самого мужика – видимо, он направился к соседке прояснить ситуацию, а я, скинув рубашку и брюки и уложив их на чемодан, в одних черных боксерских трусах направился в дом. Как я и думал, исследуя стропила на чердаке в доме, умудрился испачкаться в пыли и паутине. Но крыша меня порадовала. Гнили нет, значит, она не протекает. Были еще мелкие моменты в доме, требующие ремонта, но это все потерпит. Больше всего меня беспокоил пол в доме.

Что мне не понравилось – мало мебели в комнатах, если и есть, то это или раскладушка, или кровать. Судя по ним, в доме жило двенадцать человек, и еще сколько-то в саду. Сам дом имел просторные комнаты. Одна кухня, три спальни, большой зал и что-то вроде гостиной, совмещенной со столовой. Стол со стульями присутствовали. На кухне была раковина и работающий кран. Был еще чулан и что-то вроде бытовки с отдельным входом с кухни. Лаз на чердак был с кухни, а не с улицы.

При выходе из дома, когда я отряхивал руки от воды – водопровод и канализация работали нормально, хоть кран и подтекал, – услышал возмущенные возгласы с улицы. Они явно приближались, и дирижировала ими бойкая старушка. Она как раз у меня на глазах открыла калитку и прошла во двор. Кстати, старушка оказалась хозяйкой того дома, где была большая веранда.

– Кто тут говорит, что он хозяин дома? – воскликнула она, старательно не глядя на меня.

– Это я, – невольно улыбнулся я, вид у старушки был боевой и забавлял меня.

Обойдя присутствующих и вытерев мокрые руки о трусы, откинул нагрудный клапан кармана рубашки, лежавшей на чемодане и, достав сложенный лист справки, протянул ее старушке.

– Все верно, – трижды прочитав справку, вздохнула она, потом, возвращая лист, поглядела и на меня. – Может...

– Нет. Попрошу освободить территорию и побыстрее. Кстати, до назначенного срока, что я дал, осталось семнадцать минут шесть секунд.

– У тебя в доме мои вещи. Раскладушки, белье... – начала старушка.

– Забирайте все, все равно выкину. Кстати, домовая книга не у вас?

– Не видела, – открестилась та, хитро глянув на меня.

– Ну и ладно, все равно новую выдадут. Меня Игорем зовут.

– Тамара Николаевна.

– Очень приятно.

Старушка развила бурную деятельность, и буквально за десять минут все вещи были перенесены на ее участок. С учетом того, что и там жили курортники, им явно будет тесно, но меня это особо не беспокоило.

Через пять минут после того, как курортники съехали с моего участка – правда, большая часть, будучи на пляже, об этом еще не подозревала, – подъехала знакомая «Победа» Тимофея Юрьевича. Вместе с ним из салона вышел мужчина лет сорока, коренастый и явно южных кровей. Обширную лысину на его голове прятала большая кепка-аэродром (не знал, что они в это время уже существовали). А усищам мог позавидовать даже Буденный. К тому же он еще и двигал ими, отчего кончики то поднимались, то опускались. Выглядело все это презабавно.

– Добрый день, – встретил я их у входа. К этому времени я уже надел брюки и накинул рубаху, последнюю не застегивая.

– Вот, Игорек, как и просил. Это Анвар Игоревич, бригадир строительной бригады.

– Игорь, – протянул я руку бригадиру.

– Можешь просто назвать меня дядька Анвар. Тимофей мне сказал, что у тебя тут большой фронт работ?

– Есть такое дело. Давайте пройдем в дом, покажу полы. Они явно просели на одну сторону. Вот не знаю, что посоветуете. Насчет остального потом, полы – главный вопрос.

В течение часа мы осматривали все строения, въездные ворота, сад и даже обошли весь забор. Благо последний ремонта не требовал, так как был сделан на совесть.

– Материал чей? – после того как все было составлено и записано, спросил дядька Анвар, пошевелив усищами.

– Все ваше, конечно, я только плачу.

– Тогда за работу четыреста семьдесят шесть рублей с учетом четверых работников, за материал отдельно, но сразу скажу – не меньше трехсот рублей. Доски и стекло встанут дорого. Тем более если рубить такую веранду и стеклить ее, материала уйдет много. Потом после работы пересчитаем.

– Нормально, – мы ударили по рукам.

– Тогда попрошу аванс.

Двести рублей ушли к бригадиру. Сто за работу и сто за материал. Работать бригада начнет с завтрашнего утра, по словам дядьки Анвара, на это уйдет около двух недель. Меня сроки устроили.

После этого Тимофей Юрьевич отвез бригадира обратно, взяв за работу трешку.

Ремонт предстоял следующий. Весь пол в доме шел на замену. Все рамы и остекление тоже, к тому же мне нужно было, чтобы все окна открывались. Также мне захотелось сделать веранду. Бригадир минут двадцать бегал с длинным метром, делая замеры, потом кивнул, соглашаясь. Кроме этого, во время осмотра дома бригадир предложил поменять межкомнатные и входные двери. Меня это предложение устроило. Для сада он обещал прислать двух женщин, с ними мы обговорим цену особо. Дополнительно бригада приведет в порядок сарай, вывезя из него весь хлам, сделает дорожки от калитки до дома с крупной морской галькой и

бордюром. Также дорожки побегут от дома до туалета – до нового, естественно, старый шел под снос. Старая летняя кухня в саду будет разрушена и построена новая. А то мне не понравились трещины, что пересекали ее. Потом произойдет замена ворот – бригадир снял мерки и скоро их должны сбить в слесарной мастерской. Сразу после ворот будет сделана площадка для машины, посыпанная и утрамбованная галькой. Кроме этого, бригадир дал мне адрес столяра, занимавшегося на дому мебелью под заказ. Материал у того свой. Надо будет столяру еще заказать пару скамеек в сад со спинками и столик, но это все завтра. Может, еще беседку сделаю, подумать надо.

Когда машина уехала, я запер калитку и, подхватив вещи, которые так и лежали рядом, понес все в дом.

До вечера ко мне во двор трижды пытались прорваться курортники, которые раньше тут жили. Приходилось выходить из дома и прояснять ситуацию. Были еще новенькие, которые искали недорогое жилье. Под вечер меня это все довело, поэтому я нашел кусок старой фанеры и карандашом большими буквами написал, что *мест нет!*

Утром меня разбудил стук в дверь дома. Зевая, я пошел открывать. Снаружи стоял молодой парень лет двадцати пяти.

– Доброе утро, я Олег, мы от дядьки Анвара, – сказал он. Позади парня я увидел, как через калитку два степенных мужика заносят инструмент, а на улице тарахтел изношенным мотором старый грузовик. Может, я ошибаюсь, но вроде «Студебеккер» с открытым кузовом.

– Привет. Игорь, приятно познакомиться. Раз приехали, мешать не буду, тем более работы много. Вопрос только один. С чего начнете?

– Пока с сарая – доски для пола, рам и веранды еще не готовы. Потом летнюю кухню заменим и туалет. А когда будут готовы ворота и другие доски, займемся ими. Облагораживать территорию будем в последний день, гальку для тропинок и стоянки уже заказали, – обстоятельно ответил парень.

– Хорошо. Вы строители – вам виднее.

В течение сорока минут пронаблюдав за слаженной работой строителей, я взял полотенце и в одних плавках и пляжных тапках направился на пляж, а то второй день на курорте, а моря еще не видел. Предупрежденные строители только кивнули.

«Надо бы зайти в местное управление, отметить о приезде и сообщить адрес, а то вчера не хотелось этого делать при водителе. Да и Власов попросил не козырять удостоверением при любом удобном случае, а лучше даже не афишировать службу. Что ж, будем соответствовать. А в управление схожу после обеда, тогда и отмечусь», – размышлял я. В это время внизу показался пляж, и я, сдерживая себя, чтобы не побежать – не то чтобы мне купаться сильно хотелось, просто уклон такой крутой, – зашагал вниз. Беспокойства, что оружие и удостоверение остались без присмотра, я не чувствовал. Во-первых, я строителей предупредил, чтобы не пускали посторонних. Во-вторых, убрал чемодан под кровать и пристегнул его наручниками к стойке. Он был с замком, так что фиг вскроешь. В-третьих, двойной кордон, так что сомневаюсь, что в доме что-то пропадет.

Когда я вернулся обратно посвежевший после купания и довольный – хотя народу на пляже было огромное количество, до воды чуть ли не по телам пришлось идти, да и от берега отплывать подальше, чтобы не мешали, – в саду уже дымилась летняя кухня и около нее суетилась Тамара Николаевна. Из соседей я знал только ее, остальные пока не спешили знакомиться, вот я ей и предложил подзаработать на готовке бригаде и мне. Старушка согласилась охотно, очевидно было, что она очень любила деньги.

Переодевшись, вернее одевшись, я пригладил слегка подсохшие волосы и, предупредив работников, что отойду на часок, направился в управление. По уму надо было бы вчера отме-

тяться, но, честно говоря, было не до этого. Адрес нужного здания я узнал еще вчера, поэтому добрался достаточно быстро.

– Добрый день, – поздоровался я, войдя в светлый, но прохладный холл.

– Да не очень-то он и добрый, – поднял голову дежурный в звании лейтенанта, отрываясь от каких-то бумаг. Кроме него в выходной день в управлении почему-то было много сотрудников, которые ходили из кабинета в кабинет с сосредоточенным видом, некоторые приезжали и уезжали.

– Что-то случилось? – спросил я, протягивая отпускные документы, включая удостоверение. Дежурный начал заполнять журнал, сверяясь с поданными документами, поэтому ответил не сразу. Он, кстати, удивленно поднял брови, увидев дату моего рождения, но только покачал головой и продолжал заполнять.

– Девочку нашли, изнасилована и задушена. Суки... ей десять лет всего было!

– Изнасилована и задушена... – пробормотал я задумчиво, отбивая пальцами ритм по столешнице. – Десять лет.

– Держи, – протянул мне обратно документы дежурный. – Адрес какой?

– Садовая, пятьдесят семь, телефона нет, – рассеянно ответил я. Меня изрядно заняло сообщение дежурного, и мысли скакали как бешеные, анализируя преступление. Информации, конечно, мало, но кажется, я знаю, кто тут поработал. В это время девочками занимался только один маньяк. Жаль, раньше у меня руки до него не дошли.

– Записал, – отвлек меня от размышлений дежурный. – Хозяин кто?

– Я и есть хозяин. Приехал в Сочи не только как курортник, но и чтобы вступить в права.

– Купил?

– Нет, по дарственной.

– Родственник, что ли? – удивился дежурный. – Дорогой подарок.

– Да не... Помог одному старику-туберкулезнику, тот взял да через нотариуса подарил. Сам не ожидал. Думал, пустой участок. Проверил по своим каналам, говорят, с домом в приличном районе, недалеко от моря. Вот и приехал, хотя, конечно, вложиться придется, дом серьезно ремонтировать надо. Я уже нанял бригаду, работают. Хотя потом год буду отдавать всем родственникам, у кого занял. Ну, да ладно, зато дом свой.

– Повезло, – завистливо сказал дежурный.

– Это да, сам до сих пор поверить не могу... – я снова забарабанил пальцами. – Слушай, а еще что известно об этом происшествии с изнасилованием?

– Только то, что произошло это примерно часов в восемь утра, в это же время случайные курортники обнаружили тело, видимо спугнули убийцу... – Я кивнул, думая так же. – По словам свидетелей, тело девочки еще не остыло. Изнасилована и задушена. Это все, что я знаю.

– Хм, знаешь, я, кажется, о подобном слышал, но у этой девочки должны быть... – я быстро объяснил какие должны быть повреждения у погибшей, продолжая отбивать пальцами ритм по столешнице, и добавил: – Хотя, может, я и ошибаюсь. Ладно, давай. Если что, знаете, где меня найти, ближайшую неделю никуда уезжать я не собираюсь.

Пожав дежурному руку, я вышел из управления и с задумчивым видом направился домой, но на полпути потрянул головой – слишком мало информации, – и, весело насвистывая, направился дальше, а по пути зашел в магазин прикупить немного посуды и продуктов. А то Тамара Николаевна все запасы извела на обед.

Когда я вошел во двор, то понял, что бригада уже пообедала и продолжала работать. Согласно договоренности, они работали с утра до вечера без выходных. Я доплачивал не только за качество, но и за скорость работ. Тамара Николаевна, заметив меня, махнула рукой и начала наливать из одной из кастрюль в тарелку щей. Про меня не забыли и немного оставили. В саду был старый стол, на нем все и кушали, пообедал тут же и я, сдав старушке продукты, включая свежий хлеб, а также посуду, так как она принесла свою. Купил я десяток эмалированных

кружек – удачно попал, как раз привезли. Десять глубоких эмалированных мисок с рисунком, также десяток ложек, вилок, одну сковороду, чайник и пятилитровую кастрюлю. Пока хватит, если что – докуплю. Сам дом на предмет посуды был совершенно пуст, я, конечно, знал, куда всему имуществу сделали ноги, но не возмутился. Все равно бы выкинул и купил новое.

После обеда я сходил в дом, откуда строители вытаскивали старую мебель, оставляя только раковину с краном – их поменяют позже – и одну кровать, и переоделся в плавки, решив при любой возможности получать загар. Да и достаточно тренированным телом я тоже гордился и считал, что полученные потом и кровью результаты не стоит скрывать от других. Пусть любят, мне не жалко.

В это время меня окликнул один из строителей, пожилой дядька в измаранном цементом рабочем костюме:

– Хозяин, мы там, когда половик с кухни вытащили, крышку люка в подвал наши. Смотреть будешь?

– А как же.

Не успел я войти в дом, как меня окликнул другой строитель, с напарником разбирающий хлам в сарае и складывающий его у открытых створок ворот. Когда их открывали, они буквально развалились в руках.

– Хозяин, мы тут мотоцикл откопали. Вроде немецкий.

Мотоцикл заинтересовал меня больше, чем крышка люка, поэтому я поспешил в сарай. Зайдя в полутемное помещение, посмотрел, куда указывал рабочий. И действительно, под грудой трухлявых досок виднелся неплохо сохранившийся мотоцикл. Судя по эмблеме, он принадлежал к семейству БМВ.

– Он старым презентом был укрыт, мы стащили и увидели его, – пояснил строитель.

– Ага, уже понял. Значит, откопаете его – и к тем ценным вещам, что еще могут пригодиться. Смотрите внимательно, может, еще что попадется интересное. Сарай-то оказался с сюрпризом.

– Хорошо.

Пока смотрел мотоцикл, строители в доме уже открыли крышку люка, поэтому забежав внутрь, я достал из чемодана офицерский фонарик, выданный мне в управлении, и присоединился к ним.

– Это не подвал, – разочарованно сказал я, спустившись до нижней ступеньки довольно крепкой лестницы. – Обычный подпол... причем не большой, хоть и глубокий.

– Да, это глубокий подпол для хранения продуктов, – согласился рабочий, тоже заглядывая вниз. Я пока мало кого из них знал, кроме старшего Олега, еще не успели познакомиться.

– Ладно, продолжайте работать, тут, кроме десятка банок со старыми соленьями, ничего интересного не вижу. Хотя старик хитрый был, всю войну тут прожил, и похоже, что-то успел прибрать к рукам, вроде того мотоцикла, так что смотрите внимательней, вполне возможно, что и оружие где есть.

– Хорошо.

Оставив рабочим фонарик – один сразу полез вниз осматривать крепления пола, – я вышел во двор. Там раздавался шум машины, поэтому меня заинтересовало, что происходит, но оказалось, что пригнали грузовик, чтобы увезти скопившийся мусор. А то он уже начал мешать.

Когда машина уехала (я помогал грузить, немного замарался), через калитку, не спрашивая разрешения, вошел милиционер в звании старшины.

Направился он сразу ко мне, проигнорировав остальных.

– Добрый день, – поздоровался он. – Я ваш участковый, старшина Перепелкин. Мне бы хотелось познакомиться с новым жильцом и посмотреть ваши документы.

– Участковый? – озадачился я и внимательно его осмотрел.

– Да. Это мой район, – подтвердил милиционер.

«Проверка? Почему он появился почти сразу после того, как я посетил управление и дал свой адрес?» – быстро пронеслось у меня.

Решив подумать над этим позже, я подбил ногу старшины, взял на излом руку и в полусогнутом состоянии повел его под болезненное шипение к обеденному столу. Где, продолжая держать в захвате, под взглядом шокированных строителей – Тамара Николаевна ушла к себе, – быстро произвел обыск, достав из кармана удостоверение, разную мелочь, а из кобуры ТТ. После чего пристегнул его же собственными наручниками к ножке стола.

Присев на один из стульев, я закинул ногу на ногу и, открыв удостоверение, спросил:

– Ну и кто же ты такой? Что-то мне кажется, что за сутки ты не мог быть разжалован из старших лейтенантов в старшины и не мог сменить фамилию с Митрохина на Перепелкина... Да-да, я знаю, кто у меня участковый и видел его фото на доске почета в райотделе. Так как? Будем говорить, или мне сходить к строителям за инструментом? Обухом по колену, поверь – это очень больно.

– Парень, ты понял, что творишь? Ты напал на сотрудника милиции при исполнении! – наконец пришел в себя старшина. – Ты понимаешь, что тебя ждет?

– Да ничего мне не будет, – отмахнулся я. – Я в своем праве.

В это время у калитки, скрипнув тормозами, остановилась черная служебная «Волга». Саму машину не было видно, но я определил это по видневшимся над забором краешку крыши и антенне. Почти сразу же захлопали двери, и в открытую строителями калитку вошли три офицера в штатском.

Заметив мой приглашающий взмах рукой, все трое направились к нам. Чем ближе они подходили, тем удивленнее становились, разглядывая пристегнутого старшину, оружие и фуражку на столе.

Встав, несмотря на то что был в одних плавках и шлепках на босу ногу, коротко поприветствовал их кивком.

– Майор Серебряный, – показал удостоверение старший из неизвестных, не сообщая свою ведомственную принадлежность. – Что тут происходит?

– Только не говорите мне, что это не вы его подослали для проверки. Он появился почти сразу, как я пришел из управления.

– Это не наш человек, – коротко ответил майор.

– Да? – я заинтересованно обернулся к милиционеру. – Значит, к нему можно применять спецсредства для допроса.

Тот побледнел, пытаясь понять, в какой ситуации очутился, кто я такой и что же это за спецсредства для допроса такие.

– Мы можем поговорить наедине? – спросил майор.

– Да, конечно, давайте пройдем в дом.

Строителей, что начинали в одной из спален снимать доски пола, я отправил помогать тем, что работали в сарае, и указал на единственную мебель:

– Присаживайтесь.

С сомнением посмотрев на не застеленную кровать, все трое остались стоять.

– Откуда ты узнал? – сразу взял быка за рога майор. – Внутренние повреждения совпадают, правильные конфигурации синяков тоже. И еще я связался с экспертом. Тот осмотрел волосы девочки и подтвердил, что есть свежий срез.

– Можно еще раз посмотреть ваши документы? – попросил я.

Документы были в порядке. Майор был майором, а спутники были в званиях старших лейтенантов нашей службы.

– Ну так как? – нетерпеливо спросил майор.

– На Брянщине в разных районах было обнаружено три тела, все схожи один в один. Думаю, ваш нелюдь – курортник с Брянщины.

– Думаешь, у него это не в первый раз? – как-то сразу постарел майор и устало сел на кровать.

– Думаю, даже не десятая. Это серия, – видя непонимание офицеров, я сказал: – Объяснить трудно, в двух словах не получится. Но у меня есть кое-что для прояснения создавшейся ситуации... Позвольте?

Присев, я вытащил из-под кровати чемодан и ключом открыл его. Майор только дернул щекой, увидев кобуру с пистолетом, но ничего не сказал, видимо, был в курсе, что в моем случае иметь на отдыхе оружие – это нормально. Наверняка пробил меня, связавшись с Москвой и Киевом.

Достав папку, я развязал завязки и, взяв стопку листов, протянул их майору.

– Это доклад на имя председателя КГБ СССР Семичастного. Только для служебного пользования. Выносить из дома запрещено, так что читайте тут, потом уберу обратно. Вы пока ознакомьтесь, а я узнаю, кто подослал этого старшину.

Майор взял листы и начал читать, только спросил рассеянно:

– Помощь нужна?

– Сам справлюсь, товарищ майор.

– Не переборщи.

– Припугну только.

Через двадцать минут, когда я вернулся обратно, вытирая на ходу мокрые руки полотенцем, офицеры, передавая друг другу листы, уже почти закончили читать.

– Ну и почерк у тебя, – мельком глянув на меня, сказал майор.

– Учительница разбирала, – пожал я плечами.

– Что там с участковым? Выяснилось?

– Да, он оказалось племянником соседки. Та была недовольна, что левый источник дохода накрылся... удивительно жадная до денег старушка. Вот и подослала родственника проверить меня. Не липовый ли владелец. А так он действительно участковый, только соседнего района.

– Не сильно пострадал? – спросил майор, передавая последний листок одному из своих подчиненных.

– Если только штаны, – хмыкнул я, повесив полотенце на натянутую в комнате веревку. – Попугал да выгнал.

– Тут не все, только предыстория появления этих... маньяков, основные привычки и предложение создать отдельную следственную группу для их поимки. Нет указаний способов поиска, ничего нет.

– Так я только начал писать, главное, чтобы вы ухватили суть и поняли, что вас ждет. Сейчас все эти маньяки всплывают эпизодически, но вот когда подрастут, их будет больше. Эхо войны.

– Это у тебя написано, – отмахнулся майор. – Понимаешь, у нас ничего нет. Ни одной зацепки. Совсем. Единственный, кто хоть что-то понимает во всем этом – это ты. Так что давай собирайся, я включаю тебя в следственную группу.

– Вы в курсе, что не можете меня привлечь к работе без разрешения моего прямого начальника, подполковника Вихря? А он такое сто процентов не даст, у нас разные управления.

– Ты отказываешься? – жестко посмотрев на меня, спросил майор.

– Могу помочь, если только неофициально, – поднял я руки, – в частном порядке.

– Хорошо. Что ты предлагаешь?

– Во-первых, мне нужно осмотреть место преступления. Во-вторых, тело убитой. В-третьих, узнать, какие идут следственные мероприятия по поимке преступника.

– С первыми двумя не проблема, машина на улице, с третьим могу сказать, что усилены патрули. Опрашивают всех, кто проживает по соседству. Участковые ходят по домам. На вокзалах, аэропорту и дорогах усиленные посты. К работе по поиску убийцы привлекли также нас. Сам понимаешь, в таком деле нужно оказать помощь милиции.

Слушая майора, я убрал папку обратно и переоделся в легкую светлую одежду. Заперев чемодан, убрал его обратно под кровать.

– Документы такой важности не стоит хранить так попросту. Лучше я выделю тебе отдельно сейф в управлении, там и будешь держать папку и при необходимости делать записи, – предложил майор.

– Хорошая идея, – кивнул я, застегивая ремень. – Я подумаю... Теперь по городу. Усиленные патрули на улицах отмените, они могут испугнуть нелюдя, он сейчас и так на нервах.

– Думаешь, он еще в городе?

– Уверен... На вокзалах, дорогах и в аэропорту пусть останется все по-прежнему. Но вот в городе не нужно напрягать обстановку. Пусть все идет своим чередом... Ну что, едем?

Мы вышли из дома, я предупредил строителей, что до вечера буду отсутствовать, и попросил без меня не расходиться, чтобы принять сделанную за сегодня работу, после чего сел в «Волгу», и мы поехали к месту преступления.

Осмотр заставил меня задуматься, потом мы поехали в судебно-медицинскую экспертизу, где я осмотрел тело девочки, спокойно слушая доклад эксперта.

– Да, это его работа, – продолжая пребывать в задумчивости, сказал я присутствующим, потом притронулся к разбитой губе девочки и осмотрел синяк на половину лица. – А вот это на него не похоже. Нелюдь у нас аккуратист.

– Может, все-таки не он? – майор, подошел ближе и, тяжело покачиваясь, глядел на тело девочки. В его взгляде было бешенство – видимо, переживает, что жизнь ребенка прервали, да еще таким способом. Мне тоже было не по себе. Но я этого не показывал.

– Да нет, точно он, – я отошел от стола с телом убитой и стал расхаживать из угла в угол, бросая взгляды на тело погибшей. Все присутствующие даже затаили дыхание, давая мне возможность подумать. Я чувствовал, что ответ витал буквально на поверхности, пока не ухватил за ниточку и не потянул.

Замерев, я резко повернулся на каблучках ботинок и, подойдя вплотную, слегка наклонился над телом, разглядывая лицо.

– Она его разозлила.

Майор был классным оперативником, поэтому ухватил суть мгновенно.

– Укус?

– Да. Причем очень сильный, раз он не сдержался и сработал грубо... Хм, губа, щека, подбородок... вряд ли, рост не позволяет. Возможно, грудная мышца, но я больше склоняюсь к руке. Возможно, даже ладонь, – замерев на миг, я продолжил размышлять вслух дальше: – Он еще здесь, но ему надо прятать укус, если мы с этим угадали. Значит, или повязка, или рубаха с длинными рукавами, что вероятнее. Место преступления хоть и скрытое для глаза, но для изнасилования не очень подходит, тропинка рядом. Так что произошло это, скорее всего, случайно, спонтанно, когда он встретил одиноко идущую жертву и не сдержал инстинктов. Да и родители это подтверждали, что редко оставляли ее одну, значит, он ее не выслеживал... Мне нужна карта города.

– Принеси, – велел майор одному из своих подчиненных. Тот сбегал в машину и принес карту.

– Он находится в этом районе, – очертил я круг, в который попал и мой дом. – По домам ходить смысла нет, испугнем. Проще поставить сотрудников в штатском у всех магазинов, почты или кинотеатров. Нелюдь, скорее всего, парень до двадцати пяти, в рубашке с длинными рукавами. Сегодня он вряд ли выйдет, но завтра-послезавтра взвонит от скуки и может сходить в

магазин или погулять, чтобы развеяться. Братъ советую, когда он вернется, чтобы узнать место жительства. Ну, там сами разберетесь.

– Придется милицию привлечь, всем нам не охватить этот район, – сказал майор, изучая карту.

– Можно даже проще поступить. Поставить сотрудников на всех перекрестках, тогда его точно засекут. На улицах мало кто ходит в куртках или рубашках, а он не старик. Увидите такого – сразу на заметку.

– Это все?

– Всем, чем мог, помог, а сейчас извините, вернусь к себе. Не хотелось бы светиться перед соседями, где работаю, хотя намек им и дал. Моей помощи вам уже не потребуется, тут вы сами справитесь, опыта, думаю, хватит. Могу только посоветовать сразу после взятия колоты его на брянские жертвы. Он психопат, такие боли боятся, вполне может расколоться при физическом воздействии. Ну, и еще одна улика – большой размер средства преступления. На это разрывы у всех жертв указывают.

Я решил сдать маньяка и не брать его самому, хотя очень хотелось. Мне нужно было зарабатывать баллы для службы. В будущем это пригодится, нужно уметь быть полезным. Обязательно укажу в докладе про этот случай как доказательство «моей теории».

– Я смотрю, ты особо не переживаешь о случившемся. Как-то спокойно реагировал и осматривал погибшую, – сказал майор, когда мы выходили. В коридоре сидела заплаканная молодая женщина, которую обнимал крупный мужчина. Видимо, родители жертвы.

– Я стараюсь держать себя в руках. У меня сестры чуть младше жертвы, как представлю, что и с ними такое может случиться, аж трясет всего, – пояснил я, нахмурившись. Соврал не сильно.

В выходные ничего не происходило. В понедельник часам к десяти приходил участковый, мы с ним попили чайку, познакомились, нормальный степенный мужик. Про случай со старшиной мы оба тактично умолчали. Перед уходом участковый записал номера с рамы мотоцикла и движка и посоветовал зарегистрировать его побыстрее. После этого выдал справку, что мотоцикл не краденый (в смысле найденный).

К обеду, когда строители закончили вкапывать быки для будущей веранды, как раз привезли брусья для скелета веранды, у калитки остановилась знакомая черная «Волга».

Вошедший во двор майор поискал меня глазами. Найдя у сарая, направился ко мне, обходя кучи строительного мусора и песка.

– Решил восстановить? – спросил он, разглядывая полуразобранный мотоцикл. Вытерев замызганной тряпкой ладони от машинного масла, я пожал ему руку.

– Да. Техника, на вид, сохранилась неплохо, тем более это легкий одиночка. Такие использовали как посыльные в пехотных дивизиях вермахта. Вон, даже номер сохранился. С запчастями немного проблема, но кое-что смог достать на рынке, есть еще энтузиасты. Уже приходили смотреть, помогли кое-чем. Кстати, они же узнали, откуда он тут взялся.

– Да, откуда он, фронта-то здесь не было? – заинтересовался майор.

– Трофей, числился за комендатурой. Его угнали осенью сорок четвертого от квартиры командира комендантского взвода. Те его списали, так что проблем не будет. Участковый обещал пробить и помочь зарегистрировать.

– Понятно. Оружие не находили?

– Был обрез винтовки Мосина с боезапасом, нашли в подполе дома, рабочий, кстати. Участковый оформил и забрал.

– Отойдем, поговорим.

– Хорошо. В доме полов и окон уже нет, давайте пройдем в сад, там как раз столяр срубил новый стол и скамейки. Только утром привез, поставил... – Когда мы уселись в тени деревьев, я сразу спросил: – Нашли, я так понимаю?

– Нашли, – кинул майор. – Два часа назад взяли. Прошел на перекрестках улиц через трех моих сотрудников. Так что к дому привел немалый хвост. Потом задержали, заставили снять рубашку. Мы не ошиблись, укус был.

– Где?

– Чуть ниже локтя. Эксперт уже осмотрел, укус детский. Хотя сам он сказал матери, что его укусила собака. Локон нашли в чемодане, цвет совпадает с цветом волос погибшей. Кстати, знаешь, где они с матерью снимали комнату?

– Нет.

– Садовая, пятьдесят пять, – ответил майор, пристально следя за моей реакцией.

Я на миг задумался, потом повернулся в сторону соседнего дома, посмотрел на майора, потом опять на соседний дом и удивленно спросил, ткнув в тот большим пальцем:

– У Тамары Николаевны?!

– Да. Брали недавно.

– Это, наверное, когда я к столяру ездил за садовой мебелью... М-да. Бывает же такое. Успел что сказать?

– Да. Сразу полилось, успевай только записывать.

– Последняя девочка какая по счету? – тихо спросил я, глядя на новенькую столешницу и ковыряя ногтем зашкуренный сучок.

– Шестнадцатая, – так же тихо ответил майор.

– Нелюдь он и есть нелюдь! – зло хлопнул я ладонью по столу.

Я сам был не подарком, но это уже совсем край. Дети для меня святое, я их никогда не трогал, поэтому когда ловил подобных выродков, мучил с особым остервенением, повторяя раз за разом, за что отпускаю им грехи.

«Нет, надо будет активизировать работу по этим ублюдкам. Сколько сейчас активно работает? По-моему, осталось трое, значит, займемся ими в первую очередь. Каждая их жертва на моей совести!» – подумал я. Проблемой было только то, что ближайшие регионы я подчистил. Остались те, кто жил достаточно далеко, чтобы я незаметно для конторы наведалься в эти города, вот и приходится доказывать свою полезность, чтобы меня включили в следственную группу, если ее, конечно, создадут. Планы стать спецом по отлову маньяков у меня были на первом месте.

Если бы я знал, что Валера Ткач, а тут работал именно он, кроме Брянщины повеселился еще и на курорте, я бы его, конечно, перехватил, и девочка осталась бы жива. Но, к сожалению, этой информации в моем архиве не было. Видимо, когда его задержали в семьдесят третьем году, он утаил про этот факт... Или его не было, и я уже начал менять историю. Я слишком расслабился, следующая жертва у Ткача должна была попасться в сентябре, когда шла с первого школьного звонка. Я думал, успею, оказалось, что нет.

– Начальство уже доложило в Москву, дошло до самого товарища Хрущева. Реакция последовала неоднозначная. Следствие вести в закрытом режиме, до общественности не доводить. Суд будет закрытым.

– Ну, это понятно. Я даже догадываюсь, какое будет решение суда по приговору.

– Кстати, откуда ты узнал про «Брянского мясника»? Ведь ты, кроме Киева и Москвы, нигде не был.

– Что, уже пробили, да?

– Работа такая, – слегка развел сложенные перед собой руки майор.

– В Киеве я работал с архивами. Это дало мне возможность проанализировать и разобрать систему действий некоторых маньяков, начиная с царских времен. В Москве посмотрел сводки за последний год.

– В Киеве это так, в архиве ты бывал часто. Но вот в Москве в архиве ты пробыл всего полтора часа...

– И смог определить, что убийства в разных районах совершил один человек, а там до сих пор работают разные следователи. Соединить в одно дело ума-то не хватило.

– И много ты подобных обнаружил? – криво усмехнулся майор.

– Двое, Тюрин и Лабуткин, действовали в окрестностях Ленинграда. Оба были расстреляны по приговору суда. Из действующих тоже двух. Времени было мало на анализ, работал по тем, кто оставил заметные следы. Одного вы сегодня задержали, второй действует в Москве. Там две жертвы с одинаковыми травмами. Похоже на серию, но надо перепроверить, может, я ошибаюсь.

– Хм, понятно.

Мы с майором еще немного поговорили, я пообещал зайти к нему, когда приду в управление, решив все-таки держать доклад в сейфе и по мере надобности дополнять его. Майор прав. Не стоит держать подобное так безответственно. Любой же украсть может... если прорвется мимо меня.

Проводив майора до машины, я вернулся к восстановлению мотоцикла. Скоро должны привезти резину для него, и можно будет собирать. Двигок я уже перебрал и почистил. Бензин и масло тоже были в наличии, только бы глушитель на замену найти. Неохота грохотать выхлопом на полгорода и пугать курортников.

После обеда я сходил в управление, где за мной закрепили сейф, поговорил с Серебряным, потом прогулялся и переоформил воду на себя, став потребителем. Как и за свет, пришлось выплатить долг. Оставалось зайти в жилконтору и забрать новую домовую книгу, – сделаю это завтра, все равно на почту собирался.

Во вторник, двадцать шестого июня, я сходил на почту отправить телеграмму родителям, что со мной все в порядке. Отдыхаю. Также сообщил, что приеду с курорта ориентировочно шестнадцатого – семнадцатого августа, то есть через полтора месяца. Благо отпуск у меня был гибкий: с учетом возраста я взял два месяца неоплаченного отпуска на службе.

После почты доехал на автобусе до ближайшей остановки у жилконторы, после чего, дав еще одну кондитерскую взятку, забрал новенькую домовую книгу. Все, с этой минуты оформление дома закончилось, осталось только довести ремонт до конца, и на этом всё. По дороге назад докупил продуктов на неделю вперед, вернулся домой.

Дальше потянулись однообразные, но интересные дни. Утром на пляж на часок – искупаться, потом наблюдение за рабочими, в некоторых местах помогал, если надо грузить что тяжелое. Вечером перед сном снова купание в теплой морской водичке, и обратно домой, где принимал работу строителей за день и выпроваживал их по домам. Спать забирался в четырехместную палатку, стоявшую в глубине сада. Купил я ее по благу, хотя этот благодать о том и не подозревал. С учетом того, что в доме без полов жить было невозможно, я купил новенькую туристическую палатку в специализированном магазине. Двухместные разобрали во время прошлого наплыва «дикарей», так что брал, что было.

Сделать это было не трудно, хотя на полках они и не лежали. Обычно как продавали подобный товар? Подходишь к черному входу магазина, стучишься в дверь и говоришь заветные слова, что-то вроде: «Я от Эммануила Геденовича», – и подмигиваешь со смыслом.

Вот и в этом магазине дефицит можно было купить по благу. Естественно, я узнал об этом быстро. Выяснив имя и фамилию начальника торговли города Сочи, узнал, что замначальника

год назад купил новенькую «Волгу», – и использовал его как ширму, сказав продавцу, что от него. Мне продали все, что требовалось, без вопроса, хоть и пришлось накинуть чирик сверху.

В четверг пришла ответная телеграмма, о чем меня уведомила почтальонша, принеся ее. Это был ответ родителей, что они за меня рады и просят отдохнуть и за них. Подумав, я решил, что с окончанием ремонта можно вызвать и их. Если кто из родителей не сможет отпроситься с работы, то хоть брата и сестер привезут. Вот им сюрприз будет, про дом они ничего не знают, так что моя ложь была на грани, а так все равно их вводить в курс дела.

Сестры, наверное, уже вернулись из той неприятной мне поездки, и возможно, скучали дома.

В пятницу мне надоело, что курортники, которые бродят по улице вниз или вверх, могут заглядывать ко мне во двор, что они с детским любопытством и делали. Дождавшись дядьки Анвара – он изредка приезжал с инспекцией и давал команды, что делать в следующую очередь, – поговорил с ним. От чего он зачесал затылок, и в воскресенье у меня во дворе образовалась еще куча диких камней, кучи насыпанного цемента и песка. Хоть и пришлось выслушать его недовольство из-за ворот. Ведь их сколачивали по старым размерам и уже успели привезти, они стояли прислоненными с внутренней стороны. Теперь если их повесить, то получается несимметрично. Но я смог договориться, и ворота увезли на переделку, будут поднимать высоту створок. Хотя это все, конечно, и ударило по карману, но я настоял на своем. Также решили заменить и увеличить по высоте калитку. Мерки сняли, скоро привезут, а пока старая стояла на месте.

В общем, к четверым наличным строителям присоединилось двое каменщиков, которые начали поднимать высоту забора со стороны улицы на тридцать сантиметров, со стороны соседей высота меня устраивала. Один укладывал, другой мешал раствор в корыте, работали они, как и другие, довольно продуктивно.

В понедельник второго июля большая часть работ была сделана. Забор поднят на нужную высоту, каменщики уже получили плату и уехали. В доме появился пол, в большей части окон – рамы, но пока без стекол. Появился скелет веранды, уже обшитый деревянными рейками высотой мне по пояс, но еще не привезли рамы для нее. Также железом был удлинен крыша, чтобы покрывала веранду.

В доме сильно пахло краской, так как были окрашены потолок и стены белым, а пол – коричневым. Пока, конечно, первым слоем, планировалось это сделать трижды, но главное – начало. Раньше комнаты дома были непонятно как покрашены: видимо, что было в наличии, тем и красили.

Сейчас маляр из бригады дядьки Анвара шуршал на крыше со страховкой на поясе. При чем шуршал реально, так как мне не понравилось, что краска, ранее покрывавшая крышу, в некоторых местах успела облезть и начать шелушиться, вот маляр и сдирал старую краску железным скребком и щеткой, подготавливая себе поле для покраски. Крышу я решил красить в темно-зеленый цвет. Также он развел известку в привезенной бочке, давая ей бродить. Скоро займется покраской дома. Тем более строители сбили часть штукатурки, где она была повреждена или пошла трещинами, и навели новую.

Туалет снесли, а яму закопали, но к этому времени рядом, в паре метров, уже стоял новый деревянный «скворечник» с трехметровой глубины ямой. Так же и с летней кухней. Правда, Тамара Николаевна, которая в последнее время вела себя тише воды ниже травы, готовила у себя, принося еду ко мне во двор в кастрюлях. В общем, за два дня летняя кухня была разрушена и построена новая. Ей даже высохнуть дали, потом Тамара Николаевна начала на ней готовить, уча заодно меня, да еще успевала хвалить новую кухню. Более чем уверен, что скоро такая же появится и у нее (видел, как она общалась с мастером).

Раньше еще был колодец. Но он обвалился, и старый хозяин, закопав яму, посадил на этом месте малину. Малина и сейчас росла, но уже одичала. Я ее собирался вырубать. Канали-

зация была проведена с умом, рядом с забором выкопана яма и туда отведена труба из кухни. Я пока оставил все как есть.

Еще строители в последний момент сделали летний душ в углу участка слева от ворот. Сверху бак литров на сто, к нему подведен шланг, можно мыться нагретой на солнце водой. Обшита душевая строительным непрозрачным заграничным пластиком. В общем, можно сказать, вечная вещь. Я душем часто пользовался. Слив из душа уходил в ту же яму с канализацией, она находилась метрах в трех.

Прикомандированный печник, что занимался летней кухней, осмотрел обе печки в доме и сделал вывод, что они в отличном состоянии, хотя дымоходы от сажи и почистил. Особенно на кухне, да еще поправил заслонку, а так ремонта в доме он не проводил.

Работы строителям еще было дней на пять, поэтому отозвав старшего Олега, предупредил, что хочу проехаться по побережью и осмотреть окрестности. В общем, два – три дня меня не будет. Тот кивнул, принимая эту новость. Вопросов ко мне у них не было, так как основная работа была сделана и близилась к завершению.

Чемодан я оставил в палатке, так как ничего ценного там не было, оружие я держал в сейфе вместе с заметно потолстевшей за эти дни папкой доклада, а документы у меня были в кармане.

На следующий день, после десяти часов утра, прихватив купленный в том же туристическом магазине рюкзак с бельем и другими вещами путешественника, я прогулочным шагом направился в сторону управления. Там предупредив дежурного, что собираюсь осмотреть окрестности диким туристом и эти ближайшие три дня меня будет не найти, отправился в сторону автовокзала, где еще дня два назад купил билет до Невинномысска. Отбывал автобус ровно в одиннадцать, так что я успел занять свое место и дожждаться отправки.

Рюкзак был набит, так что едва застегивался, так как кроме личных вещей в нем были средства производства. Один из строителей, получив новую робу, отдал мне старую, измаранную. Кроме этого были и другие нужные вещи.

В общем, я ехал к Сливко, к ближайшему от меня в будущем маньяку. Пора закончить с этим делом и спокойно отдохнуть, а то мысли, что этот пока еще добропорядочный гражданин все еще топчет землю, после случая с девочкой, все чаще и чаще приходили ко мне, не давая спокойно отдохнуть. Тем более время для этого подошло. Только одно по-настоящему беспокоило меня: жажды крови я так и не чувствовал. Мне это очень не нравилось, было такое впечатление, как будто я лишился части тела. Неприятные ощущения. Надеюсь, Сливко поможет мне вернуть это чувство.

Вечером, часам к шести мы подъехали к конечному маршруту. Я доехал до самого автовокзала, большая часть пассажиров сошла на разных улицах города. Покинув салон автобуса, я узнал, где тут ближайшая гостиница, и направился к ней.

– Молодой человек, я вам третий раз повторяю: одноместных номеров нет, только одна свободная койка в двухместном. У нас командировочные на постое, все занято. Будете брать? – спросила женщина-портье.

Соседа мне было не нужно. А сразу купить весь номер мне не давал опер, что сидел внутри. Это был след.

– Нет, спасибо.

Выйдя на улицу, я направился в сторону автовокзала, нужно найти, кто сдает комнаты. Обращался я к пожилым людям. Они обычно в курсе всего, вот третья по счету бойкая старушка и подсказала мне адрес, где можно было снять комнату, причем с отдельным входом. Что мне и было надо. Найдя по ее пояснениям нужный дом-барак с десятью крыльцами с разных сторон, постучался в нужную дверь. В общем, комната мне понравилась, и я уплатил за три дня и начал устраиваться.

На следующий день я приступил к поискам дома Сливко. Нашел быстро, после этого, вычислив удобное место, наблюдал за ним, используя бинокль, купленный вместе с палаткой и рюкзаком. Интересующий меня Анатолий Емельянович Сливко жил на Дальнем Востоке, но согласно справке, что была в моем архиве еще той жизни, он приезжал погостить к родителям в шестидесятом втором году на девять дней. Приехать он должен был три дня назад. Вот сейчас и узнаем, правда это или нет.

За полдня наблюдения я уже знал в лицо всех Сливко: отца, мать и старшего брата. Сам, можно сказать, клиент пришел после обеда с удочками в руках и с недовольным видом. Именно так я понял его мимику. Или не понравилось, или мало наловил.

Это был невысокий сухощавый парень лет двадцати пяти, довольно молодой и приятной наружности. После этого оставив место наблюдения, я направился присмотреть место, где будущий серийный маньяк и убийца получит по заслугам, но вдруг дверь соседнего дома открылась, и выглянул молодой парень:

- Толя, ты на танцы вечером идешь?
- Конечно.
- Тогда без меня не уходи, вместе пойдем.
- Ладно.

Улыбнувшись, я покачал головой и зашагал дальше, размышляя на ходу. Мне нужен был лес, причем такое тихое место, чтобы нас никто не побеспокоил пару часов. Лес в окрестностях Невинномысска был, но он не сильно устраивал меня.

Пришлось обдумывать и решать, что делать. По пути к городу, когда я ехал на автобусе, то видел густой лес, он идеально подходил для меня. К тому же рядом не было населенных пунктов, я, по крайней мере, не видел. Пройдясь прогулочным шагом до киоска, где продавали газеты, купил атлас автомобилиста и почти сразу нашел нужный лесной массив. На карте он выделялся крохотной зеленой точкой. Но мне должно хватить, по карте населенных пунктов рядом действительно не было. План по похищению Сливко начал формироваться у меня в голове. Что ж, пора действовать.

Вернувшись к хозяйке, где снимал комнату, сообщил ей, что, к сожалению, получил плохие известия из дома и вынужден уехать. Прихватив рюкзак, я вышел из дома и направился к нужной «сталинке». Рядом с ней находились гаражи, и я сам видел, как в один из них молодой хозяин загонял зеленый горбатый «запорожец». Покрутив головой, убедился, что никого нет, только через два гаража один был открыт, и оттуда слышалось бормотание радио, но больше никого не было. Подойдя к нужному гаражу, я с помощью отмычек открыл замок и, распахнув створки, зашел внутрь. Ключи находились в замке зажигания, машины была не заперта. Поэтому закинув рюкзак на заднее сиденье, завел ее и выехал наружу. Из гаража, где бормотало радио, так никто и не вышел. Потом я закрыл створки, снова подвесил замок, запер его, выехал с территории гаражей и поехал к нужному дому.

Город был достаточно плотно засажен зеленью, поэтому ехал я неторопливо, любуясь окрестностями. До темноты оставалось немного, меньше часа, поэтому пока я оставил машину в присмотренном глухом тупичке. Причем так, чтобы было удобно грузить тело в багажник. Я направился к дому Сливко. Нужно осторожно выманить нужного индивидуума и погрузить его в машину, и все это без свидетелей.

Дом, где жили Сливко, не очень подходил для захвата, так как находился на перекрестке и был виден со всех сторон. Внимания привлекать не хотелось. Поэтому оставалось только ждать.

Еще не стемнело, когда Анатолий вышел на улицу. Одет он был довольно прилично. Постучавшись в дверь соседнего дома и дождавшись соседа, он вместе с ним направился по улице в сторону реки.

Вернувшись за машиной, я на расстоянии последовал за ними. Это было проблемой. Так как личных машин было мало, то я на своем «запорожце» привлекал внимание, а это мне очень не нравилось.

Дисотека не дискотека, а вполне большая танцевальная площадка присутствовала. Там танцевали парочки и одиночки.

Было видно, что Сливко чурается всего этого, да и по описанию он не любил крупные компании. Стоял он чуть в стороне, наблюдая за танцующими. Но сам никого на площадку не выводил.

Машину я оставил метрах в двухстах, ближе никак, улица была хорошо освещена. Пришлось два ближайших фонаря разбить камнями, чтобы была нужная ночная обстановка.

Наконец я дождался, когда Сливко не выдержал и, махнув рукой, направился домой. Подкараулив за деревом, я выскочил и двумя прыжками настиг его и нанес удар сцепленными руками по затылку. Тот, не издав ни звука, рухнул как подкошенный.

Дальше случилась неприятность, с танцевальной площадки отделилась крупная компания ребят и девушек, человек шесть точно, и под смех и прибаутки направились в нашу сторону. И хотя было достаточно темно, но луна и звезды позволяли рассмотреть, что находится вокруг, поэтому единственное, что я успел сделать – это схватить Сливко за руку и увлечь за то дерево, где прятался, благо там была низинка, можно сказать ямка, и он благополучно в ней спрятался. Я же этого сделать не успел, пришлось облокотиться о дерево и сделать независимый вид, надеясь, что они не смогут разглядеть мое лицо.

В тот момент, когда компания проходила мимо, судя по движениям головы, поглядывая на меня, произошло неожиданное.

– Пу-у-у-ук! – раздалось сзади.

Компания остановилась, с изумлением повернувшись в мою сторону. Послышались смущенные девичьи хихиканья.

С секундным замедлением, после размышления, я схватился за живот и согнулся. А что было делать, не говорить же, что это не я?

«Ну, сука, меня еще никто так не подставлял», – зло подумал я.

В это время туловище сзади выдало целую какофонию неприличных звуков. Я достаточно свободных нравов парень, и смутить меня было очень трудно, но тут даже я не знал, куда себя деть. Наверное, я в первый раз осознал, что это такое – незнакомое ранее чувство под названием стыд.

Некоторые начали махать руками у лица, как будто до них донесся запах, и со смехом направились дальше. Как только никого рядом не осталось, я развернулся на каблуках и хорошенько врезал носком ботинка под ребра Сливко, вызвав выход новой порции музыкальных газов.

– Тьфу, – только и сплюнул я, махнув рукой. Нести пахучего маньяка до машины мне резко расхотелось, поэтому, достав из кармана кусок веревки и тряпку, присел на корточки и связал ему руки сзади, вставив кляп. Оставив его в этой низине, сбегал за машиной – она стояла за ближайшим перекрестком на соседней улице – и, подогнав ее к месту закладки, выключил фары и открыл небольшой багажник спереди. Выкинув запасное колесо, я компактно уложил маньяка и с трудом закрыл капот.

– Надо было другую машину угонять, – тяжело дыша, пробормотал я, вытирая пот со лба. В это время капот внезапно открылся, и показалась нога. – Тьфу.

Еще немного помучившись, я выехал из города вполне благополучно, да и проехал следующие сто километров тоже нормально, хотя к концу появился стук спереди.

– Очнулся, голубчик, – хмыкнул я. – Интересно, чем он там стучит, головой?

Была хоть и ночь, но после указателя я свернул на полевою дорогу, зная, что тут должен быть лес. Я не ошибся. Когда появились деревья, то проехал чуть в глубь леса и загнал машину

подальше за деревья. После чего заглушил мотор и выбрался наружу, прислушался. Было тихо. Не успокоившись, я пробежался вокруг. Лес был пуст. Дальше действовал быстро. Достал из багажника Сливко и, включив ближний свет, стал приготавливаться.

Сам Сливко только мычал, большими глазами наблюдая, как я переоделся в робу и готовлю инструменты.

– У тебя, конечно, появились вопросы, что происходит, так я отвечу тебе, – проверив, как ходит петля, сказал я. – Сейчас будет свершаться правосудие. Ты можешь сказать, что ничего не совершал, это так, но поясню. Наказание будет не за то, что ты совершил, а за то, что ты еще не совершил...

...Когда рассвело, яма была готова. За это время чуть живой Сливко дважды пытался бежать. В последний раз, связанный по рукам и ногам, извиваясь как червяк, он отполз аж на три метра.

Всю землю я кидал на брезент, чтобы не оставлять следов, а срезанный дерн укладывал штабелем. Уложив Сливко в могилу, бросил туда же средства производства, включая веревку с петлей. Я посмотрел в его глаза и сказал:

– Да воздастся тебе за все, что ты не совершал, но совершил бы, – после чего стал кидать землю вниз, хороня его заживо.

Сидя в открытом дверном проеме машины, я растерянно смотрел на могилу. Волны не было... опять.

Думаю, стоит пояснить, что такое эта волна. В сверхъестественное я не верю, будучи материалистом, но данный факт вынужден был признать. После смерти очередного нелюдя от него в меня шла такая эманация, что однажды я смог сделать двойное сальто назад, пребывая на пике получения волны. Другой раз в момент смерти нелюдя я взял у себя пробы крови и отдал на неофициальные исследования профессиональному химику, что жил в моем доме на два этажа ниже. У того был шок: мало того что адреналина в крови оказалась смертельная доза, превышающая норму в тринадцать раз, да там еще много чего было намешано. Тот связался со своим коллегой из мединститута, и после совместных исследований они уверенно заявили: жить с таким букетом в крови было не реально, должны были отказать все органы. Но я жил, и хотя эйфория через пару часов после смерти очередного маньяка проходила, никаких последствий у меня не было. Еще был один примечательный случай: при захвате предпоследнего маньяка я получил порез, так он после волны зажил у меня за два часа, даже следа не осталось, хотя кровило изрядно.

В данном случае никаких волн от всех трех убитых в этом теле маньяков я не получал, вот такая беда... Да какая беда?! Это катастрофа!

Да что там говорить, удовольствия от возмездий тоже не было, удовлетворение работой – это да, но никакого удовольствия.

«Это что же, произошло излечение с перемещением меня в это тело? Но почему? Мне нравилось на них охотиться!» – мысленно возмутился я. После короткого обдумывания, вздохнув, я решил теперь не убивать их лично, а при возможности сдавать органам – это будет мне в плюс. Может, со временем стану легендарным впоследствии опером, охотником за монстрами.

– Похоже, ты у меня последний, – с сожалением вздохнул я, глядя на могилу, и стал собираться.

После укладки дерна и маскировки могилы, я отнес лишнюю землю подальше и разбросал ее в лесу, после этого сел в машину и, выехав на трассу, направился в сторону Сочи. Проехал недолго, не хотелось палиться. Пока еще не встретил сотрудников ГАИ, но они вполне могли получить ориентировку на машину, поэтому как только сбоку сверкнула гладь озера, повернул к ней.

Искупавшись, нашел место поглубже и столкнул «запорожец», после чего завернул монтировку в робу и бросил ее следом. Булькнув, ком робы ушел под воду. Одевшись в повседневную одежду, я вернулся на дорогу, и через двадцать минут с попутной машиной направился в сторону ближайшего городка. Оттуда на автобусе я вернулся в Сочи и к вечеру уже был дома.

* * *

Выйдя из вагона в компании таких же дочерна загорелых курортников на вокзале Москвы, я поправил ремень чехла гитары и направился в сторону стоянки такси, протискиваясь между группками встречающих и прибывших.

К сожалению, я немного припозднился, и такси разобрали более ушлые пассажиры поезда.

Отойдя в сторону, встал с краешка проезжей части и принялся ловить попутку.

Ну что я могу сказать про свой отпуск на море? Прошел он восхитительно. На ремонт и восстановление участка у меня ушло почти полторы тысячи рубликов наליком, но дом и приусадебный участок были сделаны выше всяких похвал. Белоснежный дом под зеленой крышей был красив. Обшитая деревом веранда сверкала отраженными лучами солнца в многочисленных стеклах. Все в доме покрашено, стоит отличная, можно сказать, вечная мебель. На кухне – собранная прямо на месте кухонная мебель, включая буфет для посуды. Все было покрыто лаком. В гостиной – купленные в магазине тахта и столик. Остальное сделано плотником. Две спальни теперь имели кровати. Железную в гостевую спальню купил без проблем, а вот за нормальную деревянную, с матрасом на пружинах и конским волосом, в свою комнату, пришлось доплатить, чтобы она «оказалась» в наличии в магазине. Третью спальню я пока не оформлял, и стояла она пустая. В общем, по минимуму мебелью и посудой дом обзавелся, жить можно. Даже пару половичков ручной вышивки купил, а на веранду летний столик и три плетеных кресла. Я там часто отдыхал вечерами.

Более того, я даже купил гардины и тюль, которые соседка сшила по меркам. Когда все это оказалось на месте, дом сразу приобрел жилой вид. Да, в нем еще слегка пахло краской, но было видно, что он уже жилой.

Палатку я сложил и убрал в чулан, все равно теперь жил в своей спальне, благо матрасы, белье и три подушки купил на базаре, так что с постельным бельем проблем не было. Даже запас был в единственном шкафу, что стоял в моей спальне.

На участке, кроме того что сменилась летняя кухня, тоже набело крашенная известью, торчал новенький туалет. Из сарая был вывезен весь хлам. Теперь там на стенах были сбиты полки, где хранился немногочисленный садовый инвентарь. Была починена крыша. Там же стоял полностью отремонтированный мотоцикл, который я зарегистрировал в ГАИ, права с этой категорией у меня были, поэтому катался я свободно. Да что там, за последнюю неделю отдыха я с него фактически не слезал, объезжая окрестности. Даже нашел дикий пляж и повадился туда ездить купаться. Там в одиночестве мне больше нравилось, чем с толпами туристов.

Ах да, на самом участке стало чисто, всю листву присланные дядькой Анваром две женщины, видимо жены работников, убрали быстро. Обкопали деревья, на метр от земли побелили, потом сделали две клумбы и насадили цветов. Был еще участок, заросший сорняками, там старая хозяйка сажала овощи и другую культуру. Мне привезли две машины чистого чернозема и, убрав сорняки, вскопали этот огороδικ, сверху добавив свежей землицы.

Также появились тропинки, покрытые утрамбованной галькой, с бордюрами из диких камней. Были подвешены створки ворот и новая калитка, теперь они долго прослужат. Во дворе сразу за воротами сделали площадку для машины, засыпав и утрамбовав той же галькой. Сами ворота и калитку покрасили зеленой краской, даже обновили номер дома, закрепленный рядом с калиткой на заборе.

После перестройки дома парадный вход теперь был со стороны веранды. То есть раньше вошел на крыльцо и попал в дом, теперь же нужно открыть легкую дверь на веранду, имевшую символический замок, потом уже крепкая дверь в дом с врезанным замком. Еще одна дверь вела в сад из кухни, она тоже была заменена и имела внутренний замок. Все окна открывались, более того, плотник сделал и сшил москитные решетки, которые вставлялись в рамы, когда окна открыты. Правда, из-за отсутствия такой сетки, пришлось пустить на решетки тюль, но ничего, за две недели, что я жил в доме, внутрь попало только две мухи. Да и те в те моменты, когда я проходил в дом, то есть через дверь. Хотя и тут я подвесил тюль, как раз против мух.

Из электроприборов купил переносной радиоприемник с длинной антенной, под названием «Спидола». Радиоточки в доме не было, так как отрезали провода за неуплату, а восстанавливать я не стал. Еще купил из-за острой необходимости холодильник ЗИС-Москва ДХ2. Правда, не новый, годовалый, но зато отлично работающий. Он был самой дорогой из покупок. Отдал триста рублей с мелочью. На все про все у меня ушло две с половиной тысячи рублей. Приемник и холодильник я купил в хозяйственном магазине. «Спидолу» через черный ход продали без проблем, они были в наличии, но вот холодильников не было. Обещали привезти через пару недель. Ждать мне не хотелось, видя это, продавец предложил мне продать свой. Я согласился, тем более проверка показала, что холодильник в отличном состоянии, работал чуть больше полугода, да и славились они надежностью.

В общем, после того как строители закончили, я поставил в доме мебель, на это ушло три дня, – по минимуму, но хоть что-то. Ну, а после, остальные три недели, я просто отдыхал, отдаваясь этому всей душой. Только изредка я прерывался и раз в три дня ездил в управление, работая с докладом. В конце концов, к окончанию отпуска я его закончил.

Дом я оставил на соседке, на Тамаре Николаевне, строго-настрого предупредив не пускать в мой новенький дом жильцов. Та клятвенно заверила, что «ни в жизнь».

Пока я жил в доме, отдыхая и отваживая толпы бродячих туристов, которые искали съемную комнату, познакомился и с соседями. В пятьдесят девятом доме жил Степаныч, работающий в рыбхозе бригадиром, жена его работала там же. Нужна рыба – без проблем достанет, только плати. Напротив, в сорок втором доме, жил ветеран-пасечник, дед Митроха. Я у него пару раз покупал мед к чаю.

Тамаре Николаевне я не сказал, что соседей попросил еще и присмотреть за ней, дав свой адрес в Киеве. Так что если что – сразу сообщат. Пусть обрабатывает пятьдесят рублей, что я ей дал за присмотр за домом.

Перед отъездом я отключил все электроприборы, а холодильник не только опустошил, но еще и помыл. Потом перекрыл воду и обесточил дом.

Наконец рядом остановился синий четырехместный «москвич», и, договорившись с водителем, я забросил на заднее сиденье гитару, на которой привык играть вечерами на веранде, потом рюкзак с подарками, чемодан, и сел на переднее сиденье. Я созванивался из Сочи с издательством, узнавая, как там моя рукопись. Дней пять назад они сообщили, что берут, и попросили приехать подписать договор и внести некоторые правки в рукопись. Вот я и выехал на сутки раньше, четырнадцатого августа, чтобы за сутки закончить с книгой.

Оставив в служебной гостинице вещи, я на вызванном дежурной такси отправился в издательство. Ничего, что время три часа дня, должны они еще работать.

Издательство встретило меня многоголосым шумом и суетой в коридорах. Поймав за локоть одного из сотрудников, я спросил, где главный редактор, того не было в своем кабинете. Секретарь тоже куда-то запропастилась.

– В обком уехал, сегодня не будет, – пояснил тот и, осмотрев меня, поинтересовался: – Вы по какому вопросу, товарищ?

– Я рукопись сдавал на издание.

– Фамилию можно узнать?

– Соколов. Игорь Соколов.

– А, фантаст. Да вам, в принципе, главред и не нужен. Сейчас идите к оформителям, потом к редакторам, и в конце к директору на подписание договора. Пойдемте, я вас провожу. Редакторы и художники у нас на втором этаже.

– Что это у вас тут за столпотворение? – спросил я, поднимаясь следом за неизвестным сотрудником издательства по лестнице. Людей, в сравнении с прошлым посещением издательства, действительно хватало.

– Объявили конкурс по линии комсомола на лучшую детскую сказку, вот соискатели и набежали.

– Да? – заинтересовался я. – А можно узнать подробности?

– Там внизу доска объявлений, мне рассказывать, честно говоря, некогда... Вот, вам в этот кабинет.

Работник оставил меня у одной из дверей, а сам нырнул за следующую. Постучавшись, я вошел в помещение, где находились два человека: девушка лет двадцати и парень с длинными волосами, что-то рисующий на ватмане.

Как оказалось, мне нужно было к девушке, она показала рисунки, и они меня почти устроили. Хотя из десяти рисунков, что пойдут на страницы книги, два я забраковал.

– У меня в рукописи трофейный танк тэ – три, фигурирует. Нет, красноармейцы получились замечательно, но вот автоматы нужно убрать, не было их в сорок первом у простых бойцов, замените на винтовки. И танк у вас тэ – четыре, да еще с длинным стволом. Такие появились у немцев в конце сорок второго, а у нас по производству первые месяцы войны. В общем, найдите рисунок танка тэ – три с кургузым стволом и перерисуйте.

– А по второму что? – записав мои пожелания, спросила художница.

– Крылья у полуторки у вас прямые. Тогда можно было по ним определить, довоенная машина или нет. Например, у довоенной крылья были закругленные. В военное же время выпускались такие, как у вас на рисунке.

– Я рисовала с натуры. У меня окна выходят во двор хлебозавода. Там такая стоит, – призналась художница.

– Ну, в общем, к остальным рисункам у меня претензий нет, видно, что вы ознакомились с книгой.

– Да, мне понравилось.

– С вами закончили, теперь мне редактор и корректор нужны.

– Они через два кабинета от нас. У окна справа, не ошибетесь.

С ними я провозился почти полчаса, но смог отстоять свои решения. После этого я посетил директора, где после собеседования мы подписали договора на трехтомник. Следующую книгу, по устной договоренности, я должен был сдать к Новому году.

Свернув свою часть договора, я спустился вниз и встал у стенда, изучая информацию по конкурсу. Почесав затылок договором, направился к нужным людям. Соискателей тут не было, они осаждали редактора, отвечающего за прием, поэтому я прошел в нужное помещение без проблем. Попросив у него подшивку со списком уже написанных сказок, я через двадцать минут поскуучнел.

– Вот плагиаторы, успели раньше своровать у меня сказки, – пробормотал я себе под нос. Ну, братьев Гримм или Андерсена теперь не накажешь, поэтому я вздохнул, и еще раз пролистав список, решил начать с мультика «Летучий корабль». Правда, он больше по песням стал известен, ну да ладно, я их тоже помнил.

А что? Я дочке постоянно сказки рассказывал, можно сказать до зубовного скрежета их изучил, на пару – тройку меня точно хватит. Премия в пятьсот рублей на дороге не валяется.

Надо будет еще что-нибудь подобрать, но это позже. Ладно хоть конкурс длится до ноября, время есть.

Вернув список, я вышел из здания издательства и на такси вернулся в гостиницу, где, убрав договор в чемодан, переделся в более строгую одежду, не забыв накинуть сбрую и легкую куртку, чтобы прикрыть оружие, взял с собой рюкзак и на такси поехал к главному управлению КГБ. Пофиг, что время – шесть вечера, для меня главное – дежурный и доступ в архив.

В управлении показав дежурному удостоверение и дождавшись, когда он внесет его в журнал, протянул плотный запечатанный пакет. Тот взял его в руки, удивленно поднял брови, увидев последнего адресата, и завизировал его на имя подполковника Вихря.

По инструкции, пакет должен был сначала пройти через моего непосредственного начальника подполковника Вихря, с его подписью. Потом через начальника первого управления, в котором я уже числюсь, генерал-лейтенанта Сахаровского, и только уже потом тому, кому и предназначен этот пакет – председателю КГБ СССР Семичастному (Власов – куратор, можно было обойтись без него). Естественно, оба начальника должны поставить свои резолюции, но могли не поставить и не пропустить. В принципе это не наша специфика. Мое управление отвечало за контрразведку, нелегалов, радио и радиоперехват... Внешняя разведка, короче говоря. В общем, тема не нашего управления.

Однако я все равно решил действовать по инструкции, если спросят, то отвечу, что такой пакет был, вот даже документальное подтверждение есть. Дежурный внес его в список и убрал на полку, чтобы отправить в нужное управление нужному офицеру.

Получив новый временный пропуск в архив – тот, оказалось, работал круглосуточно, – я поправил лямки рюкзака на плече и направился в очень интересное для меня помещение. Я тут уже был и знал, куда идти.

– Здорово, – плюхнувшись на соседний стул, протянул мне руку Андрей. То есть мой непосредственный начальник подполковник Вихрь.

Широко зевнув – всю ночь не спал, изучая материалы, – я пожал ему руку, после чего потер покрасневшие веки.

– Привет. Сколько времени? – удобно, что у нас больше приятельские отношения, чем начальник – подчиненный. Хотя думаю, что когда начну по полной работать, этого уже не будет.

Тот посмотрел на наручные часы и ответил:

– Полдвенадцатого.

– М-да, часы надо покупать, засиделся я у вас. Вон, даже дежурного архивариуса заставил спать тут.

– Ничего, они суточники, – посмотрев на посапывающего старичка, ответил мой командир.

– Пакет передали?

– Читал я твой талмуд, да и сопроводилку из сочинского отдела тоже. Сам понимаешь, я в этом не разбираюсь, но понять кое-что смог. В общем, утром я его отправил наверх, так что жди скорого вызова.

– Скорого – это когда?

– Когда у генерала до твоего пакета руки дойдут. Сам знаешь, не наше это направление.

– Понятно.

– Ты тут долго еще будешь сидеть?

– Да я уже почти закончил. Сейчас домой, отосплюсь, ну а завтра с утра в Киев.

Кстати... – наклонившись, я достал из рюкзака две бутылки мадеры.

– Держите, подарок с юга. Коллекционные.

– Ого, – принял тот. – Спасибо. Дорогие, небось?

Наблюдая, как силовик с интересом крутит одну из бутылок в руках, я ответил:

– Нормально. Я отцу вообще ящик купил. С трудом, но достал.

– А он у тебя что, закладывает? – посмотрел на меня подполковник и щелкнул по горлу.

– Хм, – я с сомнением почесал затылок. – Можно и так сказать. Только водку он не пьет, а знаешь, дорогие и эксклюзивные вина.

– А-а-а, понял. Ценитель.

– Ну да. Ему однажды бутылку коньяка подарили. Так он его полгода цедил, потом, когда осталось на доньшке, распил с однополчанином. Тот тоже ценителем оказался.

– Ну, тогда понятно. Ящик он наверняка оценит. Завернуть есть чем? А то с бутылками в руках по управлению не походишь.

– Есть, конечно, – достал я из рюкзака свернутую плотную вощеную бумагу фиолетового цвета.

– Ну все, спасибо.

Как только мой непосредственный начальник вышел из архива, я окликнул старичка, что спал на диване:

– Дядь Жень, я закончил.

Сдав все дела и папки со сводками, я направился было к выходу, но сменившийся дежурный меня задержал:

– Подождите, лейтенант.

Сняв трубку, он сообщил обо мне и, положив ее обратно на аппарат, сказал:

– Сейчас подойдет сопровождающий. Ожидайте.

Подошедший сержант, убедившись, что я – это я, повел меня на второй этаж в приемную.

– Проходите, вас ожидают, – известила меня пожилая секретарша в форме старшего лейтенанта и наградными планками на груди.

Оставив рюкзак у секретарши, я прошел через две двери, вытянулся и громко сообщил:

– Товарищ генерал-лейтенант, младший лейтенант Соколов по вашему приказу прибыл!

Кроме начальника первого управления – я узнал у сержанта, к кому иду – в кабинете находился еще один офицер в звании генерал-майора. Именно перед ним и лежал мой талмуд о маньяках.

После того как я представился, второй генерал начал говорить. За полчаса я узнал, что лезу не в свое дело, что, согласно решению партии, в Союзе нет и не может быть никаких маньяков. Генерал не орал и не топал ногами, но выволочку устроил мне по полной программе.

– Вам все понятно? – спросил он.

– Так точно. Больше маньяками не заниматься.

Продолжавший сидеть молча начальник управления попросил меня подождать в приемной. Сидя на диванчике, я узнал, кто на меня наехал. Оказалось, это был первый заместитель начальника ПГУ КГБ генерал Мортин. Замполит, короче говоря.

Долго ждать не пришлось. Когда генерал-майор ушел, меня через десять минут пригласили в кабинет.

– Я надеюсь, вы поняли, что ваш пакет, лейтенант, дальше не уйдет?

– Так точно, товарищ генерал-лейтенант. Моя совесть чиста, я сделал все, что мог.

– Наглец, – негромко хмыкнул генерал, потом вдруг спросил: – Какими языками владеешь? Можешь спокойно говорить, я в курсе о полученных тобой чужих знаниях.

– После проверки выяснилось, что я хорошо владею английским и довольно не плохо французским. Это все.

– Вот как? – задумался генерал. – Честно говоря, я твой доклад не читал, знаю все со слов Федора Константиновича, но даже устный доклад дал мне понять, что он хоть и не соответствует политике партии, но, как ни горько это осознавать, кое в чем ты прав. О сочинском деле и о брянских жертвах мне сообщили. К начальнику мы его не отправим, но вот передать другому управлению можем. Вы свободны, лейтенант.

– Есть, – вытянулся я. – Спасибо, товарищ генерал. Разрешите идти?

– Идите, – кивнул тот.

Я было направился к выходу, но у дверей остановился и обернулся.

– Товарищ генерал-лейтенант, разрешите вопрос?

– Разрешаю.

– Вам известно о таких людях, как Тонька-пулеметчица и Алекс Лютый?

– Что-то знакомое, – нахмурился генерал. – Нет, не припоминаю.

– Информация по ним была, ну, да ладно. Разрешите идти?

– Да иди уже.

Начальник управления мне понравился, серьезный такой дядька, который, если нужно, может поговорить с подчиненным, как начальник и как простой мужик.

Забрав рюкзак, я попрощался с секретарем и беспрепятственно вышел из дверей управления.

– Этого и стоило ожидать, – буркнул я себе под нос, когда, пройдя полквартиры, обнаружил за собой слежку. То, что это были коллеги, мне было ясно на сто процентов. Выучка у нас одна.

Неторопливо шагая, я нашел столовую общепита и, набрав на поднос гору всякой еды, стал спокойно есть, благо обед закончился и в помещении было почти пусто. Я был голоден, поэтому ел жадно, но аккуратно, размышляя о своих планах на сегодня, а они были грандиозными.

В общем, пока я отдыхал на курорте, у меня со скуки сформировалась идея, как наказать сделавших состояние во время блокады Ленинграда дельцов. Когда я собирал архив по маньякам, мне много что тогда попадалось под руки из старых известных дел. Вот и о бриллиантовой квартире я тогда узнал. Их тоже ограбят, но произойдет это в восемьдесят третьем году, да и сопряжено это будет с тройным убийством. Я же решил сделать это раньше и без убийств. Причем решил не только наказать не имевших совести торговцев, но и поймать за этот же день очередного московского маньяка. Вернее, действовал он в Москве, бывая наездами. Жаль, в прошлый мой приезд мы с ним не встретились.

Допив компот, я поставил граненый стакан и внезапно улыбнулся. Проблема с наружкой, после некоторых размышлений за время обеда, могла, наоборот, принести плоды. Они послужат мне свидетелями и подтвердят алиби.

Обед мне стоил девяносто семь копеек, такси же обошлось в сорок. Тут ехать было всего четыре километра. Причем из-за небольшой суммы такси были постоянно заняты, многие граждане ездили на них на работу и с работы, зачастую водитель брал попутных пассажиров. Вот и со мной случилась та же история. Пока ехали, он подобрал двух девушек. Меня высадил у нужного дома, а их повез дальше. По одному счетчику двойной навар.

Поправив лямки рюкзака, я осмотрелся и направился во внутренние дворы. Бежевая «Победа» наружки последовала следом. Один сотрудник находился за рулем, а второй шел за мной пешком. Я не показывал, что засек их, не стоит им этого знать раньше положенного.

Наконец нужный двор. Судя по описанию из сводки, девочку-подростка нашли в кустарнике, у одного из зданий. Даже странно, двор проходной, да и жителей гуляет много, особенно детей хватает, каникулы же, однако никто ничего не видел, согласно рапорту опросителя.

Однако я знал, что опера и следователи с участковым зря искали в окрестных домах, убийство пострадавшей произошло в подвале другого дома в четырехстах метрах от места страшной находки. В доме, что стоял сразу за садиком.

Под любопытными взглядами местных жителей – все знали, что тут произошло месяц назад, поэтому во дворе и было так много взрослых, следили за своими детьми – я стал осматривать кусты. Сотрудники наружки тоже с любопытством наблюдали за мной. Правда, машины

на виду не было, наверняка оставили ее на улице, но обоих я засек. Один сделал вид, что тут живет, зашел в один из подъездов пятиэтажки и наблюдал за мной через окно, другой курил у угла, делая вид, что кого-то ожидает.

Те полчаса, пока я лазил по кустарнику, осматривая затоптанное место находки, принесли свои плоды. Кто-то из жителей дома вызвал участкового.

– Товарищ, можно вас на минутку? – вежливо окликнули меня.

Посмотрев на мужчину в форме, я подхватил по пути рюкзак и вышел на открытое пространство.

– Попрошу ваши документы.

Я предъявил удостоверение, которое сержант милиции осмотрел внимательно, ничуть не робея.

– Сержант Лютов, участковый инспектор. Вы ведь не местный? – поинтересовался милиционер.

– В отпуске. Заинтересовало меня это дело, вот в свободное время и занялся работой. . .

Вы собак по следу пускали?

– Пускали, до садика дошла и встала.

– Ясно, – я закусил губу и осмотрелся.

– Следователь говорил. . .

– Я в курсе. Место убийства вы так и не нашли?

– Нет. Все дворы осмотрели. . . А вы знаете, товарищ младший лейтенант, где оно произошло?

– Скорее, предполагаю, – задумчиво ответил я.

Местные жители, увидев, что мы разговариваем с участковым спокойно, вернулись к своим делам.

– Вы в курсе, что это было четвертое нападение убийцы?

– По делу проходит только одна жертва, – отрицательно покачал головой сержант.

– Все нападения были в разных районах, поэтому и образовалось три дела.

– А четвертое?

– Девочке удалось спастись, и она описала нападавшего, но дело не стали заводить, посчитав все фантазиями, а зря. Убийца был в форме капитана милиции, поэтому решили, что девочке все привиделось.

– Однако, – ошарашенно сбил фуражку на затылок сержант.

– Ладно, пошли, поищем место преступления.

– Откуда вы можете знать, где оно находится? – в голосе участкового едва слышалось подозрение.

– Сводки читать надо, – хмыкнул я.

– А что?

Я в ответ только иронично посмотрел на любопытного сержанта.

Мы прошли мимо садика, там я, больше играя для сержанта, осмотрел кусты, тропинку, прошелся по изолированным трубам отопления, заглядывая под них, пока, наконец, не вышел к двери в подвал в торце соседнего со зданием садика.

– Замок ржавый висит, видно, что его уже год как не открывали, – сказал сержант, мельком глянув на дверь.

– Такое пренебрежение к работе вас погубит, – снова поправив рюкзак, я по ступенькам спустился вниз к двери и дернул за щеколду, которая сразу же оказалась у меня в руках. – Смотри-ка, не ошибся пенсионер. Действительно видел, как сюда спускался милиционер.

– Что? – не расслышал сержант.

– Один внештатный сотрудник нашего ведомства видел, как в этот подвал спускался офицер милиции, о чем сообщил в докладе. Когда я изучал дело о нападении, мне случайно попалась и его докладная записка, сложить два и два было не трудно... Фонарик есть?

– Есть.

– У меня тоже, пошли осматривать.

За десять минут мы осмотрели весь подвал и нашли, где маньяк истязал и впоследствии убил девочку, нанеся ей более сорока колото-резаных ран.

Участковый убежал вызывать оперативно-следственную группу и криминалистов, а я вышел наружу и присел на поребрик спуска в подвал. Прошел ровно месяц с момента убийства, но все-таки могли остаться хоть какие-то следы.

После прибытия сотрудников милиции и криминалистов, я сообщил участковому, что поехал на следующее место преступления, и смог затесаться среди оперативников, зайдя в подъезд этого же дома.

Дверь чердака была открыта, опера только что закончили с осмотром, поэтому я проник внутрь. Дальше действовать нужно было быстро, и я не медлил. У слухового окна, где было светло, переоделся в старую потрепанную одежду, убрав все свое, включая удостоверение и оружие, в рюкзак, и спрятав его среди стропил. Дальше самое сложное. С помощью карманного зеркала нанес на лицо тональный крем, состарив кожу, и бородку с усами. Теперь я со стороны напоминал старичка, жаль только трости нет, но ничего – шаркающая походка и дребезжащий голос помогут мне сыграть роль пенсионера.

Аксессуары, то есть грим да парики с усами и бородой, я просто выкрал из гримерной съемочной группы «Мосфильма». В Сочи на побережье шли съемки. Как и половина жителей города, я там тоже побывал, любопытствовал. Но, в отличие от остальных, с меркантильной целью. В общем, однажды ночью вагончик костюмерной вспыхнул, часть вещей спасли, но кое-что потеряли. Сторож лишился премии, а я получил то, что мне было нужно.

Осмотрев себя в зеркальце, я довольно хмыкнул:

– Пигментные пятна отлично получились, сейчас еще на руки и на шею нанесем.

Закончив, я прибрался и направился на другую сторону чердака. Прыгая через три ступеньки, спустился через соседний подъезд, вышел и, медленно изредка старчески трясая головой, зашагал на улицу к проезжей части. Наружка осталась у дома, где сустились милиционеры, поэтому я довольно улыбнулся. Теперь на все про все у меня было пара часов, потом милиционеры разъедутся, и незаметно вернуться будет тяжелее.

Со стороны я напоминал самого обычного старичка в стоптанных старых сапогах, в выцветших штанах с пузырями на коленях, в серой рубашке и, несмотря на жару, тяжелом штопаном пиджаке. Из-под кепки выбивались седые кудри. Такая же седая бородка и усы, совместно с походкой и тональным кремом, стянувшим кожу, со стороны никаких замечаний не вызвали. Люди на меня особо не пялились, так – бросали мельком взгляд и шли дальше. Чтобы не привлекали внимания молодые глаза, я надел очки с облезлой оправой и треснутым стеклом.

Выйдя на край проезжей части, я поднял руку. Буквально через минуту рядом остановилась «Волга» – такси, уже имевшая двух пассажиров.

– Тебе куда, дед? – поинтересовался пожилой таксист.

– Беговая, шестнадцать, – шепелявя, я назвал улицу и дом, потом сел на заднее сиденье с мужчиной, весь вид которого выдавал в нем инженера.

Наконец мы подъехали к нужному зданию, где я долго брнчал мелочью, пока, отсчитав все без сдачи, не вышел наружу. Пройдя немного, я задумался и зашел в здание почты, где купил несколько больших плотных конвертов. Потом, миновав еще пару домов, я подошел к подъезду двадцатого дома по Беговой улице.

Консьержки не было, поэтому, пропустив со второго этажа молодую семью с маленькой дочкой, я подошел к двадцать шестой квартире. Именно в ней жили те, кто мне нужен. Семья

Троицких. Глава семьи во время блокады Ленинграда имел доступ к распределению хлеба, именно тогда он начал собирать свою коллекцию, ведь за краюху или даже кусочек хлеба несли золото и брильянты. Часто он отказывал нуждающимся, по крайней мере мне точно известно, что больше десятка семей впоследствии умерли от голода, больше всего мне было жаль детей. Да и после войны члены семьи имели доступ к дефициту и увеличивали свое благосостояние. Некоторые драгоценности имели мрачную или даже кровавую историю, но Троицких это не волновало. Вот их-то я и решил наказать, ударив по карману.

Дальше я действовал не помедлив ни секунды. Натянув тонкие кожаные перчатки, нажал на звонок и стал ждать.

– Кто там? – донеслось через несколько секунд. Голос был женским и достаточно молодым. Это, скорее всего, была дочка Троицких, Татьяна. Вряд ли это домработница.

– Добрый день. У меня для Ксении Ивановны пакет, просили передать лично в руки, – спокойно сказал я, слегка изменив голос. Это не трудно было сделать. Хватило леденца под щеку.

Зазвучали щелчки открываемых замков. Я отошел на два шага, после чего, когда дверь немного приоткрылась – на ширину цепочки, разбежался и нанес сильный, хорошо поставленный удар ногой в дверь в районе крепления цепочки. Та не выдержала и брызнула обломками звеньев. Молодая женщина, получив удар по лицу и руке, молча, без звука отлетела в сторону.

Быстро закрыв за собой дверь, я пробежался по квартире. Пусто. Вернувшись, я подхватил застонавшую от боли женщину и поволок ее в гостиную на диван. Нажав на определенную точку, дождался, когда она провалится в более глубокий сон без сновидений, и внимательно осмотрел ее.

– Черт.

Рука была сломана, да и на лбу наливалась большая шишка.

Найдя на кухне аптечку, я с помощью бинтов и ножек стула соорудил лубки, вправил кость и перевязал. После чего помазал лоб зеленкой и сделал повязку. Там была ссадина. Конечно, если бы мне в руки попал кто-то из ее родителей, они вряд ли получили бы медпомощь, но к дочке я претензий не имел.

Только после этого я начал полный и профессиональный обыск квартиры. Количество ценного металла зашкаливало. Вес уходил за шесть килограммов. Причем только высшей пробы, не говоря уж о брюликах. Ширпотреба в квартире Троицких не оказалось. Пришлось реквизировать также чемодан из квартиры ограбленных. Среди вещей и наличных, в шкафу я обнаружил пистолет системы «парабеллум» и горсть патронов. Запасного магазина почему-то не было.

Убедившись, что все тайники найдены и драгоценности вместе с деньгами и оружием оказались в чемодане, я осмотрелся и вышел из квартиры.

«Хех, есть порох в пороховницах – за семнадцать минут полностью обчистил квартиру».

До улицы, где ездили машины, мне помогли донести тяжелый чемодан два пионера-тимуровца. Шепеляво поблагодарив их и выдав одну конфетку на двоих, я дождался пустого такси и остановил его.

– Два счетчика, без дополнительных пассажиров, – прошамкал я ему.

– Три, – забросил тот крючок.

– Согласен, – почмокав губами, наконец согласился я. Все равно не из своего кармана буду платить.

Радостный водитель выскочил наружу, принял у меня чемодан, вежливо придерживая за локоть, помог сесть на заднее сиденье и поставил ношу рядом. По моей просьбе, конечно.

– Куда едем? – спросил он, занимая свое рабочее место.

– Нужно объехать все московские детдома.

– Сделаем. Тут рядом как раз ближайший находится.

Работали мы продуктивно. Водитель высаживал меня у детдома и ожидал, пока я захожу в здание, где вызываю директора и вношу пожертвования в виде драгоценных металлов. Объясняя им, что жить мне осталось мало, хотелось бы что-нибудь сделать хорошего. Везде я представлялся коротко: Троицкий. Также и подписывался в квитанциях, что мне выдавали. После восьмого детдома у меня, кроме пистолета и двадцати тысяч наличных, ничего не осталось. Сдав наличные в девятый детдом, я достал из внутреннего кармана большой конверт, и пока водитель управлял машиной, незаметно убрал в него пистолет, патроны и квитанции из детдомов. Все равно директора сообщат о подозрительном, но щедром старичке, не могут не сообщить.

Достав карандаш, я левой рукой написал на обороте: «Милиции, в виде материальной помощи. Троицкий».

Заклеив конверт, я положил его рядом на сиденье.

– Голубчик, остановите меня тут. Сколько я вам должен?

– Червонец, – последовал ответ.

Отдал нужную сумму – тут я лоханулся, забыл отложить деньги из пачек ограбленных Троицких, вот и пришлось отдать свою личную десятку. Себе из квартиры Троицких, кроме приятных воспоминаний, я не взял ничего.

Забрав пустой чемодан, я вылез из машины и через открытое окно протянул водителю пакет с пистолетом.

– Голубчик, если тебе не составит труда, не отвезешь ли в милицию? Вот тебе рупь за труды.

– Ладно уж, – благодушно ответил тот. Бросив пакет рядом, он тронулся с места, оставив меня на краю дороги. Как только он свернул на первом же повороте, я поднял руку. Пора вернуться туда, где оставил вещи и работают милиционеры. Времени с моего отбытия прошло чуть больше двух часов, надеюсь, никто там еще не разбежался, хотя мое отсутствие парни из наружки уже наверняка заметили.

На этот раз меня подвозил частник, причем я умудрился продать ему пустой чемодан. Тот имел потрепанный вид, так что с легкостью ушел за рубль, с меня даже платы за проезд не взяли.

Шаркая каблуками ботинок, я дошел до нужного подъезда, где оставил вещи, и к своему удивлению увидел, что милиция еще работала, да и «Победа» наружки торчала на месте.

Заметив меня, стоявший рядом со следователем уже знакомый участковый направился в мою сторону, насторожился. Видимо, тот хотел опросить.

– Добрый день. Я участковый инспектор, сержант Лютов. Вы живете здесь?

– Нет. Я дальше, в соседнем районе, – прошамкал я. – Тута мой сослуживец живета, х нему иду, сынок.

– Ясно, извините, – козырнул сержант, но тут же встрепенулся. – Простите, а вы месяц назад, пятнадцатого июля тут не были?

– В июле я в больнице лежал. Не было меня здесь.

– Ясно.

Разочарованный участковый направился обратно, а я зашел в подъезд. Если бы были свидетели и лестничная клетка не была пуста, они бы с изумлением увидели, как старенький на вид дед, с бородой до середины груди, как молодой перепрыгивая через несколько ступенек, бежит вверх.

На чердаке я наконец снял перчатки, очки и содрал бороду, яростно зачесав зудевшую на лице кожу.

Когда одежда старика уместилась в рюкзаке, я полил из фляги специальный раствор, позаимствованный там же, где брал бороду и остальное. Она с легкостью смыла крем и следы клея.

С помощью зеркальца убедившись, что я снова молодой, заодно проверил, не осталось ли на шее крема, и только потом уже переоделся в свое. За печной трубой я нашел темную нишу, где, светя фонариком, спрятал все компрометирующее меня. Теперь нет улики, нет и доказательств, хрен тут что найдут. Я еще табачком с перцем вокруг прошелся.

На площадку верхнего этажа с чердака я спустился со спокойной душой. Через минуту я уже стоял рядом с милицейским «газиком». Поговорив со следователем об остальных похожих случаях, я распрощался, и в сопровождении востроумнейшей и уже потерявшей надежду найти меня наружки, направился со двора на соседнюю улицу. У меня на сегодня еще уйма дел.

На дороге простоять мне пришлось довольно долго, почти двадцать минут. Пока, наконец, я не увидел свободное такси, для разнообразия это оказалась «Победа».

– Двойной счетчик, – сказал я водителю, – нужно покататься по городу.

– Садись, – кивнул тот.

Назвав адрес дома в новостройке, я откинулся на спинку сиденья и вздохнул свободнее.

После совещания генерал-лейтенант Сахаровский, отпустив всех офицеров, на секунду задумался о чем-то, припоминая, и снял трубку телефона.

– Алло, Андрей, тебе известны такие имена, как Тонька-пулеметчица и Алекс Лютый?.. Напомни мне... Вот даже как? Однако... Да нет, один мой сотрудник интересовался насчет них. Похоже, что-то знает... Да он не из московского управления, за Киевом числится. Тут проездом... Может, еще здесь, наверняка в нашей гостинице остановился... Ну, хорошо, записывай. Младший лейтенант Соколов. Он там один такой, быстро найдешь. И держи меня в курсе, заинтересовали меня эти предатели. Все, давай.

Медленная машина правосудия начала раскручивать свои маховики.

– Приехали, – вывел меня из полудремы водитель.

Судя по постройкам, мы действительно где-то на окраинах Москвы, в центре нет новеньких хрущевских высоток.

– Жди, – велел я, оставив рюкзак в машине. Водитель тоже вышел и стал протирать лобовое стекло, убирая следы размазанных насекомых.

Дом был недавно сдан, год или два. Поэтому асфальтовые дорожки еще не обзавелись ямами, были клумбы и цветы. В общем, красивый зеленый район. Подойдя к двум старушкам у нужного нам подъезда, я спросил:

– Извините, уважаемые, не подскажете, Синицыны тут проживают?

– Здесь, в двенадцатой квартире, – ответила одна из старушек. – А тебе, милоч, кого надо?

– Аню.

– Ухажер, небось? Вон они, у машины, на дачу собрались. Едва успел.

Обернувшись, я посмотрел на старенькую машину, стоявшую на отдельной площадке, метрах в ста от нас. Кажется, это была самая настоящая «эмка», только цвет был белый. У машины находилось пятеро: мужчина лет сорока, женщина чуть помоложе, девушка моих лет и два мальчишки-сорванца на вид лет десяти, видимо погодки.

– Спасибо, – поблагодарил я старушек и направился к семье Синицыных.

Глава семьи как раз заканчивал крепить матрас на крыше, пропустив веревку через салон, когда я подошел.

– Добрый вечер.

– Добрый, – кивнул мужчина, не прекращая своего занятия. Остальные обернулись и с интересом осмотрели меня.

– Мне бы хотелось поговорить с Аней.

Теперь хмуро обернулся и глава семьи.

– Ты его знаешь? – спросил он у дочери.
– Нет, – покачала та головой.
– Младший лейтенант Соколов, – предъявил я удостоверение.
– Киев далеко, – прогудел он.
– У меня неофициальное расследование. Если будут спрашивать обо мне, говорите, что не встречали.

– Почему?
– Мне запретили заниматься этим делом.
– Хм... ясно. Что вам надо от дочери?
– Опросить и опознать нападающего. Желательно сегодня. Сейчас.
– Мы на дачу едем.
– Не волнуйтесь. С вашей дочерью ничего не произойдет, я заберу ее и при возможности верну обратно, то есть сюда к вашему дому. Если не смогу, попрошу других сотрудников это сделать.

– Ты как? – спросил он у дочери.
– Если надо, я согласна.
– То такси – это моя машина, но думаю, не стоит ехать в одежде для дачи, – сказал я, кивнув на ее одежду.

– Я переоденусь.
Девушка убежала к подъезду, а глава семьи снова обратился ко мне:
– Можно еще раз посмотреть ваше удостоверение?
Наружка терпеливо наблюдала за мной. Дождавшись, когда девушка сядет в такси, они последовали за нами до Киевского вокзала.

Я не мог просто сказать фамилию маньяка, мне нужно самому поймать его, причем так, чтобы это видела наружка и указала об этом в своих рапортах. В общем, будем импровизировать.

План мой был до банальности прост. В Москве убийств было три, одно неудавшееся – Аня, которая ехала со мной, сумела убежать, когда маньяк отвлекся на милицейский патруль. К тому времени она уже поняла, что он не настоящий милиционер. Умная девочка.

Игорь Первухин действительно не был офицером милиции. Он снял форму со случайно им же сбитого в Белорусской ССР сотрудника ГАИ. Забрав вместе с формой удостоверение и табельное оружие системы «парабеллум» – тот все еще стоял на вооружении в органах милиции. Страсть к девочкам-подросткам у него был с детства. После того как он сбил милиционера, помня кровь на руках, маньячина решил попробовать развлечься, ведь не все девушки пойдут жаловаться, стыдно им. Один раз он довел дело до убийства, замучив очередную жертву, после этого нелюдь решил всегда убивать их. Да еще для запутывания следов по железной дороге ездил в Москву и именно здесь совершал свои убийства. Очень хитрая и опасная тварь. Кроме всего прочего, имевшая разряд по боксу.

Действовал он так: на съемной квартире переодевался в форму офицера милиции и ехал на железнодорожный вокзал, где и подбирал себе жертву подростка. Ну, кто не пойдет с сотрудником милиции, например в качестве свидетеля, как было с Аней – рядом как раз подрались два парня, или в виде понятой? Приезжал он на три дня каждый месяц, обычно с четырнадцатого по семнадцатое числа. У него на работе в это время были отгулы. Получалось так.

Вчера, четырнадцатого, он приехал и начал готовиться, на следующие дни обычно после пяти дня шел на охоту.

Это по прикидкам, но я точно знал, что сегодня в семь вечера он заманит в свои сети пятнадцатилетнюю пионервожатую на Казанском вокзале, Ольгу Филатову. Она будет последней жертвой, при возвращении его в Минске остановит патруль и попросит предъявить к осмотру

чемодан, Первухин попытается сбежать, но будет задержан. В чемодане обнаружится форма, после этого его и раскрутят на убийства.

Время еще было, поэтому я приказал ехать на Киевский вокзал, начнем с него. Я, конечно, и сам знал преступника в лицо, если девочка не сразу узнает, как-нибудь подкажу. Она мне вообще была нужна только для вида.

– Жди здесь, – велел таксисту. Задаток в пять рублей я ему уже отдал.

– Счетчик работает, – пожал тот плечами, и взял газету, всем видом показывая, что ожидает нас. Рюкзак все так же лежал на заднем сиденье. Если свалит, я запомнил номер, рожу начищу.

– Притворимся парнем с девушкой, пройдемся по вокзалу и перрону, ты смотри.

Девушка была в легком белом в красный горошек платье, с подолом чуть выше колена. Да еще в красных босоножках. За те десять минут, что Аня отсутствовала, переодеваясь, она еще и макияж навести успела.

– Хорошо. А почему этот вокзал, он ведь ко мне подошел на Минском?

– На разных вокзалах он действует. Смотри лучше.

– Хорошо.

Мы под ручку побродили по перронам, по площади. Естественно, маньяка не было.

– Едем на Казанский вокзал, – велел я таксисту. – И поторопись, промедление – чья-нибудь жизнь.

Доехали мы действительно быстро, пробок, как в мое время, на улицах города не было. Пока таксист искал свободное место, мы вышли и направились к вокзалу.

– Видишь?

– Нет, – девушка крутила головой, рассматривая немногочисленных сотрудников милиции и просто мужчин, но нужного пока не было.

Мы прошли вокзал и вышли на перрон, и почти сразу девушка воскликнула:

– Вон он! С девушкой идет!

– Не привлекай внимания, а то спугнем, – девушка подчинилась, только из-за моего плеча наблюдала за маньяком.

Тот находился у меня за спиной, но я не торопился оборачиваться. Интуиция у него развита прилично.

– Пошли, – подхватил я девушку за локоток, и мы направились к милиционерскому патрулю. Когда шагали, я обернулся. Маньяк в форме офицера милиции в сопровождении будущей жертвы как раз вошли в здание вокзала. Нужно торопиться.

– Младший лейтенант Соколов, – показал я удостоверение старшему патруля.

– Старшина Федин, – козырнул тот. – Что-то случилось, товарищ лейтенант?

– Моей свидетельницей был опознан убийца, на счету которого уже три девушки, убитых в разных районах города. Сейчас он с очередной жертвой вошел в здание вокзала, нужно его брать на площади, пока не ушел.

– Возьмем, – уверенно кивнул старшина.

– Проблема не в этом. Он в форме офицера милиции с оружием. Кобура явно не пустая... Нет, старшина, это не ошибка. Я не знаю, действующий он или ряженный, но брать, пока не упустили, надо.

– Мы не вооружены, – растерянно ответил старшина.

Только после его слов я понял, что милиционеры действительно не вооружены. Ремни были пусты.

– Да этого и не требуется. Я сам его возьму, – достав из кобуры ПМ, я протянул его старшине. – Подстрахуешь.

– Хорошо, – кивнул тот, приводя оружие к бою, после чего убрал его в карман галифе.

– А ты, сержант, останься с девушкой. Потом подойдете.

- Есть, – козырнул тот.
- Побежали? – спросил я старшину.
- Побежали, – кивнул он.

Мы быстро преодолели толпу пассажиров недавно прибывшего поезда, откуда и была жертва, и выбежали на площадь, я указал:

- Вон он, у стоянки такси. Обходи слева, а я зайду справа.
- Понял, – кивнул тот.

Мы быстро преодолели площадь, но старались это делать так, чтобы не привлечь внимания маньяка. Ну и народа, конечно. В одном месте я чуть не столкнулся с одним из сотрудников наружки, что вели меня, но проскочил.

Девушка-жертва уже садилась на заднее сиденье машины, заботливо открытой маньяком, он придерживал дверь, лучась благожелательной улыбкой, когда я, используя капот частной «Волги» как трамплин, обрушился на противника. Причина для спешки была уважительной – если не застать его врасплох, он может применить оружие.

Удар отсушил ему правую руку, и теперь он не совсем опасный противник, но я все равно провел серию ударов в корпус и левую руку, которой он достаточно профессионально закрывался. Возмущенный народ не успел отреагировать на избиение родной милиции, когда я нанес завершающий удар, сделав классическую «вертушку», что снесла лжемилиционера на проезжую часть. Толпа колыхнулась ко мне, но успевший прорваться старшина ловко завернул руки убийцы и насильника за спину, тут и я помог. Причем самое забавное, что ни у меня, ни у старшины наручников не было. Мы сняли их с пояса лжемилиционера. Также мы его разоружили и обыскали. Удостоверение вызвало только усмешку у старшины, кустарная подделка была очевидна.

Достаточно быстро место захвата окружили милиционеры, а я отвел старшину к напарнику, где стояла Аня, и проникновенно сказал:

– Старшина. Давай договоримся, что меня тут не было и захват ты провел в одиночку, когда Аня Синицына, ожидая на вокзале подругу, случайно опознала убийцу и рассказала все тебе.

– То есть вы не должны фигурировать ни в одной из бумаг? – спросил старшина, возвращая мое табельное оружие.

– Да.

– Ну, раз просите, то почему нет. Я согласен... О, взводный мой. Я к нему на доклад.

– Все слышала? – спросил я у Ани, напарник старшины продолжал стоять рядом, только отошел на пару метров в сторону.

– Да, – тихо ответила девушка.

– Родителей предупреди.

– Хорошо.

– Ну все, спасибо за помощь и прощай.

Махнув девушке рукой, я развернулся и поспешил к своему такси, вокзал – могли и договориться с водителем. Но тот стоял на месте, ожидая меня. Более того, судя по его виду, он был свидетелем захвата, все происходило рядом, не дальше ста метров.

Устало покинув салон такси, я расплатился с водителем и, зевая, направился ко входу в служебную гостиницу.

– Вас ожидают, – известила дежурная, когда я попросил ключ.

Посмотрев на того, на кого она указывала, я вернул рюкзак на плечо и подошел к диванчику в холле, на котором посапывал крупный мужчина с коротким ежиком волос.

– Товарищ, – потрянул я его за плечо.

– Соколов? – спросил он.

– Это я.

– Майор Головачев, – показал он мне удостоверение. – Работаю в отделе, занимающемся поиском нацистских преступников.

– Чем могу помочь?

– Тебе известны такие прозвища, как Тонька-пулеметчица и Алекс Лютый?

– Была такая информация. Но я особо не придавал ей значение. Мелочь, на мой взгляд. Кстати, а кто они? А то я забыл посмотреть в архиве информацию по ним.

– Если одним словом, то – палачи. За пулеметчицей числится около полутора тысяч расстрелянных партизан, их семей и просто случайных людей. Лютый тоже изрядно показал себя, на нем висит не меньше.

– О как.

– Давай пройдем в столовую гостиницы, поужинаем, заодно и пообщаемся.

– Я обеими руками за, сам проголодался.

Было видно, что майору не терпится узнать подробности, но он подождал, пока мы ужинали. Наконец он вытер губы салфеткой – я к этому времени уже закончил – и спросил:

– Откуда информация по ним?

Особо я продумать не успел, не скажешь же, что оперативная информация, пусть додумывают, поэтому симпровизировал. Вроде получилось на пятерочку.

– Да мелочь, – нахмурился я. – Поймал за руку карманного вора, причем пожилого, полтинник точно исполнился. Когда он узнал, что я из органов и веду в ближайший отдел милиции, то решил выкупить свободу. Вот и рассказал о них. Но так, мельком, больше их настоящие имена и под какими скрываются.

– Откуда он обоих знал?

– С Тонькой одно время служил вместе, гарной девкой называл, а с Алексом бежал, когда наши наступали в сорок третьем.

– Что он сказал?

– Так, информация по девке, о чем сообщил вор. Антонина Макаровна Макарова из Москвы. Но это еще не все. Он ее видел пару лет назад в городе Лепеле Белорусской ССР. Более того, он смог проследить за ней и узнать, где работает. А главное, фамилию, что она носит по мужу – Антонина Гинзбург, жена ветерана отечественной войны, работает на фабрике. По ней все, что знал, рассказал.

Говорил я медленно, так как каждое мое слово майор записывал.

– Давай теперь по Лютому, – велел он.

– Вот по нему у меня информации вообще мизер. Вор встретился с ним в поезде, даже посидели в вагоне-ресторане, отмечая встречу. Теперь Лютый ветеран войны, орденоносец.

– Шутись? – нахмурился майор.

– Информация не проверенная, так вору сказал сам Лютый.

– Что еще?

– Только то, что сейчас его фамилия Мироненко, кажется, имя – Александр. Но вор был не уверен. Работает тот в редакции газеты, но в какой, не известно. Ну вот, товарищ майор, все, что знал, рассказал. Думаю, найдете.

– Еще бы, с такой информацией они через месяц уже предстанут перед судом, – было видно, как майор был окрылен. – Спасибо, лейтенант.

– Младший лейтенант, – напомнил я.

– Ничего, скоро станешь, какие твои годы. Везучий ты парень, – встал майор. – Кстати, а что там с вором? Отпустил?

– Информация мне показалась стоящей, – кивнул я. – К тому же кошелек вернули владельцу, и претензий она к вору не имела.

– Да? – удивился майор.

– Ну, она ему сумкой по голове пару раз съездила, а та у нее была тяже-е-елой. Кровушку пустила.

– Фамилию узнал?

– Нет, мне тогда не до этого было. Информацию принял, отвесил прощального пенделя и отпустил.

– Ладно, эта информация того стоила. Пока, лейтенант.

– Всего хорошего, товарищ майор.

Беседовали мы не громко и не мешали другим ужинающим постояльцам. Следом за майором я вышел из столовой, но направился не к выходу, а на второй этаж в свою комнату. Наконец-то выплусь.

На следующий день я благополучно погулял по городу, так как проснулся в десять утра и не смог больше заснуть. Наконец в ГУМе купил наручные часы, те самые «командирские», потом взял билет и вернулся в гостиницу, собирать вещи. Там-то меня и застал Андрей.

– Как ты номер для старшего комсостава отхватил? – изумился он, проходя в мои апартаменты – другого слова не подберешь.

– Уметь договариваться надо. Что-то случилось? – оторвался я от открытого чемодана.

– Да нет, по пути заехал. Надо приказ устный передать. Начальник управления приказал найти тебе репетиторов и довести знания обоих языков до совершенства. Сможешь?

– Да не проблема, главное, чтобы свободное время было.

– Найдешь.

– Конечно, куда деваться?

– Тяжелый вчера день был? – спросил Андрей.

– Да уж, по-другому и не скажешь, – честно ответил я.

– Ладно, приказ передал, мне еще на подмосковную базу ехать. Счастливой дороги.

– Спасибо.

Через час я на поезде направился в Киев. На этот раз люди в наружке были другими, да и машину сменили, ладно, хоть убедились, что поезд со мной отправился по назначению, и вернулись на базу.

В купе я сначала был с женщиной и ребенком, но те вышли через две станции, и ко мне поселили двух парней и мужчину постарше. У последнего на пальцах были синие расплывшиеся наколки, выдававшие в нем человека, баловавшегося с законом. Было видно, что они едут вместе, хотя они старались этого не показывать.

Первое время мы ехали спокойно, попутчики, познакомившись со мной, сходили в вагон-ресторан и сели играть в карты. Парней звали Игорь и Влад, урку – Сергеем. Я же похрапывал на верхней полке, закрывшись «Комсомольской правдой», которую читал до этого, поэтому особо не присматривал за ними, хотя лица запомнил.

Через час, когда за окном начало темнеть, один из парней, тот, что тезка, спросил:

– Юра? Деточкин? Как насчет сыграть с нами?

– Да не, не охота, – зевнул я, привстав и сложив газету.

– Да не на деньги же, так просто, на интерес.

– Да? Ну, давайте.

Спустившись, я сел на свободное место и стал глядеть, как парень ловко тасует карты, внутренне улыбаясь.

В течение сорока минут мы просто играли. Когда я наконец разогрелся и втянулся в игру, старший протянул:

– Да чего-то не хватает. Может, мелкую ставку сделаем? Копейку, например?

– Да ну, – поморщился я, – давайте сразу с рубля, видите, как мне прет?

– Ну, если сам предлагаешь, то давай, – как бы нехотя согласился Сергей.

Я достал толстый кожаный бумажник и открыл его, невольно сверкнув перед попутчиками пачкой двадцатипятирублевых. Глаза парней засверкали в предвкушении.

Мы начали играть, все повышая и повышая ставки, пока на кону не оказалось около семисот рублей, причем треть там была моя. К моему удивлению, мне дали взять эту взятку, дальше я понял, что каталы меня начнут раздевать, поэтому подгребая деньги к себе, сказал:

– Ну, хватит. Чую, дальше игра мне не попрет.

– Эй, так не пойдет! – возмутился Сергей. – Нам нужно отыграться!

– Не свисти, думаешь, я не понял, что вы каталы? Ищи других лохов, пидорок.

Было понятно, что просто так меня с деньгами не отпустят. Для шулеров я был как красная тряпка для быка, поэтому пришлось подстегнуть ситуацию.

Униженный катала взревел и выхватил неплохую на вид финку, пока сидевший у окна слева от меня Игорь пытался приобнять, чтобы зафиксировать руки. Но я не дался, вырубив его костяшками левой руки, нанеся удар в висок, а ногой в солнечное сплетение Владу, что сидел напротив. После чего, перехватив замах Сергея, вывернул руку и, усилив скорость и силу удара, сделал так, что тот сам себе вогнал финку в ногу чуть выше колена. Причем так, что лезвие пробило кость и вышло с другой стороны.

– Хорошо поиграли, – похлопал я Сергея по плечу, пока он неверящими глазами смотрел на наборную цветную рукоятку финки, торчащую из ноги. Через секунду в купе раздался дикий вопль боли.

Вырубив вора – не люблю, когда шумят, – добавил Владу, а то он начал приходить в себя, и, открыв дверь, увидел проводницу, которая заглядывала во все купе в поисках источника шума.

– Ангелина Семеновна, можно вас на минутку?

– Да-да, конечно, – направились она ко мне, а подойдя, воскликнула: – Ой, что тут произошло?!

– Это шулера, пытались обокрасть меня в карты. Сообщите, чтобы на ближайшей станции ожидал наряд милиции и карета «скорой помощи», один тут серьезно пострадал.

– Хорошо, – ответила та и поспешила в начало поезда к бригадиру.

К сожалению, в это время у милиции не было привычки, чтобы на поездах находились их сотрудники. Вот и пришлось действовать так.

Когда проводница вернулась с бригадиром, я сидел за столиком и с аппетитом поедал трофейное печенье. Обернувшись на шум открывающейся двери, попросил:

– Можно чайку?

Прояснив ситуацию с бригадиром поезда, мы вместе дождались остановки и встретили сотрудников милиции. Старший наряда в звании старшего лейтенанта изучил мое удостоверение и, вернув его, спросил:

– Это все, или есть что добавить?

– Нет, все было, как я и сказал.

– Хорошо.

На то, что шулерам я представился не настоящим именем, сотрудники транспортной милиции особого внимания не обратили, я просто пояснил, что они сразу мне не понравились.

Милиция быстро составила протокол, где я подписался как потерпевший. Пострадавшего от собственного ножа они уже давно передали врачам, а остальных в наручниках вывели из вагона. Мои деньги вернули, остальное забрали как вещественное доказательство. Их, конечно, удивила сумма, что я вез с собой, по прикидкам – эти триста рублей были зарплатой того же старшего наряда за три месяца, да еще с копейками. Пришлось объяснить, что это гонорар, не вдаваясь в подробности. Все-таки по местным меркам эта сумма была просто охренительной.

Это как в мое время носить в кармане полмиллиона рублей на карманные расходы. Ситуация та же.

Через пять минут поезд тронулся дальше. Молодцы, быстро сработали, за пятнадцать минут управились.

В шесть утра семнадцатого августа мой поезд прибыл на вокзал Киева.

Сдав постельное белье, я с вещами вышел из купе и, пройдя по коридору и тамбуру, оказался на перроне.

– Спасибо за приятно проведенное в поездке время, – с легкой улыбкой сказал я проводнице.

Та только улыбнулась в ответ. После того как воров забрали, до самого Киева в купе я ехал один, за это спасибо проводнице и бригадиру поезда. Пройдя вокзал, я вышел на площадь, но направился не к такси, а к одиноко стоявшему новенькому грузовику Газ-51. Рядом топтался дядя Жора, а на подножке сидел отец, крутя в руках трость.

– Вон он идет, – услышал я.

– Здорово, дядь Жор... Бать, привет, – поздоровался я с каждым за руку. – Давно ждете?

– Да минут пятнадцать, – ответил отец.

– Понятно. Значит так, вон тот склад по приему грузов, я через главный вход, пока выпишу, а вы с другой стороны подъедете, там грузовые ворота.

– Хорошо.

В проходной я показал наряд на перевоз груза, оформленный на товарной станции в Сочи, после чего вызванный завсклада повел меня на территорию станции.

– А, о машине уже позаботился, – пробормотал он, увидев грузовик.

– Ага.

– Груз твой еще вчера пришел, за сутки простоя на складе нужно будет доплатить.

– Раз нужно, доплатим.

– Грузить сами будете?

– Сами, он габаритный, но легкий... Ну, почти.

– Хорошо.

Наконец мы подошли к складу и открыли двери.

– Вот твой два ящика, – указал завсклада.

Отец наблюдал от машины, как мы с дядей Жорой, пыхтя, погрузили оба ящика в кузов, где уже лежали мои вещи.

– Сейчас куда? – спросил дядя Жора, после того как я закончил с оформлением бумаг.

– Сперва ко мне заскочим, нужно выгрузить тот ящик, что поменьше, а потом к родителям.

– Хорошо. Грузитесь.

Я залез в кузов, а отец в кабину. Машина выехала с территории станции и покатила по городу. К семи часам – Марина уже, наверное, встала – мы подъехали к нужному дому. Вдвоем с дядей Жорой мы затащили ящик на второй этаж и поставили его на попа в прихожей, чтобы не мешал ходить. С Мариной я поздоровался быстро, только и успел что чмокнуть в губы и сообщить, что буду к обеду, чемодан и гитару я тоже занес в нашу квартиру. Только после этого мы поехали к родителям. Дядя Жора немного удивился возрасту моей возлюбленной, но ни словом, ни мимикой не показал своего удивления. О нашем сожительстве я не распространялся, попросив о том же и остальных. Так что, кроме родителей и брата, то, что я живу с женщиной и работаю в комитете, никто больше не знал.

Когда машина задом встала у подъезда дома родителей, дядя Жора вылез из кабины и с тоской посмотрел на пятый этаж, где жила моя семья.

– Думаю, лучше его распаковать и перетаскать вещи на руках, а ящик в сарай, еще пригодится, – предложил я.

– Отличная идея, – обрадовался дядя Жора. Отец согласно кивнул и направился наверх, пока мы распаковывали ящик монтировкой и молотком.

Перетаскивание вещей много времени не заняло, за сорок минут управились, после чего отец запер квартиру и спустился вниз, мы как раз разгружали пустой ящик в сарайчик, что числился за квартирой родителей. Там много что хранилось, включая велосипед Толика, перешедший ему в наследство от меня. Вот и ящик там уместился. Сарай находились сразу за домом, один счастливый обладатель автомобиля переоборудовал деревянный сарайчик в гараж, сменив ворота. Еще у двоих были мотоциклы в собственности, остальные радовались велосипедам.

– Я вечером зайду, – сообщил я отцу, и мы распрощались. Отец с другом и однополчанином вернулись на работу, а я на автобусе поехал в управление. Нужно было сообщить о своем приезде и доложить о случившемся в поезде. Фамилии шулеров, списанные с паспортов, что предоставили милиционеры, были у меня в блокноте.

Открыв тяжелую дверь, я прошел в хорошо освещенное помещение управления.

– А, наш любитель азартных карт, – улыбался у стойки дежурного капитан Ермолин. Самого дежурного видно не было, видимо, отошел по надобности, попросив временно заменить на посту начальника одного из отделов, что проходил мимо.

– Здорово, – протянул я руку, потом уныло спросил: – Что, уже все знают? Адамыч тоже?

Адамычем я называл майора Рощина, именно он курировал меня в республиканском управлении.

– Он как раз был в помещении связи, когда пришла телеграмма из милиции.

Ермолин об этом не мог не знать, именно он командовал связью в управлении.

– Понятно.

– Что там было-то?

– А, трое кидал пытались меня раздеть, когда в игре мы достигли пика. В результате я отказался дальше играть, они разозлились, пришлось вырубать... Что там, я сильно наследил?

– Да не особо. Ты в принципе там и не нужен, оказалось, они три дня назад убили капитана второго ранга из Черноморского флота, так что сейчас раскручивается это дело, а твой случай так, для объема дела.

– Это хорошо, – обрадовался я. Рапорт напишу – и все, дальше без меня разберутся, тем более заявление мое в милиции есть.

В это время по лестнице бегом спустился старший лейтенант Асафьев с повязкой дежурного на рукаве. Поручкавшись со мной, он поблагодарил Ермолина, который отправился по своим делам и занялся мной. Записав время прибытия, выдал бумагу и перьевую ручку, с чернилами в непроливайке.

– Товарищ майор велел написать подробный рапорт по происшествию в поезде.

– Ага.

Взяв ключи от свободного кабинета, я устроился за столом и быстро накидал рапорт, потом переписал его набело, проверил на ошибки и кляксы, и вернувшись к дежурному, протянул Асафьеву.

– Так, – он убрал рапорт в папку и сказал: – Тебя в шестнадцатом кабинете ждут.

– Кто?

– Там узнаешь... Кстати, ты когда из отпуска выходишь?

– Когда захочу, у меня же свободный график, но скорее всего, когда в школе начнутся занятия.

– Ясно. У нас две новеньких, их, наверное, за тобой закрепят. Сейчас они пока свободно тренируются.

– Разберемся.

Поднявшись на второй этаж, повернул направо и постучался во вторую от лестничного пролета дверь.

– Войдите, – услышал я знакомый голос.

Пройдя в кабинет, я коротко поздоровался:

– Здравия желаю.

За столом сидел хорошо знакомый мне подполковник Власов из московского управления, по правую руку, боком ко мне, все тот же неизвестный мне мужчина, что проверял меня на психологическую совместимость. Тот самый, которого я принял за психолога.

– Садись... – велел подполковник, и как только я уселся напротив психолога, спросил: – Знаешь, почему мы с тобой встретились?

– Думаю... это окончание проверки.

– Однако, – оба присутствующих переглянулись. Я был уверен, что психолог носит офицерское звание, даже на глазок прикинул, что он капитан. – Поясни, почему ты пришел к таким выводам?

– Да все было шито белыми ниткам, – спокойно пояснил я. – Может, в шестнадцать лет и принимают на службу в комитет, честно говоря, не знаю. Но то, чтобы выдать оружие и удостоверение – это уже слишком. Наверняка товарищу капитану что-то не понравилось, и он предложил провести проверку таким нетривиальным способом. Ну, или начальство велело... Я больше склоняюсь к последнему варианту.

Подполковник откинулся на спинку стула и задумчиво посмотрел на меня.

– Сразу догадался?

– Нет, – честно ответил я. – Были сомнения, но дошло чуть позже. Картинка не складывалась, вот и пришлось задуматься. Мы же из первого управления, работать надо за границей, так что проверке я не удивился. Хотя думаю, что из Союза меня не выпустят, наверняка инструктором оставят на одной из закрытых подмосковных баз.

После моих слов последовала долгая пауза, потом Власов наконец сказал:

– Умен, достаточно хороший следователь. Отлично подготовлен физически, владеет навыками рукопашного боя и методиками спецподразделений. Хороший оперативник. Любит хорошо одеваться и красиво выглядеть, но не перебарщивает. Психологически устойчив, даже в тяжелом положении сперва думает, потом действует. Политически грамотен, комсомолец. Годен к работе в органах... Это написано в твоём личном деле.

Я пожал плечами на эти слова. Мне казалось, что личного дела у меня не существует, так, липа, хотя, конечно, зарплату получал.

– За все время владения удостоверением сотрудника КГБ ты предъявлял его всего лишь пять раз и всегда по делу. То есть не кичился своим положением – корочками не махал, пистолетом не угрожал... – Я открыл было рот, но подполковник меня остановил жестом. – Да я знаю про те два дела, в распутывании которых ты принимал участие.

– Я так понимаю, моя работа в органах закончилась? Вы сделали нужные выводы и поняли, что в данный момент я вам не нужен.

– Аналитик ты неплохой... Ладно, до совершеннолетия ты свободен. Сдашь оружие и удостоверение и пока свободен. Ты особо не афишировал свою службу, продолжай в том же духе.

– Есть.

Около двери меня остановил вопрос Власова:

– Ты нашел учителей для совершенствования языков?

– Пока не успел, только сегодня приехал, но не думаю, что это проблема. Капитан Ермолин из нашего управления как раз занимается в специальном кружке, изучая итальянский. Думаю, он подскажет.

– Не затягивай с этим.

Я вышел из кабинета и, откровенно говоря, вздохнул свободнее. Вроде прошло все как надо.

Быстро спустившись вниз, я узнал на месте ли те, кто мне нужен. Оказалось, да, рабочий день только начался. Взяв из управления разъездную машину, съездил домой и, собрав все выданные вещи в чемоданчик, вернулся обратно, после чего до вечера сдавал дела. Бюрократия, чтоб ее.

– Как же так-то? – растерянно спросил дежурный. Что говорить, мне было известно, поэтому ответил четко:

– Стажировка закончилась... Видимо, не оправдал надежд... Кстати, Ермолин у себя?

– Да, только что от начальства вернулся.

Завернув к начальнику отдела связи и радиопеленгации, я узнал у него насчет уроков иностранных языков. Тот дал мне пару адресов с отличными специалистами по французскому и английскому. У дверей я спросил насчет учительницы итальянского. А что? Чуть меньше года впереди, теперь я свободен, и есть личное время, займусь освоением еще одного иностранного языка. Получив нужный адрес, я вышел из управления. Теперь у меня в кармане только паспорт, права и комсомольский билет.

Прогулявшись немного, я остановил частника и доехал с ним до улицы, где жили родители, водителю было прямо, а мне направо. Тут недалеко осталось, полквартиры, дойду пешком.

Я еще отходил от тех перемен, что произошли со мной в течение дня (уже привык к тяжести оружия и удостоверению в кармане), но у подъезда встряхнулся, отбросил в сторону воспоминания и стал быстро подниматься по лестнице.

Родители вернулись с работы примерно час назад, да и Толик с сестрами были дома, поэтому они уже извелись, ходя вокруг свертков и других вещей, что были аккуратно сложены в углу общего зала. Трогать их без меня не позволяло воспитание. Думаю, опоздай я минут на пятнадцать, и мама с братом и сестрами начали бы потрошить свертки. Уж очень они любопытные. И так извелись все, особенно сестры. Маленькая Тома сидела на одном из ящичков, охраняя, чтобы без нее не вскрывали, поэтому мое появление всех изрядно обрадовало.

Несмотря на всеобщее любопытство, мама, не обращая внимания на недовольство остальных детей, пригласила всех к столу, и только после ужина мы, наконец, подошли к привезенным мной подаркам, и на двадцать минут я превратился в августовского Деда Мороза.

Отцу ушло двадцать шесть бутылок с коллекционными алкогольными напитками. Включая мадеру, которую я достал всеми правдами и неправдами. Был даже импортный вариант «Арарата», правда, в единственном числе. Отец тут же начал с удовольствием крутить слегка запыленные бутылки, прикидывая, хватит ли для них места в его небольшом самодельном погребе, под тахтой или в сарайчике. Думаю, этих запасов хватит ему лет на пять.

Маме я выделил шесть разных материй на платья для нее и сестер. Брал самый шик, что сейчас в моде и трудно достать. Большая часть тканей – импорт из Сингапура.

– А это что? – спросила она, крутя в руках сверток с материей.

– Это для портьер, а это тюль, – отозвался я, отрываясь от вскрывания очередного ящичка. Рядом пасся Толик, он уже знал, что в этом ящичке подарок для него.

– Много.

– Так и с родственниками надо поделиться, поэтому и брал с тройным запасом.

– А, тогда ладно. Это ты молодец.

– Там еще тюки с материей на костюмы и для парадных платьев. Завернуты вон в ту фиолетовую оберточную бумагу. Брал оптом помногу, так дешевле выходило.

Пока мама развертывала свертки, я достал из ящика радиоприемник, который хотел оставить на даче, но решил забрать и подарить его Толику. По местным меркам, это мегакруто.

Радостно взвизгнув, Толик быстро обнял меня и, подхватив приемник и запасной комплект батарей, убежал в спальню проверять работоспособность.

Отец с улыбкой проводил младшего сына взглядом, отрываясь от разглядывания этикетки «Арарата». Несмотря на то что приемник стоил астрономическую сумму, отец только одобрительно кивнул. Сестры ревниво посмотрели вслед Толику и требовательно на меня. Им пока ничего не перепало, но я еще и не закончил. Из следующего ящика появились две куклы и игрушечная гармонь. Двойняшкам очень трудно что-либо дарить, поэтому пришлось символизировать. Однако сестренки только обрадованно завизжали и, прижимая к себе подарки, полезли целоваться. Отблагодарив меня, залезли на тахту к отцу и стали придирчиво изучать кукол друг у друга, пока отложив гармошку в сторону.

Из спальни доносились то звуки музыки, то эфирный шум, то речь диктора. Толик активно учился пользоваться подарком.

Наконец я развернул последний сверток, отчего пол теперь напоминал место боя: все было завалено упаковками – и, встряхнув шаль из гагачьего пуха, накинул ее на плечи мамы.

– Это, мам, тебе лично.

– Ой, дорого ведь, – неуверенно осмотревшись и недоверчиво пощупав шаль руками, сказала мама. После чего побежала к настенному зеркалу.

– Вы мне дороже.

Наконец когда вся оберточная бумага была аккуратно сложена и убрана в ящички, мы с братом отнесли все в сарай. Отец туда же убрал часть подаренных бутылок, оставив в доме самое ценное. Ничего, в комнате прохладно, не пропадут.

Вернувшись, я отправил брата и сестер погулять, видно же было, что им охота похвастаться подарками, а сам пригласил родителей к столу.

– Бать, помнишь, я обещал купить вам каменный дом? – обратился я к отцу.

– Было такое дело, – степенно ответил он, согласно кивнув.

Мама об этом не знала, но тактично промолчала. Она была умницей и знала, когда нужно было подавать голос, только вопросительно посмотрела на нас.

– Дело в том, что по воле случая я стал обладателем хорошего каменного дома в центре Сочи. Причем я стал владельцем со всеми правами... Сделал липовую записку от вашего имени, – остановил я отца, сообразив, о чем он хотел спросить. После чего стал выкладывать на стол десяток фотографий, сделанных профессиональным фотографом. На всех снимках дом получился с самой выгодной стороны. На четырех из одиннадцати фотографий снимки были сделаны внутри дома.

Отец нахмурился, ему явно это не понравилось.

– Ты хочешь отдать этот дом нам? – спросила тактичная мама, пока отец переваривал новость. Фотографии быстро разошлись по их рукам. Было видно, что снимки произвели впечатление.

– Да.

После этого я рассказал отредактированную версию получения дома.

– Нам нужно подумать, – кинув в сторону отца быстрый взгляд, сказала мама.

– Только не долго. Время не терпит, школа через две недели.

– О, кстати, – встрепенулась мама. – Школьная форма поменялась. Зайди к дяде Якову, он уже сшил по твоим меркам один комплект из своих запасов материала, но для окончательной подгонки нужна последняя примерка, а то ведь ты все еще растешь.

– Хорошо, зайду. Я пока на кухню схожу, воды хочу попить, а вы думайте.

«Пил воду» я минут пятнадцать, пока в коридор не выглянул отец и не позвал меня. Я как раз разговаривал с главой семьи соседей, Андреем Павловичем Ивановым, поэтому прервав разговор, вернулся в комнату к родителям.

Как только я снова занял стул у окна, положив локти на столешницу, слово взял отец:

– Знаешь, сын, мы честно подумали над твоим предложением и решили... отказаться.

– Причина какая?

– Их несколько. У нас тут множество друзей. Сам знаешь, у меня четыре однополчанина живут в городе, и мы дружим семьями. Маме скоро дадут должность старшей медсестры, Антонина Михайловна на пенсию уходит. В общем, нам тут нравится, есть кому помочь, а там все-таки все чужое.

– Да, причины стоящие, – нехотя согласился я, задумавшись.

Отец был прав, у них сложилась размеренная жизнь простых тружеников, и ломать все это им не хотелось. Да и лучших друзей тоже бросать не стоило. Отец был очень привязан к однополчанам, их и вправду в городе было четверо. Один – дядя Жора, что помог перевозить вещи с вокзала. Он был водителем топливозаправщика в полку отца. Другой – дядя Гоша, начальник отделения милиции одного из районов Киева, бывший особист полка. Третий – дядя Олег, инженер подстанции, бывший борт-стрелок. Ну и, конечно, дядя Рома, балагур и песенник, летчик из соседней эскадрильи. Сейчас он работает режиссером-постановщиком в театре, так что у нас всегда были контрамарочки. Все эти люди вместе с семьями часто бывали у нас, да и мы ходили к ним. Правда, я-то этого не помнил, но всех однополчан и друзей отца к этому времени знал в лицо.

Насчет матери тоже все сложно. Она уже пятнадцать лет работает в этой больнице, и должность старшей медсестры терапевтического отделения, где можно спокойно доработать до пенсии – ее мечта, а то, что место ее, было известно со слов главврача. Он объявил это на планерке, поэтому мама начала потихоньку принимать дела у еще работающей предшественницы.

Также нельзя сбрасывать со счетов всех наших родственников со стороны матери, которые в случае беды помогут без колебаний (успел убедиться в этом не раз).

После некоторого раздумья, я даже подскочил от пришедшей мне идеи:

– Ма! Па! Я вот что подумал: а что если отправить в Сочи прабабушку Серафиму? Смотрите сами, она отдала свой дом внучке, тете Тоне с семьей, а то они по съемным маялись, а сама теперь живет у бабушки с дедушкой. Так вот, я предлагаю отвезти ее в Сочи, и пусть она там живет, а чтобы за ней кто-нибудь присмотрел, то отправить с ней тетю Розу. Она все равно ютится в одной комнатке с дочкой, ее мужем и маленьким ребенком, а там у нее будет своя комната... Подожди, мам, я не закончил. В этой идее есть свои плюсы и минусы. Минус в том, что наша единственная прабабушка будет далеко. Но это один, на мой взгляд, существенный минус. Теперь плюсы. Она будет жить на курорте, а там тепло. Что врач сказал про бабушку? То, что климат наш ей не подходит, а там как раз воздух свежий и целебный. Иодизированный... язык сломаешь. Еще плюсы, мы будем приезжать к ней на лето, причем бесплатно. Это я про всех ее родственников, главное, чтобы мы все там уместились, но это дело житейское. За ней будет следить и вести хозяйство тетя Роза, ей это по силам. Ну как?

Мама продолжала пребывать в задумчивости, поэтому слово взял отец:

– Тут надо решать всей семьей. Собрать совет из детей Серафимы Михайловны, да и у нее совета испросить.

– Да, – согласилась мама, – но идея мне нравится.

– Только побыстрее, времени мало осталось. Мне ведь нужно сопроводить ее туда, прописать и проследить, чтобы прабабушка нормально устроилась.

– Тут мы уже сами решим. Не волнуйся, сегодня Толик всех объедет на велосипеде и предупредит, что в доме у дедушки будет проходить семейный совет.

– Тогда ладно... Кстати, последний момент. Как вы знаете, я получил гонорар от издательства, часть ушла на подарки, а вот это остаток, думаю, вам нужнее, – протянул я пачку денег отцу.

– Это твои деньги, – отказался отец.

– Вам нужнее, все-таки у вас дети. А у меня еще есть, хватит на жизнь.

- Сколько тут? – спросил отец, принимая толстую пачку денег.
- Двести тридцать пять рублей.
- Ладно... спасибо, сын.

В это время в коридоре послышалась приближающаяся музыка, и в комнату в сопровождении двух приятелей-соседей вошел Толик со «Спидолой» в руках.

– Ладно, я пойду, а вы пока переваривайте все, что я вам сказал.

– Толя, бери велосипед и съезди к дяде Якову... – мама начала наставлять брата, а я воспользовался заминкой и стал собираться.

Быстро попрощавшись с родителями, я спустился во двор и, помахав сестренкам, которые возились в кустах с подружками-соседками, направился в сторону ближайшей автобусной остановки. Было уже полдевятого, но народу на улицах хватало. Особенно просто прогуливающихся парочек, некоторые были в возрасте.

Дома меня ждало то же представление, что и у родителей. Марина охала и ахала, пока я доставал из ящика подарки.

– А это что?

– Материал для костюма, – честно ответил я ей, обнимая. – А то стыдно сказать, великолепная учительница с великолепной фигурой – и только один рабочий костюм. Ничего, я тебя завтра отведу к нашему семейному портному дяде Якову, мне тоже как раз к нему надо, и он тебе сошьет три женских костюма. Видишь, я специально подобрал материал, чтобы они были разного цвета. А это для зимы, пощупай, какой теплый материал?

– Спасибо.

– Потом обувью займемся.

Ночью, уставший, я обнимал также уставшую от постельных игр Марину – полтора месяца все-таки не виделись, – думал о том, что сегодня произошло. Честно говоря, у меня только сейчас появилось на это время.

То, что меня отлучили от службы, конечно, неприятно, но ничего страшного. И так понятно, что у начальства на меня особые виды, так что подождем. Главное – это непонятно, мне продолжать тренировки в спортзале или нет? Никаких инструкций на этот счет я не получал, так что если неофициально, то вполне возможно. Форму я там поддерживал отличную, и терять высококлассных специалистов для спарринга не хотелось бы. Но думаю, раз ничего не сказали, значит, можно продолжать тренировки.

С домом в Сочи все тоже не так просто. Просто бросать его на несколько лет не хотелось бы. А так, пусть живут в нем родственники – и присмотрят, и встретят, когда приеду отдыхать. Тем более бабушка. Она только рада будет. Ну, а то, что на весь сезонный курорт там будут жить родственники во время отпусков, так что в этом плохого? Они мне помогали, должен же я как-то их отблагодарить. Думаю, бабушка все-таки согласится.

Уткнувшись лицом в пышную гриву своей, можно сказать, сожительницы, я закинул на нее ногу и провалился в сон. Ничего, утро вечера мудренее.

* * *

За окном слышался ровный перестук вагонных колес, однако он не мешал нам общаться и даже играть в подкидного дурака. В купе на четыре места набилось аж одиннадцать человек, и сейчас тут стоял гвалт. Бабушка Серафима согласилась на мое предложение, ну а дальше решали взрослые родственники, что и как делать, отстранив меня в сторону. Поэтому бабушка и такая же довольная тетя Роза быстро выписались в паспортном столе и стали собираться. Тут помог дядя Гоша, сделав все документы без волокиты.

В общем, кроме меня, бабушки Серафимы и тети Розы с нами ехали Толик с сестрами (мама отпустила их со мной на курорт, пока не начались уроки в школе). Также, чтобы просле-

дить, с нами ехал дядя Рома, профессиональный строитель, с женой тетей Адель, двоюродной сестрой моей мамы и тремя своими детьми. Еще с нами был добродушный здоровяк Амрам, холостой парень двадцати трех лет от роду. Его взяли в качестве мускульной силы. Грузчиком, проще говоря. Вот мы все и набились в купе, где ехала бабушка. Мы с дядей Ромой и тетей Адель играли в карты, остальные о чем-то общались, отчего в купе стоял настоящий гам, которым нам в принципе не мешал.

Сегодня было девятнадцатое, поэтому я надеялся, что мы все успеем сделать.

Когда Тома, перебравшаяся с колен Амрама на колени к тете Розе, снова смахнула на пол колоду, дядя Рома, наконец, не выдержал и предложил перейти в соседнее свободное купе – ехали мы заняв три купе.

Пребравшись в мое купе – я спал на верхней полке слева от окна, – мы продолжили. Подкинув очередную карту, я вспомнил, как мы прощались с Мариной. Надо сказать, прощались не так чтобы спокойно. Та была недовольна, что я снова пропадаю. Привыкшая к постоянному сексу, она не хотела отпускать меня снова на долгое время. Так что пришлось убеждать. Ничего, пусть пока на примерки бегают. Дядя Яков взялся шить ей костюмы. Кстати, забавно, но новая форма была очень сильно похожа на ту, что я помнил из своей прошлой жизни. Немного измененная, но все же.

– Я вышла, – кинув последнюю карту, довольно улыбнулась тетя Адель.

Кивнув, я продолжил, пока не навесил дяде Роме погоны. Третьи, между прочим. Так и ехали.

Несмотря на то что все три купе были буквально завалены скарбом бабушки и тети Розы, да еще пару ящичков отправили товарным составом, ехали мы весело, с шутками и песнями. Я, наконец, убедился, что голос у меня перестал ломаться в неожиданный момент и не выдавал петуха, и начал потихоньку играть и петь. Людям вроде нравилось.

Так как в этот раз в Москву мне было не надо, то мы прямо из Киева, без всяких пересадок, направились в Сочи, что заняло гораздо меньше времени. К вечеру мы уже двигались у побережья, притормаживая при приближении к вокзалу. Одна из сестер сидела у меня на коленях и, вытянув шею, с восторгом смотрела на синие морские волны, подсвеченные заходящим солнцем. Множество лодок, катеров и белоснежных пароходов, включая экскурсионные, красиво смотрелись на общем фоне.

– А это что? – спросила она, вытянув ручку в сторону какого-то корабля. Тот действительно заметно отличался от остальных посудин.

Присмотревшись, я уверенно ответил:

– Военный корабль. Вроде бы с водолазным оборудованием.

Вещи уже были собраны, поэтому пока дядя Рома и Амрам выгружали вещи на перрон, где их охраняли остальные, я поспешил к стоянке такси. Нужно договориться о перевозке.

Заметив знакомую бежевую «Победу», весело хмыкнул и направился к ней.

– Добрый вечер, Тимофей Юрьевич.

– О, Игорь, – удивленно обернулся он, отрываясь от чтения газеты. Водитель сидел в машине, но дверь была открыта. – Какими судьбами, снова на отдых?

– Можно и так сказать. Вещи некоторые привез. Нужно бы их перевезти в мой дом.

– Да не проблема, грузись, – указал он на свою «Победу».

Я с сомнением посмотрел на машину и честно ответил:

– Да у меня вещей много, на вашей машине нужно сделать ходки три, а с людьми – и все пять.

– Грузовая нужна? – понятно спросил он.

– Было бы неплохо.

– Сейчас все сделаем. Вы пока грузитесь, я быстро.

Тимофей Юрьевич направился куда-то вниз по улице, а я, захлопнув водительскую дверь, вернулся на перрон, где меня ожидали все родственники.

– Насчет машин договорился. Сейчас часть вещей грузим в «Победу», потом подъедет другая машина.

Когда Тимофей Юрьевич вернулся пассажиром в кабине старенького Газ-АА с железной будкой, «Победа» уже была загружена и на переднем сиденье, охраняя, сидела бабушка Серафима. На заднем сиденье возились обе моих сестренки и две дочурки дяди Ромы, Фания и Лиза. Сын дяди Ромы, Олег, годоводок Толика, помогал нам носить вещи.

Пока Тимофей Юрьевич, поприветовавшись с пассажирами, проверял укладку багажа на верхнем багажнике, разматывая бечевку, мы стали носить вещи с вокзала в грузовую машину.

– Все ко мне не влезет. Нужна еще одна машина, – сказал Тимофей Юрьевич, когда мы закончили. К этому времени уже стемнело и загорелись фонари, освещая площадь.

– Ничего, – остановил его дядя Рома. – Полуполторка не полностью загружена, доедем в кузове.

Тете Адель в «Победе» места уже не хватило и дядя Рома посадил ее в кабину полуполторки, ну а мы все полезли в кузов.

Хорошо, что мне попался Тимофей Юрьевич, дорогу он знал прекрасно, и показывать было не надо. Правда в этот раз мы ехали гораздо дольше, сказывалась ночная темень и множество гуляющих прохожих на улицах. Но как бы то ни было, через полчаса мы остановились у родной уже калитки.

– Дядь Ром, вы пока выгружайтесь, а я открою дом и включу электричество, а то дом обесточен.

– Хорошо, – кивнул тот, также спрыгивая на землю, и тут же велел Амраму: – Поддай мне тот узел с бельем.

«Победа» стояла чуть впереди у калитки, а вот полуполторка как раз у въездных ворот, я же направился именно к калитке.

Достав ключ, отомкнул замок и прошел на территорию двора, направившись к дому на ощупь, ища в связке нужный ключ. Темень стояла хоть глаза выколи, да и единственный фонарь на улице не дотягивал до моего дома. Дети, включая сестренку, стояли у калитки боязливо, но с интересом заглядывая во двор, их хорошо освещали фары полуполторки. Вряд ли они что видели, хотя, может, моя белая рубаха отсвечивала, но толкаясь, они продолжали стоять в проеме.

Мне попался ключ от выхода со стороны кухни, к тому же щиток находился именно там, поэтому по тропинке обойдя дом, я подошел к нужной двери, на ощупь пытаюсь вставить в замочную скважину ключ. Наконец замок щелкнул, я открыл дверь и повесил его на дужку, после чего убрал связку в карман, осторожно прошел на кухню, однако как ни берегся, предельно стукнулся коленом об табуретку.

Найдя щиток и нащупав на столе предохранители, вставил их в гнезда допотопного счетчика, после чего щелкнул выключателем. Яркий электрический свет больно ударил по привыкшим к темноте глазам. Щурясь, я подошел к выходу и защелкнул тремя выключателями, включая свет во дворе, у сарая, а также лампу в саду над столом.

Выйдя через открытую дверь наружу, я остановился и облегченно вздохнул. Почему-то мне казалось, что из темноты в доме на меня кто-то кинется и начнется жесткий замес в полной темноте. Понятное дело, что детские страхи, но, блин, уж больно какие-то реальные.

Оглянувшись на освещенную дверь на кухню, я направился к двери на веранду, чтобы открыть ее, так как вещи будем заносить именно через нее. Малыши уже носились по освещенному двору, прабабушка Серафима в сопровождении тети Адель шла к садовому столу – там были удобные лавки со спинками, а Амрам возился со створками ворот, пытаюсь их открыть, чтобы загнать полуполторку во двор. Наконец он убрал брус в сторону и открыл створки.

Когда я открывал хлипкий замок на веранду, рядом уже паслась малышня, нетерпеливо подпрыгивая на месте. Когда дверца распахнулась, они разбежались по веранде, чуть не перевернув плетеное кресло, а я прошел к другой двери, отпер ее и прошел в прихожую, чтобы включить свет.

Пока я освещал дом, проходя по комнатам, а дети следовали за мной, в дом с большим узлом в руках вошла тетя Роза, с интересом оглядываясь. Было видно, что дом ей понравился. Так как они с фотографий и рисунков были знакомы с планировкой дома, то немедленно начали носить вещи и укладывать их, что на веранде, а что и в зале. Среди вещей блестели алюминием новенькие сложенные раскладушки. В доме их не было, вот и пришлось озаботиться покупкой еще в Киеве.

После того как обе машины были освобождены и с водителями расплатились, мы наконец провели бабушку в дом. На самом деле она была довольно бойкой и тот еще электровеник, но любила показывать свою немощность и чтобы о ней заботились. Мы все это понимали, но не обижали прабабку.

Пока родственники изучали дом, я проверил, как закрыты ворота, и в калитке столкнулся с Тамарой Николаевной.

– Ой, Игорь, – вздрогнула та от неожиданности. – А я увидела, что кто-то хозяйничает у тебя, вот и поспешила узнать, кто это.

– Добрый вечер, Тамара Николаевна. Я как раз к вам собирался, предупредить, да вот не успел. Проходите, знакомить буду со своими родственниками. Мы на семейном совете решили поселить тут мою прабабушку Серафиму Михайловну и двоюродную тетку, Розу Игоревну.

– Понятно.

Мы с соседкой через веранду прошли в дом, где женская половина уже начала потрошить узлы, чтобы приготовить постели – как я уже говорил, у нас с этим был напряг.

– Здравствуйте, – громко поздоровалась Тамара Николаевна.

Знакомство прошло быстро. Поболтали с бабушкой, узнав, что мы только-только приехали и из еды у нас остались крохи с поездки, соседка пообещала принести крупы и хлеба. Я показал дяде Роме и Амраму все помещения, а также подпол, в который спустился и открыл перекрытую воду. После этого мы вышли во двор и направились к другим постройкам. После инспекции туалета, который тут же занял Толик, мы осмотрели летнюю кухню, душевую, в бачок которой как раз заливалась вода по шлангу, и закончили сараем. При осмотре я выкатил наружу мотоцикл, который тут же оккупировали Олег и Толик.

– Ты про него ничего не говорил, – радостно поглаживая сиденье и руль, пробормотал Толик, пока Олег, сидя на мотоцикле верхом, пробовал переключать скорости. Дома у него остался мопед, так что какой-никакой опыт был.

– Да говорил, правда, тебя рядом не было. Сейчас завести не получится, он на консервации, нужно убрать смазку и залить масло и бензин.

– Мы сделаем, – уверенно кивнул Олег и, поставив мотоцикл на подножку, присел, разглядывая мотор. – Где ветошь, масло и бензин?

– Слева от входа под верстаком. Инструменты на полке справа. Ветошь в ведре.

– Лады.

У сарая, да и в нем самом, светили лампочки, поэтому света им хватало.

Оставив мальчишек возиться с мотоциклом, я пошел к садовому столу, за которым устроились дядя Рома и Амрам, устало откинувшиеся на спинки лавок.

Я присел рядом с Амрамом и спросил:

– Как вам?

– Ночью, конечно, плохо видно, но и так понятно, что отлично. Не в развалину селим бабушку, – зевнув, сказал дядя Рома.

– Хороший дом. И участок, – баском подтвердил Амрам.

В это время от калитки, хрустя галькой, в сторону дома прошла Тамара Николаевна с посудой и узелками. На середине пути ее перехватил Толик и помог занести все в дом, откуда слышался тихий разговор новых жильцов.

Во дворе появились обе мои сестренки, неся в руках кружки и кувшин с водой. Водопровод-то в доме действовал.

– Вот спасибо, красавицы, – обрадовался Амрам. Пить действительно хотелось всем.

Попив воды – она была свежей, воду явно слили из крана, – посмотрел на часы.

– Десять вечера, – известил я родственников. – Пойду узнаю, что там с ужином, и можно готовиться ко сну.

На кухне тети Роза и Адель готовили бутерброды, а Тамара Николаевна наливала в кружки кипяток, что принесла с собой. Это хорошо, не нужно будет топить печь.

Посмотрев на чайник, я подумал:

«Нет, все-таки надо будет купить электрочайник, очень нужная вещь. Да и насчет электрической плитки подумать. Ну, в крайнем случае о примусе. Вон, Тамара Николаевна за пару минут с помощью примуса воду в чайнике вскипятила. Все времени меньше уходит, чем на растопку печи».

После ужина, пока женщины укладывали детей, мужская часть, прихватив полотенца, направились к морю. А что, и народу меньше, и вода такая же теплая, фиг с ним, что темно.

Через час, когда мы вернулись – задержались из-за Толика и Олега, которые никак не хотели вылезать из воды, – нас разместили на ночевку. Дядя Рома ушел в дом, а мы с Амрамом улеглись на полу веранды. И ничего, что твердо, зато выпались замечательно. Толик с Олегом спали в саду на одной раскладушке. Нужно завтра поставить палатку, это частично решит вопрос с койками.

Утром, приняв душ, я быстро позавтракал и помог пацанам с мотоциклом, после чего оседлав его, сделал круг по кварталу, по пути заехав к участковому. Именно в его ведении знакомство с новыми жильцами, да и помощь при прописке в паспортном столе тоже не помешает.

После этого посадил сзади Олега и поехал к магазину, где мы закупили продукты на ближайшее время. Олег все это повез обратно, а я легким прогулочным шагом направился в райотдел узнать насчет прописки и накидать образец заявления, чтобы бабушка с тетей Розой дома спокойно, не торопясь, написали их.

К обеду, когда я вернулся, летняя кухня уже бодро дымила во дворе, за столом в тени фруктовых деревьев сидели взрослые, только тети Адель не было, она с малышкой ушла на пляж до вечера, да еще за столом сидела знакомая коренастая фигура в темно-синей милицеевской форме.

Участковый выполнил мою просьбу и прибыл знакомиться. Это много времени не заняло: приняв заявление от бабушки и тети Розы, он велел завтра утром прибыть в райотдел, потом уже в жилконтору и отметиться там, чтобы им начисляли пенсию. На этом вся бюрократия заканчивалась.

В это время снаружи послышался рев мотоциклетного мотора, который заметно стих при приближении, спустя пару секунд через одну открытую створку ворот во двор на малом ходу въехали Олег и Толик. Судя по канистре, что держал Толик, катались они к заправке за бензином.

Митрохин тоже обернулся на шум, поставив на столешницу кружку. Заметив, что на мотоцикле катаются подростки, он хмуро повернулся ко мне и неодобрительно покачал головой.

– Ладно, я пойду. Если что, обращайтесь, – сказал он, вставая и поправляя планшетку.

– Обязательно, – кивнул я. Надев фуражку, милиционер направился к калитке, я его сопровождал.

На улице участковый обернулся и попросил:

– Особо не давай им гонять, сам понимаешь, до беды тут не далеко.

– Понимаю, – серьезно кивнул я.

Вернувшись, я сел рядом с дядей Ромой и, достав из кармана свернутую ученическую тетрадку, сказал:

– Ну что, будем составлять список того, что требуется купить в первую очередь?

– Ага, – кивнул он и, сделав еще один глоток чая, велел: – Пиши, что нужны пять – шесть матрасов и подушек, а также раскладушки и постельное белье, а то пришлось тесниться на том, что есть. Палатку Амрам вон ставит, но и туда надо бы пару матрасов и подушек.

– Ага, – начал я записывать.

– Посуды не хватает... – влезла тетя Роза. Дальше советы посыпались со всех сторон, даже бабка дала парочку. Слегка высунув язык, я наклонился над тетрадкой и грифельным карандашом записывал все требующиеся вещи острой необходимости.

– Бумага в туалете кончилась, – не остался в стороне Амрам, закончив с палаткой.

– Что, всю газету извели? Я же там на сто листов нарезал, – удивился я. – Ладно, отправим пацанов в киоск «Союзпечати».

Через час, когда список был составлен и дополнен, я почесал затылок и понял, что нужно снова нанимать машину, благо хоть платить мне ни за что не надо было. Всея нашей многочисленной семьей сбросились, так что деньги на обстановку были, и было их немало.

* * *

Тяжело дыша, весь мокрый от пота, я бежал вверх по улице, лавируя между отдыхающими и с интересом на них поглядывая. Сразу, на первый же взгляд, можно было определить, у кого заканчивается отпуск – по сильному загару, кто на середине, ну и кто еще только прибыл. Они выдавали себя бледной кожей или загорелой, но не в тех местах. Скорее всего, на огородах, где они вкалывали на дачном участке. Местный загар особый и легко отличим от другого.

– Игорь? – окликнул меня на пересечении улиц знакомый голос. Я в это время как раз с интересом разглядывал двух спускавшихся навстречу нимф моего биологического возраста, которые, кстати, тоже не без интереса провожали меня взглядом, поэтому отреагировал не сразу.

Обернувшись, я увидел спускающегося ко мне дядю Якова, нашего семейного портного. На нем были стильные зеленые шорты, причем сшитые по образцу моих, того же цвета не застегнутая рубашка навыпуск, пляжные тапки, белая широкополая шляпа, защищающая от палящих лучей солнца, пляжное полотенце на шее и солнцезащитные очки. Если бы я не знал его лично, то подумал бы, что дядя Яков – какой-нибудь иностранец, гость страны. Что-что, а одеваться мои родственники умели, тем более портные.

– Добрый день, – улыбнулся я. – Купаться?

– Да, мои все уже на пляже, вот, буду их искать.

– Да наши всегда у причала купаются, чтобы в воду прыгать можно было. Справа на песке вещи укладывают. Там их и найдете.

– Ничего, найду... Ты, я смотрю, все бегаешь?

– Надо держать себя в форме.

Я продолжал бежать, разговаривая с дядей Яковым, только на месте. Не надо снижать темп, и так двадцать три километра пробежал в горы и с них. В отличие от дяди, одет я был по советскому: в белую майку, синие спортивные штаны, подвернутые до колен, и стильные, но все-таки наши спортивные беговые кеды. Были у меня и импортные, но они остались в Киеве.

– Ладно, беги, а я пока искупаюсь, а то как прибыл, так все – рутина закрутила. Помогал бабушке шить шторы для веранды и раскраивал простыни и пододеяльники.

– Удачи, – кивнул я и побежал по параллельной улице, где стоял мой дом, а дядя стал спускаться к пляжу.

За последние семь дней мы проделали титаническую работу, но все же дом приобрел полностью жилой вид, появилось еще пять новеньких раскладушек, постельное белье мы привезли из Киева. Но все равно частично пришлось докупать. Также снова нанятый плотник-столяр сбил еще мебели, да и до сих пор продолжал работать по заказу. Более того, бабушка Серафима была большой любительницей бани – приняв душ, она категорически пожелала баню. Пришлось снова нанимать бригаду дядьки Анвара. Баня нам встала в двести сорок шесть рублей вместе с работой. Но новенький сруб уже блестел в углу участка рядом с навесом, где лежали купленные дрова. Сейчас дядя Рома заканчивал приводить ее в надлежащий вид. Еще вчера, когда рабочие сдали постройку, мы ее испробовали, всем понравилось, особенно парная. Однако дядя Рома, как профессиональный строитель, продолжил работу. Он вырезал лобзиком красивые наличники для окон и дверного проема, собирался так же украсить и окна дома. Было видно, что он истосковался по работе, вот и творил между отдыхом, купанием и сном.

Вся бюрократия тоже была выполнена, теперь бабушка и тетя Роза были прописаны в моем доме. Скоро почтальон будет приносить пенсию, так что все нормализуется. Я после покупки примуса и других опасных предметов застраховал дом на кругленькую сумму в Госстрахе. Не забыли мы забрать груз, прибывший товарняком. Там все бабушкины вещевые накопления, включая два сундука. Их тоже доставили на место. Часть вещей ушла в сарай, остальное честно заняло свое место в доме и на стенках. Было много фотографий семьи в рамках. Вешал их, кстати, я.

У семьи Сашкиных, то есть у дяди Ромы Сашкина, заканчивался отпуск, и они уже купили билеты, собираясь завтра отправляться на поезде домой. У нас тоже подходило время, но я решил задержаться еще на сутки, уж больно сестренки были в восторге от моря, да и Толик с Олегом там пропадали целые дни.

В общем, когда все было готово – только баня еще строилась, – мы отправили домой телеграмму о готовности принимать охочих до моря отпускников. А что? До окончания бархатного сезона еще месяц, пусть отдыхают. Место есть.

Вот вчера вечером и прибыла первая партия из семьи Рузевых, то есть дяди Якова, его жены и двух их детей. Старшая, Ланна, была моей сверстницей. Младшая дочка Оля – на год старше моих сестреночек. С ними прибыла тетя Маша, дочка тети Розы, с маленьким сыном. Она решила отдохнуть и узнать, как устроилась мама. Жаль, ее муж, Кирилл, работник прокуратуры, не смог приехать – работал. Семейству Рузевых была выделена веранда, нас с Амрамом переселили к пацанам в сад, благо раскладушек теперь хватало (сестренки и другие девчата сразу отбили у нас палатку и спали в основном в ней). Ну, а тетя Маша на время отдыха поселилась в комнату к своей маме.

По сообщению от моей мамы, в течение недели должны прибыть еще отдыхающие. Но это уже будет без нас, к этому времени мы вернемся в Киев.

Если кто-то думает, что я был недоволен тем, что мой дом, можно сказать мое убежище, превратилось в санаторий для родственников, которые тратились только на поездку туда – обратно, на сувениры да на «стол», то он ошибается. Наоборот, я был доволен этой ситуацией. Не надо беспокоиться, что с домом что-то случится, за ним есть, кому присмотреть. Да и родственникам угодил, да еще как угодил! В общем, спасение моей жизни того стоило. Пусть отдыхают. Я не жлоб и могу быть благодарным.

Повернув на соседнюю улицу, я на следующем перекрестке свернул к дому, пробегая по склону вниз, мимо нависающих над узкой, мощенной старой брусчаткой улицей, ветвями фруктовых деревьев и виноградников. Улица была не ровной, а в виде зигзага, поэтому забор с калиткой и воротами открылись передо мной за сто пятьдесят метров. При приближении к

дому, до которого оставалось метров сто, я увидел стоявший у калитки новенький «газик». Стоял он задом, являя мне запасное колесо на боку, но и за сто метров я определил, что машина принадлежит милиции. Это было легко: цвет, видневшаяся полоса на борту, да и редкая для них люстра-колпак на крыше никуда не девалась. Я остановился, разглядывая машину и улицу. Однако десяток отдыхающих, что поднимались или, наоборот, спускались к пляжу, вели себя как обычно, без особого интереса поглядывая на стоявшую машину.

Вытянув руки, я сделал десяток приседаний, уравнивая дыхание, после чего продолжил бег к дому, размышляя на бегу.

«Машина явно к нам, стоит точно у калитки, и появилась она тут только что, иначе дядя Яков упомянул бы о ней. Да и я слышал звук двигателя, когда бежал по параллельной улице. Интересно, что им надо?»

Подбежав ближе, я заглянул в салон и увидел водителя-сержанта, который оторвался от чтения газеты и с интересом посмотрел на меня. Сержант был мне знаком, я видел его в райотделе милиции. Значит, Анискины были местные. Ладно, нечего тянуть.

Проигнорировав калитку и не обращая на зрителей внимания, я проделал трюк в стиле Джеки Чана, то есть после короткого разбега оттолкнулся ногами от столбушки забора и, не касаясь руками верха, перелетел через него, сделав два горизонтальных оборота вокруг своей оси, и мягко приземлился на ноги, не помяв цветов и никого не зашибив. После чего трусцой, нанося руками удары воображаемому противнику, направился к кабинке душевой. Во время прыжка и бега я успел осмотреть двор и определил, что гостей было четверо. Один – хорошо знакомый мне наш участковый, старший лейтенант Митрохин, еще один – в форме офицера, и двое в штатском. Все они сидели за столом в саду, рядом сутилась теть Роза, расставляя стаканы и вазочки с вареньем и печеньем.

Мое появление не осталось незамеченным, и если родственники к моим цирковым культам привыкли и особого интереса не проявили, то гости оторвались от чая и с недоумением наблюдали за мной. Подбежав к ведру с ледяной водой, которую должен был по моей просьбе налить дядя Рома, скинул кеды, схватил ведро за дужку и дно и опрокинул на себя, зарывчав от восторга.

Мокрая одежда липла к телу, и вода ручьем стекала с меня, однако я, спокойно отряхнувшись, по тропинке направился к гостям. Пришло время узнать причину их появления в моих пенатах.

Стянув с веревки, где сушилось белье, вафельное полотенце, я вытер руки и лицо и повесил его на шею.

– Добрый день, – первым поздоровался я и тут же спросил: – Какими судьбами в наших краях?

– Полковник Левин, московское управление уголовного розыска, – пожав мне руку, представился один из штатских, с густыми русыми волосами без единого следа седины, а ведь полковнику явно было больше пятидесяти.

– Попрошу предъявить документы. Верить взрослым на слово меня мама разучила... Представитель легендарного МУРа? – удивился я, изучив удостоверение, и тут же спросил, чувствуя, как неприятно засосало под ложечкой: – Неужто я что-то натворил в Москве?

«Как вычислили? Я ведь сработал чисто? Нашли рюкзак с реквизитом и связали нас? Да нет, вряд ли. Слишком мало времени прошло».

Однако полковник, к моему удивлению, покачал головой.

– Дело не в тебе... Ничего, что я на ты?

– Нормально, – кивнул я.

– Мы прибыли по другому делу... Познакомьтесь – это ростовский следователь Пантелеймон Вяткин, – представил другого штатского полковник.

– Капитан Русаков, старший участковый, – протянул руку следующий гость – тот, что был в форме. Митрохин просто молча пожал руку. Нам представляться нужды не было. Его явно взяли в роли статиста. Наверняка местным ментам было известно, что мы достаточно хорошо общаемся с участковым. Судя по нервозности Митрохина, так это и было.

– Присаживайтесь, – указал я на лавки и сам занял место за столом, подтянув к себе блюдечко со стаканом и наливая кипяток из самовара. – Гадать, почему вы прибыли по мою душу, можно много и долго, но если предположить с учетом дедукции, что у вас что-то происходит в Ростове-на-Дону или его окрестностях, то, скорее всего, я окажусь прав. Только вот не понимаю, зачем я вам, – слукавил я.

Все молчали, поэтому полковник взял слово. Отодвинув пустой граненый стакан, полковник сказал:

– Думаю, не стоит ходить вокруг да около. У нас есть к тебе несколько вопросов, и если потребуется, то и просьба помочь.

Местные офицеры милиции явно не знали, почему прибыли гости из Москвы и Ростова, поэтому удивленно подняли брови. Полковник, заметив это, повернулся и попросил их оставить нас наедине.

Кроме нас во дворе были тетя Роза с дочкой, они стирали в тазиках у сарая, да дядя Рома, который продолжал возиться с баней. В это время послышался рев мотоциклетного мотора и через открытую калитку во двор вкатился Амрам со связкой банок краски, привязанных сзади к сиденью. Он занимался покраской железной крыши бани в такой же зеленый цвет, что и у дома, видимо, краска у него закончилась, и Амрам ездил пополнять запасы на нашем дежурном транспортном средстве.

Больше никого во дворе не было... хотя вру. В тени груши покачивалась в кресле-качалке, купленной тетей Розой на базаре, прабабушка Серафима. Я ее не сразу заметил, хорошо замаскировалась, да еще пледом ноги обернула.

Как только оба офицера отошли к бане, разглядывая работу моих родственников, полковник спросил:

– Ты в курсе о ростовских погибших?

– Да, читал в сводках, – кивнул я.

– После того как ты раскрыл двух нелюдей здесь и в Москве, Пантелеймон решил проверить все убийства в области, и понял, что там действует один человек. Почерк схож.

– Это я и так знаю. Сообразил, изучая сводки, – перебил я полковника. – Вы мне только объясните, как вы на меня вышли? В Москве ладно, я там засветился, с вашими возможностями выйти на меня не трудно. Но в Сочи-то как?! Я тут краем поработал, тоже неофициально.

– Ты тело девочки у экспертов осматривал? – спросил полковник.

– Ну да.

– Это были наши эксперты. Ваши их тогда просто использовали в своих целях. Старший судмедэксперт – мой хороший знакомый. Не раз раньше работали вместе.

– Хм, тогда ясно... Ладно, ситуация мне понятна, только вот от меня вам что надо?

– Помощи. За столь короткое время раскрыть двух нелюдей, которые довольно качественно скрывались – это хоть что-то да стоит. Группа следователей из Москвы, куда входил и я, уже работали в окрестностях Ростова, но несмотря на то, что были арестованы и осуждены шесть человек, убийства продолжают. Почерк один. Он словно издевается над нами.

– Вы забыли добавить, что один из осужденных по приговору суда был расстрелян. Причем безвинно, – хмуро сказал я.

– Да прекрати, был бы невиновным – не признался бы, – поморщился полковник.

Я с изумлением посмотрел на него. Он что, идиот?

– Спорим, если мы останемся один на один, вы через двадцать минут сознаетесь в любом преступлении? Выбивать признание и действительно расследовать – это разные вещи. В пер-

вом случае действительно проще, потом повышение звания, премии да благодарности, а то, что по этапу ушел невиновный, так это лес рубят – щепки летят, да?

– Да прекрати, у нас таких следователей мало, – попытался остановить меня полковник, чувствуя, что я завожусь.

– Да что вы говорите?! Да один только легендарный белорусский следователь Жавнерович по-другому и не работает. Семьдесят процентов его дел сфабрикованы. Это как по-вашему?! Да его самого к стенке ставить надо, а лучше отдать на расправу народу, а то ваши же его пощадят и отправят на почетную пенсию. Специалист по стопроцентным раскрытиям... ага, как же! Мразь он, по-другому и не скажешь!

Честно говоря, я не помнил точно, когда «прославился» этот Жавнерович, но то, что он сейчас работает, был уверен на сто процентов.

– Я насчет этого не в курсе, – сказал полковник, посмотрев на постриженного следователя, который меня очень внимательно слушал. – Разберемся.

– С такими следователями вы долго разбираться будете... Ладно, что вы от меня хотите? – повторил я, немного успокоившись. Все это было для вида, я держал свои эмоции в кулаке, и вспышка гнева была наигранна.

– Нужно найти его. Приехали мы неофициально, хотя министр в курсе.

– Помочь? – я задумчиво откинулся на спинку лавки, рассматривая собеседников. – А как? У меня через три дня начинаются уроки. Я школьник, если вы не в курсе.

– В курсе, – как я и ожидал, ответил полковник. Наверняка собрали информацию обо мне. – Напишем справку, так что ничего страшного – наверстаешь. Ты ведь круглый отличник?

– Да.

– Теперь вопрос стоит только в том, чтобы узнать суть твоей помощи. Как ты думаешь искать преступника?

– Да найти его не трудно, он городской... – задумчиво сказал я и, поймав удивленные взгляды следователя и опера МУРа, хмыкнул. – Сводки читать надо. Работает он только в области, где живет – не гадит. Сколько на нем жертв?

– Пока примерно около двадцати, – ответил следователь. – И то это не точно.

– Да, их уже не меньше пятидесяти, если точно. Как настроение жителей области?

– Зло-испуганное. Требуют найти убийцу. Уже прошел слух, что действует один человек. Был митинг у здания обкома партии.

– Это хорошо. Значит, так, помогать я вам согласен. Думаю, на поимку уйдет вряд ли больше недели...

– Одной недели?! – удивленно, даже со злостью переспросил полковник. – Да мы его два года ловим!

– Я не Жавнерович. Работаю за совесть, а не за славу и благодарности. Недели мне хватит. Теперь не перебивайте. Возвращайтесь в Ростов и через своих людей пустите слух, что на поимку отправлен лучший сыщик Союза по приказу самого Генсека. А я за это время вернусь в Киев, мне брата и сестер отвезти надо, разберусь с делами и первым же самолетом вылетаю в Ростов. Думаю, к этому времени слухи обростут множеством дополнительных подробностей. Нужно будет их подогревать, чем больше нелепостей в слухах, тем лучше.

– Хочешь заставить его нервничать? – задумался полковник.

Я посмотрел на него и твердо сказал:

– Да.

– Ясно. Хорошая идея.

– Это еще не все. Из Москвы действительно должен прилететь человек, который и будет изображать их себя того самого следователя. Пусть изучает уголовные дела и бродит с задумчивым видом. Найдете такого артиста?

– Сделаем.

– А я поселюсь в частном доме, вы, товарищ Вяткин, предоставите мне материалы на изучение. Если понадобится – организуете встречу с работавшими по этому делу оперативниками. В общем, мне нужно два дня на изучение – хочу найти закономерность. Обычно такие упыри имеют свой почерк – собирать трофеи с жертв, например, но бывают и исключения. Там посмотрим. Думаю, дней за пять смогу вычислить, кого искать. Дальше уже вы сами раскрутите это дело, напоминаю, что я там нигде не должен фигурировать. Мое начальство крайне отрицательно относится к подобным делам.

– Хорошо, – кивнул полковник, и они стали собираться.

– *Что думаешь?* – спросил полковник, как только они вышли со двора и пешком направились вниз по улице. Местный участковый, отпущенный по своим делам, уже ушел, а машина с капитаном медленно двигалась за ними.

– *Раскусил он нас, причем сразу,* – ответил тот, что представлялся следователем. *Хотя в принципе, это он и был.* – *Зачем ты только министра вפלел.*

Было видно, что собеседники если не хорошие друзья, то приятели точно, и в разговоре позволяли себе много вольностей.

– *Да к слову пришлось, увидел мальчишку, решил показать, как это дело важно для нашего государства. Как его только в комитет взяли?*

– *На этом он нас и раскусил. А с комитетом вообще темная история, не нужно туда лезть.*

– *Это точно.*

В действительности же никакой министр МООП, естественно, о своеволии сотрудников правопорядка ничего не знал. Однако и ругать сотрудников, пошедших на должностное преступление, сообщив постороннему о жертвах в Ростовской области, не стоило, так как они действительно болели за это дело.

– *Мне он показался вполне адекватным. Вопросы задавал нужные, однако вот его поведение...* – задумался следователь.

– *Ты что, не понял? Играл, грубовато немного, я сперва тоже не сразу сообразил, но играл. Непростой паренек.*

– *Да, теперь все сходится... Хотя если вспомнить, кто его дед, все встает на свои места. Соколов думать умеет.*

– *Он с ним не общается, мне так агентура сообщила.*

– *Надеюсь, твои источники оказались правы и парень уникал.*

– *Старшина, которого задействовал парень в Москве, мой двоюродный брат. Ему, кстати, за это дело младшего лейтенанта дали и представили к ордену Красной Звезды. Когда отмечали, братишка и проговорился, а дальше я из него все и вытянул. Потом начал пробивать по базам, выяснилось, что он и в Сочи засветился в рапорте судмедэксперта. Сложить два и два было не трудно, я курировал работу по брянскому маньяку, что в Сочи задержали... Может, искупаемся?*

– *Почему нет? До вылета еще три часа. Машину отпускаем?*

– *Да, на попутке доберемся, пусть только вещи до камеры хранения в аэропорту добросят.*

«До чего же их припекло. Совсем работать не умеют, за последнее хватаются», – сердито подумал я, когда звук мотора уехавшего «газика» стих. К этому времени мы обговорили детали и расстались. Полковник и следователь ушли явно ободренные, а я вот не сказать, что был доволен. Разбалуешь их, так будут постоянно просить, дойдет и до того, что буду бабушек переводить через дорогу. Сядут на шею и ноги свесят.

«Ладно, хоть с этим делом проблем нет, так как я знаю истинного маньяка. Интересно, что бы сказали полковник и следователь, если бы узнали, что маньяк – работник обкома, отве-

чающий за комсомольское направление? И что именно он вышел к разъяренной толпе во время несанкционированного митинга и пообещал найти убийцу?!» – насмешливо подумал я и отодвинулся, не мешая женщинам накрывать на стол. Подошло время обеда.

– Что случилось? – спросила тетя Роза, ставя передо мной тарелку с окрошкой и заметив мой задумчивый вид. Ну, или намекая на гостей.

– Кажется, я переиграл в школьника. Да и Жавнеровича зря помянул. Кто его знает, где он сейчас, – буркнул я себе под нос, после чего встряхнулся и улыбнулся, беря ложку: – Да черт с ними, тетя Роз, все нормально.

Следующие два дня я отдавался отдыху, сидя на море до вечера. Если есть возможность, почему бы не воспользоваться ею, к тому же почему-то отдыхать мне не наскучило. В общем, к вечеру двадцать девятого августа мы садились в поезд Сочи – Киев. Билеты были заранее куплены Амрамом. Он оставался еще на недельку, благо свободен был до середины сентября. Работал Амрам водителем на грузовой машине в заготконторе и отпуск себе выбил без проблем.

Ни сестренки, ни Толик не были в восторге от того, что мы отбывали домой, пришлось иронично пообещать им, что все следующее лето они проведут тут. Детишки не сообразили, что правнуков и правнучек у прабабушки Серафимы много, и наверняка все родственники отправят к бабушке на море своих детей на все лето. Хотя вряд ли это расстроит Толика или сестренку, наверняка еще наоборот обрадует. Не одним отдыхать, есть, с кем побегать и покупаться.

Тот же Толик только благодаря Олегу научился ездить на мотоцикле. Для гонок времени маловато, но он уже уверенно держался в седле. Да и сестричкам это пошло на пользу, так как они за время отдыха умудрились научиться плавать. Правда, по-собачьи и метра на три, но ведь научились же.

Сама поездка прошла как-то незаметно. Я покормил детей, потом уложил их спать и также прикорнул. Проснулся от стука проводницы в дверь с сообщением, что поезд через двадцать минут подойдет к вокзалу Киева. Вот и весь путь.

Дальше умывание недовольных сестер, Толик с таким же видом сходил сам, быстрый завтрак и еще в утренней темноте высадка на перрон. Там нас уже встречали, хотя я и просил этого не делать. Не маленькие, сами доберемся до дома.

В общем, комитет по встрече состоял из мамы, бабушки с дедушкой и родной младшей сестры мамы Серафимы, названной в честь прабабушки. У нас в семье, кстати говоря, было четыре Серафимы.

Сестренки, увидев маму, бросились к ней, галдя как галчата, как им понравилось на море. Толик, так же загруженный, как и я, тоже потопал к ним тяжелой переваливающейся походкой. Высадившихся пассажиров было достаточно, однако нам никто не мешал.

По окончанию объятий после десятидневной разлуки мы направились к выходу. Машина уже была нанята, таксомотор на базе новенькой «Волги», поэтому сложив в багажник подарки с юга, мы начали грузиться в машину, что было хоть и не просто, но выполнимо: дед с Томой и Лидой на переднем сиденье, бабушка с мамой и теткой на заднем, ну а между ними устроились и мы с Толиком. В тесноте, как говорится, но не в обиде.

К родителям я ехать не собирался, у меня свой дом, а с подарками разберется и Толик, он принимал участие в сборе и знал, что и кому. Ничего серьезного там не было. Так, по мелочи: фрукты да несколько вещей дефицита, три рулона импортной туалетной бумаги. Для деда пятилитровая стеклянная бутылка с домашним крымским вином. Достал по случаю у одного из местных, у которого были родственники в Крыму. А то он в прошлый раз обиделся, что я только отцу привез. Дед тоже большой любитель этого дела.

– Меня вот тут высадите, – попросил я шофера, заметив знакомый переулок. Там всего пара кварталов – и под теплый бочок Марины.

– К нам сегодня зайдешь? – деловито поинтересовалась мама, отодвинувшись, чтобы я мог вылезти и не стукнул никого грифом гитары.

– Вечером буду.

Шофер вышел, помог достать из багажника чемодан с вещами – гитару я вез в руках – и, снова заняв свое место, поехал дальше, оставив меня на тротуаре. Наклонившись, я поднял чемодан и направился к себе домой.

Открыв дверь своим ключом, сложил вещи в прихожей и, стянув ботинки, прокрался в спальню, чмокнув Марину в щечку.

– Ой, кто тут? – вскинулась она испуганно.

– Привет, любимая, – снова чмокнул я ее.

После утра любви – за окном уже рассвело – меня ошарашили сообщением, от которого я забыл все на свете:

– У меня задержка, вот уже две недели. Сегодня хотела на прием в больницу идти.

Марина замерла у меня на груди, ожидая ответа.

«Мать...» – только и выдохнул я.

Вслух же я издал вопль радости и, вскочив на ноги, закружил Марину на руках. В таких случаях по-другому нельзя. Как ни хотелось свободы, но своего ребенка я убить не дам, а то мало ли что взбредет беременной в голову. Хотя вроде аборт тут особо не практиковались.

После бури радости мы немного пришли в себя и поговорили за жизнь. Я не верующий, честно. Однако когда Марина заявила, что собирается воспитывать ребенка одна, как-то даже воспрям духом и внутренне порадовался, когда классная твердо отказалась от моей руки и сердца. И слава Христу, они мне и самому пригодятся. Зато я взял твердое обещание, что ребенок будет носить фамилию отца. Дальше мы обговорили ситуацию. Первое время Марина будет жить и вести уроки в Киеве, но потом подальше от пересудов переедет в родной Харьков и родит уже там. Благо в Харькове у нее есть хоть и единственный, но родственник. Тетка.

После душа я разложил вещи, подарил Марине импортные туфельки на высоком каблуке. Правда, они оказались маловаты, я ошибся с размером, но Марина сообщила, что без проблем поменяет их. Обычно у нас как? Хватают, пока дефицит на прилавок выложили, потом на работе или продают, или меняют по размеру.

В общем, я переоделся, взял паспорт, оставив остальные документы дома, и мы в девять утра направились в поликлинику. Там нас перенаправили в женскую консультацию.

Я спокойно сидел среди таких же ожидающих. Причем был самым молодым и не раз ловил на себе озадаченные взгляды более взрослых и степенных мужчин. Однако все их взгляды я великосветски игнорировал. Когда пришла очередь Марины, я сжал ее ладонь, как бы показывая, что я с ней, и подтолкнул к кабинету.

Через полчаса у нас на руках была справка, подтверждающая, что моя спутница в положении и что она поставлена на учет.

– Замечательно. Теперь свежие фрукты и овощи, но с этим я пособлю. Когда следующий прием?

– Через две недели. А так регулярно раз в месяц.

– Хорошо, едем в магазин, закупаемся продуктами и вечером отмечаем это радостное событие.

В общем, к родителям я сегодня не поехал, только позвонил маме на работу, предупреждая. Сообщать, что я в следующем году стану папой, как-то не хотелось. И так у родителей шок за шоком из-за меня. Не будем их нервировать. Вот родится сын или дочь, тогда и пораду, не ранее.

На следующий день я разобрался с делами, сообщил классной руководительнице, что меня не будет дней десять, продублировал директору школы, пообещав справку за непосещение, и направился в аэропорт. Когда вылет с посадкой в Ростове, я узнал и забронировал место заранее.

– Добрый вечер, – сняв шляпу на входе, в мою комнатку протиснулся следователь Вяткин. Под легким плащом была видна синяя прокурорская форма. Под мышкой он держал туго набитый желтый портфель. – Как устроился?

– Нормально. Хорошая квартира в центре города, да и хозяйка хозяйственная, обещала обедом накормить.

Сразу после прилета, еще вчера, я быстро нашел сдающуюся комнату и заселился сроком на неделю, после чего с телефона-автомата позвонил домой следователю, сообщив адрес. Телефон у того дома был, по работе было положено. И тот на следующее утро пришел с материалами для изучения.

Освободив стол, я дождался, когда он выложит шесть пухлых пачек, и сев на стул, пододвинул к себе ту, что под номером один.

– Сводить все убийства в одно дело мне не разрешили наши партийные руководители, даже упоминать запретили, что это может быть маньяк. Поэтому тут только те дела, что вел я. По остальным убийствам в разных районах работают другие следователи.

– Полковник где?

– Работает по последнему убийству, хотя прошел слух, что следственную группу отзывают обратно в Москву.

– Чего так? – удивился я. – Или нашли убийцу?

– Да вроде как. Подозрение пало на двоюродного брата последней жертвы. Его арестовали, а через пять дней он написал чистосердечное признание.

– Улики?

– А никаких, все держится только на его чистосердечном признании и на отсутствии алиби на момент преступления, – хмыкнул следователь, в его голосе сквозила явная ирония. – Товарищ полковник этим делом заинтересовался и на совещании выдвинул версию, что дело шито белыми нитками. Первый секретарь обкома велел ему не лезть не в свое дело. Убийца пойман – и хорошо, хоть народ, мол, успокоим.

– А то, что парню фактически поломали жизнь, так это пусть их? – криво усмехнулся я и тут же добавил многозначительно: – Разберемся... Следователь, что ведет дело, местный?

– Да. Сашкевич постарался.

– Попозже посмотрим на него.

– Я нужен?

– Пока нет, – я уже весь ушел в изучение дела. – Ближайшие два – три дня меня лучше не беспокоить, и если будет возможность, хорошо бы достать материалы уголовных дел других следователей. Это ускорит дело.

– Хорошо, – с сомнением ответил Вяткин. Не знаю, он то ли сомневался в моей профессиональной квалификации, то ли в том, что сможет достать эти уголовные дела.

– Как там мой двойник? – спросил я, отрываясь от бумаг и видя, что Вяткин не торопится уйти.

– Работает.

– Да про это я в курсе. Во время завтрака хозяйка мне столько про него порассказала, что я даже начал задумываться, а нужен ли я здесь. Кстати, полковник может сослаться на него, раз он у народа в таком фаворе.

– Мы подумаем, спасибо.

Наконец следователь ушел, и я занялся работой, мне действительно интересно было узнать, что местные ребята накопили. Про Вяткина я по уголовному делу могу сказать так: на службе горит, как говорится, сыщик от бога. Бывают и такие. Но здесь он явно спасовал.

Через пару дней Вяткин принес мне еще два тома, там уже было видно, что работа ведется уныло и спустя рукава. Было множество отписок. Была бы возможность, следователь бы оформил все как несчастный случай. Но изнасилование и удушение как-то с этим не вязались.

Из-за того что суд на тем парнем, который сознался, был назначен на шестое сентября, мне пришлось поторопиться. Спустя четыре дня после первого посещения следователя, после звонка, ко мне домой примчались не только Вяткин, но и полковник.

Как ни были нетерпеливы гости, я растягивал удовольствие, медля, пока хозяйка накрывала для нас стол и расставляла посуду к чаю. Ей явно было любопытно, почему к студенту, коим я представился, зачастили представили власти. Наконец она закончила и тихо удалилась, тактично прикрыв дверь.

– Ну очень любопытная, – улыбнулся я, и глазами показал офицерам на дверь. Те поняли и молча взяли протянутые бумаги.

Прочитав, полковник ошарашенно посмотрел на меня и, наклонившись вперед, тихо спросил:

– Почему ты пришел к такому выводу?

– Если бы все дела свели в одно, негодяя давно бы поймали. Он засветился на своей машине. Один раз ладно, не повезло человеку попасться на глаза свидетелей, но не два же раза?! Это было подозрительно, вот я ночью и сходил проведать его. В общем, обыскал машину и в багажнике под ковриком обнаружил девчачью красную кепку с инициалами А.М.Т. под закладкой. Напомнить фамилию имя и отчество последней жертвы и список пропавших вещей?.. Не волнуйтесь, товарищ полковник, улику я вернул на место. Так что нужно действовать. Просто так вы к обкомовскому человеку не подойдете. Предлагаю остановить машину на посту ГАИ, обыскать и при свидетелях изъять кепку. Потом обыск в доме. Он трофейщик, значит, у него в доме тайник. С каждой жертвы он брал по одной вещи, сколько в тайнике трофеев, столько и жертв.

– Местные против своего не пойдут, поэтому я привлеку к задержанию свою группу, – сказал полковник.

– На это и рассчитывал преступник, что даже если на него выйдут, то побоятся арестовать. Кто же партийного посмеет задержать, да еще по такому делу? Скандал. Так что он думает, что прикрыт со всех сторон.

– А ведь это он успокаивал народ во время митинга у здания обкома, – вспомнил Вяткин.

– Я уже в курсе. Его шутку оценил... Ладно, работой вас загрузил, действуйте, а я пока погуляю по городу, посетю памятники архитектуры. А то пятый день у вас, а до сих пор ничего не видел... Надеюсь, не забудете поделиться информацией?

– Если она будет, то обязательно, – кивнул полковник.

– Материалы дел можно уже забрать? – спросил Вяткин.

– Да, конечно, – в это время я прибавил громкости и уже нормальным тоном сказал: – Давайте я вас провожу.

Вяткин забрал все дела и вместе с полковником вышел во двор, чтобы там дожидаться меня. Честно говоря, сидеть в четырех стенах и читать пропыленные папки мне уже надоело, поэтому, одевшись по-летнему, я вышел следом и проводил их до машины, милицейской «Волги». Попрошавшись, мы разошлись. Я по зеленым солнечным улицам направился в сторону пляжа, а сотрудники правоохранительных органов на службу.

Вроде прошло нормально. Больше всего меня заботило то, под каким соусом подвести маньяка под подозрение. Нет, то, что я сказал, не было придумано. Все это в папках было, да и кепку я действительно обнаружил в багажнике, похоже, нелюдь ее просто не заметил, а я убрал

под коврик, чтобы если он полезет в багажник своей «Волги», то не обнаружил улику. Так что вроде все, что я сказал, моим, можно сказать, нанимателям пошло на веру, хотя думаю, они все трижды перепроверят. Однако цейтнот из-за кепки – вдруг маньяк обнаружит ее и избавится – оставлял им мало времени.

Осмотревшись, я продолжил прогулку, с любопытством разглядывая красивую архитектуру города и изредка попадавших навстречу девушек. Пользуясь теплой погодой в сентябре, я спустился к реке и немного поплавал, охлаждаясь, после чего вернулся в съемную квартиру в ожидании известий.

Новости я узнал только на следующее утро. Сияющий как новенький пятак Вяткин демонстрировал всем своим видом, что все в ажуре. Рассказ не занял много времени. Некто Николай Рыбников, выезжая со двора дома, попался на глаза инспектору ГАИ. Простой досмотр вылился в вызов опергруппы после обнаружения улики (группа ожидала за ближайшим углом), ну а дальше, пользуясь моментом, выбили разрешение на обыск дома Рыбникова, и в замаскированной комнате на чердаке обнаружили трофеи. И все это происходило в день суда над тем невиновным парнем. В общем, пока разобрались, парень успел получить пятнадцать лет. Представляете шок парня, когда прямо в зале суда, где судья, после того как секретарь что-то прошептала ему на ухо, моментально отменил приговор? Вытащили, вручили вещи и не извинившись отправили домой! Даже не объяснили толком, что произошло.

Это все и рассказал Вяткин, после чего поблагодарил меня и быстро ушел, у него были еще следственные мероприятия. Самое неприятное, что он сообщил – трофеев было шестьдесят три штуки.

Я откинулся на подушку и задумался над судьбой маньяка. Ведь тогда его никто не поймал, и он перенес свои «игры» в другие соседние области, а потом перевелся в Москву. Только спустя сорок три года, уже будучи на пенсии, бывший партработник получил свое заслуженное от охотника на маньяков. Да, Николай Рыбников был моей третьей и самой вкусной жертвой еще в том мире. Однако сдал я его легко, так как тогда трофеев у него я насчитал сто сорок восемь штук.

После всех событий в Ростове, пока маховик следствия раскручивался, а мой двойник почивал на лаврах, я уже вылетел в Киев. Меня ждала новая, незнакомая и, надеюсь, интересная жизнь.

Чуть больше четырех лет спустя. Западная Украина. Хутор в глухой приграничной зоне. Лесной массив

– Кнут, подвинься, – кто-то похлопал меня по плечу, и я тут же убрался в сторону, а мое место занял гранатометчик. Вот он на миг выглянул, рассматривая окно, из которого бил МГ, после чего приготовил трубу к бою. Потом быстро появился из-за угла, встав на одно колено, и выпустил гранату, которая, пролетев метров сто, попала точно в окно. Правда, гранатометчик этого не видел, ловким перекатом уйдя обратно за сруб бани. Однако я, заняв позицию с другой стороны, все это наблюдал. Особенно меня впечатлила подскочившая соломенная крыша – после взрыва внутри. Жаль, что при зачистке хутора ОУНовцев я был сторонним наблюдателем, внимательно следя за действиями группы спецназа КГБ. Можно сказать, я наблюдал за работой своего детища.

А в Москве еще удивлялись. Мол, откуда там бандиты, их же всех давным-давно переловили. Может, это и так, но мягкая политика Сталина не уничтожать предателей, а отправлять их в лагеря, сказала и тут. Они стали возвращаться после отсидки. Некоторые сломленными, а некоторые, как этот бандеровец, только с лютой ненавистью. Как он только смог поселиться в приграничной зоне? А ведь пропажи людей и налеты на магазины списывались на залетных бандитов, кто же знал, что ОУНовцы вернулись?

«Кнут» было моим позывным, меня так нарекли бойцы. «Кнутом и пряником» – помните? От меня пряников хрен дождешься. В общем, в бою мы переходили на позывные, это было одним из моих нововведений. Командиры и бойцы оценили быстро. Во время войны было что-то похожее, но официально боевые позывные проведены не были. Сейчас же они у нас строго по уставу. В бою позывные, в остальное – по званиям.

После того как последняя огневая точка стихла, к дому подбежали несколько бойцов и закинули в окна свето-шумовые гранаты. После разрывов последовал штурм.

Через пять минут, когда хутор был полностью зачищен и бойцы выносили тела погибших бандитов – у нас даже раненых не было, – я подошел к майору Неклюеву.

– Ну как? – спросил он.

– Чисто сработали, молодцы, – честно ответил я.

Честно говоря, это был одиннадцатый хутор, что штурмовала группа, в которой я числился инструктором. Были, правда, пару дел в городах, но там по мелочи. Так что у парней был реальный опыт штурмов помещения, можно сказать уникальный. Это была моя вторая группа, которую я воспитал из салаг в молодых волчат. До ветеранов им еще далеко, но они стараются, это было видно. Первая группа была жестко натренирована на бои в горах, где они получили бесценный опыт, да и сейчас получают, это только меня бросили сюда, в Западную Украину, готовить новую группу.

– Товарищ старший лейтенант, вас вызывает база, – окликнул меня радист, стоявший на коленях у своего зеленого ящика. Рядом с блокнотом стоял офицер в форме пограничника и подсчитывал оружие, что было взято у бандитов. С пограничниками пришлось работать тесно, так как мы работали только в их зоне. Да что там, даже наша база была в пограничном округе в одной из частей.

– Лютик на связи, – взял я микрофон.

– Лютик, говорит Сорока, требуется ваше присутствие на базе.

– Принято. Прием.

Вернув микрофон радисту, я вернулся к Неклюеву.

– Что там? – спросил он.

– Похоже, что-то случилось. Может, опять срочно в Москву вызывают?

– Ясно. Мы тут сами закончим, а ты езжай. Возьми мой «газик». Удачи.

– Спасибо.

Прижимая к боку автомат, я взял быстрый старт и скрылся в окружающем хутор лесу, пробежав мимо одного из секретов. Через четыре километра по лесу я выбежал на дорогу и буквально через триста метров оказался у трех машин – двух грузовиков и командирского «газика».

– Мартынов! Угольников! Двигайтесь хутору, – велел я водителям грузовиков, занимая место в «газике». – А мы едем на базу... И поторопись.

– Хорошо, товарищ старший лейтенант, – кивнул пограничник. Машины принадлежали пограницам.

«Что ж там случилось?» – задумался я.

До базы пришлось добираться почти два часа, объезжая большой лесной массив. Слишком глубоко спрятались бандиты, когда за последний год началась большая чистка. Они ее заметили сразу, когда вдруг стали пропадать в неизвестность их люди. На местах хуторов бандитские разведчики обнаружили только угли и стреляные гильзы с пятнами крови на земле. Вот и тут находилось шестеро бандитов, из них бандеровец, прошедший войну, был только один. Он же и являлся их командиром и духовным лидером. Именно на него мы и охотились, но тот, постоянно чуя неизбежную гибель, часто менял лежки. Остальные молодые мужики, выращенные с ненавистью к советской власти, отстреливались до последнего, даже не задумываясь, что при сопротивлении погибнут жители хутора. Их родственники.

И они погибали – даже если и не умирали во время боя, то это случалось потом. Живых мы не брали, только детей. Уже более десятка их были отправлены в детдома центра СССР. В принципе я был доволен, группа Неклюева была полностью готова к самостоятельным действиям и продолжит без меня. Хотя продолжать там было нечего, похоже, мы истребили всех бандитов за эти шесть месяцев пребывания на Украине (честно говоря, было их не так много, не успели они широко раскинуть свои сети, вовремя нас сюда направили). Сам я хоть и был инструктором, но мог отдавать приказы майору, так как не только учил их, как нужно действовать в лесистой и степной местности, но и как командовать. Все в группе имели офицерские звания.

Кстати, когда я узнал, что работаем мы на Украине против «лесных братьев», то был, конечно, изрядно удивлен. В историю вернувшаяся из заключения в шестидесятых банда ОУНовцев почему-то не вошла. Их просто тихо и негласно уничтожили, и я в этом принимал непосредственное участие.

Погранцы охотно помогали нам, хотя мы и были не из их ведомства, заодно решая свои проблемы – пропало в наряде два пограничника. Нашли и их тела, и их оружие в схроне бандитов. Ну и бандитов, конечно, тоже нашли... мертвыми. В общем, работали достаточно тесно.

Наконец мы выехали на асфальтированную дорогу и погнали уже по ней. Ничего, тут рядом, полчаса – и на базе.

Вот мы проехали мимо небольшого городка и свернули к воротам войсковой части. Именно тут мы дислоцировались.

После проверки документов – пограничники на КПП ни на грамм не удивились моему пятнисто-лохматому виду с изукрашенными линиями лицом – пропустили на территорию части.

– Высади у гостиницы, – велел я.

– Есть!

Выпрыгнув из притормозившей машины, я вбежал в фойе общежития, которое мы назвали «гостиницей». Хоть вызвало меня и не мое непосредственное командование, однако являться к местному начальству в боевом костюме не стоило.

Забрав у дежурного ключ, я прошел в свою отдельную комнату и сразу убрал автомат в оружейный ящик, спрятанный в шкафу. Дальше последовало разоблачение. Костюм «гилли» в свернутом походном состоянии в шкаф, камуфляжный комбинезон на плечики, разгрузку – на одну из полок. Специальный растворитель, чтобы смыть краску с рук и лица, и быстрый душ. После чего я оделся в повседневную форму офицера-пограничника (работали мы под их видом) и направился в штаб части.

Ответно козырнув бойцу у входа, я открыл дверь и прошел в здание штаба. У входа слева находилась конторка дежурного, а за ней оружейка.

– Здорово, Олег, – пожал я лейтенанту руку. – Кто меня вызывал, не в курсе?

– В курсе. Замполит. Правда, из-за чего, я не знаю. Не хотелось бы соврать, но вроде не по службе. Что-то у тебя в семье случилось.

– Да? – насторожился я. – Георгич у себя?

– Да, как из штаба округа вернулся, так сразу и отправил приказ вызвать тебя.

– Ясно. Я к нему.

Быстро взбежав по лестнице на второй этаж, я козырнул двум капитанам, что разговаривали в коридоре, проскользнул мимо них и, остановившись у нужной двери, проверил, как сидит форма, после чего постучался.

– Войдите, – едва слышно донеслось из-за плотно закрытой двери.

Открыв дверь, я зашел в кабинет замполита.

– Вызывали, товарищ подполковник?

– Садись, Игорь, – сделав трагическое лицо, велел замполит части. Что-что, а с мимикой у него было все в порядке, должность обязывала. – В общем, у меня для тебя плохие известия...

– Что-то с родителями? Бабушкой? – тревожно спросил я, присаживаясь на ближайший стул.

– Про них я ничего не знаю, – сразу же откестился тот. – Ты знаешь, кто такая Тамара Авдеевна Клюева?

– Конечно. Это тетка моей... э-э-э... бывшей гражданской жены, матери моих детей. А в чем дело?

– Три месяца назад был совершен автомобильный наезд на Марину Львовну Клюеву, завершившийся трагически. Клюева погибла на месте.

– Кто?! – жестко спросил я, чувствуя, как у меня под пальцами трескается плексиглас, которым был покрыт стол.

– Я не знаю, – ответил замполит, опасливо косясь на покрытие стола. Мой крутой нрав он знал не понаслышке.

– Почему сообщили только сейчас?

– Женщина не имела контактов с тобой, отправляла письма по прежнему адресу. Не дождавшись ответа, она отправила письмо в медицинский институт, где ты учился. Там человек, который тебя знал, перенаправил его в управление, а оттуда уже сюда. Вот, держи, – протянул мне замполит вскрытый конверт, после чего замолк, пока я быстро читал коротенькое сообщение.

– Машину угнали, угонщика не нашли, – тихо пробормотал я, после чего разжал кулак и распрямил смятый лист бумаги.

– Это еще не все. Бюрократическая машина у нас медленная. Пока письмо лежало в деканате института, пока попало в нужные руки, выяснилось, что Тамара Авдеевна Клюева умерла от остановки сердца через две недели после гибели племянницы. Твои дочери были отправлены в детдом. Это все, что я знаю... Сядь! – рывкнул подполковник, когда я вскочил, потом продолжил спокойным тоном: – Я договорился с летунами из соседней части, у них как раз борт вылетает в Москву, они сделают крюк и забросят тебя в Харьков. Собирайся, у тебя есть пара часов. Из московского управления уже пришел приказ предоставить тебе отпуск. Похоже, к нам ты уже не вернешься.

– Похоже, так. Служба для меня закончилась... Почему Тамара Авдеевна не связалась с моими родителями?

– Ты это у меня спрашиваешь?! Прибудешь на место, сам выяснишь... А теперь все равно уже больше не увидимся. Подпиши-ка мне четыре книги, – с просительной интонацией попросил замполит и достал из-под стола четыре толстых томика «Интернов», которые за последний год произвели настоящий фурор в литературной среде. Критики плевались, а вот простой народ был в восторге. Там не было высокопарных штампов, а была простая, понятная даже старому кочегару речь (даже с матом) и жизнь, какая она есть. Никому не скажу, чего мне стоило пробиться через цензуру, чтобы ее пропустили в печать. Скажу честно, без Брежнева у меня это бы не получилось, однако тот, прочитав подsunутую ему рукопись (постарался один товарищ из охраны, которого я тренировал), поржав, дал разрешение на издание. Первый тираж был в сто тысяч экземпляров, на пробу. Его смели за две недели. Народ распробовал, цеховики и спекулянты изрядно поднялись на продаже моих книг. Следующий тираж был в пятьсот тысяч экземпляров, на полках его даже не видели – как мне говорили, его смели мгновенно. Выпустили уже третий тираж в миллион, немного насытив рынок. Так теперь издательства просто засыпали письмами из разных республик и областей с просьбами ускорить выпуск второй части, которая у меня пока была в работе. Издательство сейчас вело переговоры с рядом стран, чтобы издать «Интернов» на иностранных языках.

О том, что я и есть Игорь Соколов, автор шести книг и более чем двадцати хитов, что исполняли известные певцы и певицы, замполит вычислил достаточно быстро, хотя на обороте обложки было ясно написано, что Игорь Соколов – это псевдоним. Да и никто не связывал меня и известного автора (популярность мне была не нужна по долгу службы), а вот замполит связал. Он пообещал, что никому не расскажет, но за это я должен подписать ему пару книг. «Пара» уже давно перевалила за десяток, и вот если считать эти, то будет семнадцать.

– Кому? – обреченно спросил я, беря протянутую самописную ручку.

– Аркадию Давидовичу... – начал диктовать замполит с довольным видом.

За десять минут отделившись от замполита, я поторопился в общежитие. Нужно было сдать оружие и боеприпасы в оружейку. Автомат был местным. Отписаться в отделе кадров, сдать комнату коменданту – и все, свободен.

Все это я проделал достаточно быстро, после чего надел парадную форму с наградами (все как положено) и поторопился к КПП, там меня ждала машина.

Доехали до военного аэродрома достаточно быстро, он действительно находился рядом. Водитель высадил меня на КПП и, развернувшись, попылил обратно, а я, подхватив чемодан и свою старую, много повидавшую гитару, что купила мне мама в далеком тысяча девятьсот шестьдесят втором году, направился к дежурному. Оказалось, обо мне уже были извещены, поэтому пропустили быстро, даже дали дежурную машину с водителем, чтобы сразу довез до самолета на площадке. Я немного опаздывал.

Самолет был достаточно новым Ан-12, у которого суетилась летная обслуга, моторы уже работали, крутя пропеллерами. Через остекление кабины виднелась голова второго пилота с наушниками на голове.

– Старший лейтенант Соколов? – подбежал ко мне коренастый мужичок в летном комбинезоне и в таких же, как у летчиков, наушниках.

– Да! – ответил я, стараясь прокричать рев моторов.

– Едва успели, еще бы пять минут, и улетели бы без вас. У нас график. Давайте я вас провожу. Уже летали на таких?

Я молча кивнул, проходя следом за боргтехником (уже понял, кто это) в пассажирский салон. Техник проверил, как я пристегнут, после чего убрал вещи в сторону и вышел в грузовой отсек. Буквально через несколько минут моторы транспортника сменили тональность и, судя по легкой дезориентации, мы покатались по бетону аэродрома. Стыки чувствовались. Еще спустя несколько минут мы оказались в воздухе.

Откинувшись на удобном кресле (я оказался единственным пассажиром, чуть позже ко мне присоединился знакомый боргтехник) и прикрыв глаза, стал прокручивать свою жизнь, которая началась с момента пробуждения в новом теле.

До момента поимки партийного маньяка в Ростове прошедшая жизнь пролетела быстро. В принципе, и дальше не было ничего особенного.

Учился, ходил в спортзал республиканского комитета, чтобы наращивать физическую подготовку, хоть я занятия теперь и не вел, писал книги – издал к Новому году вторую, продолжение попаданца в сорок первый год. Первая пошла очень даже удачно, однако с последней моей книгой – «Интерны» – ни одна не шла по известности ни в какое сравнение. Учился я на пятерки, так как легко вспоминал учебный материал. Учеба шла без проблем, даже одноклассники больше не лезли ко мне. Только одноклассницы строили глазки, но обнаружив полную бесперспективность их уловок, начали придумывать про меня небывлицы. Мне на это, честно говоря, было наплевать. Марина, когда появился живот, с помощью директора школы (все-таки мировой мужик), перевелась в Харьков в другую школу.

Когда я сдавал экзамены (шел на золотую медаль), из Харькова пришло сообщение, что Марину забрали в роддом. Бросив все, я рванул к ней. По приезду меня обрадовали, что я стал папой. Дикая надежда, что у меня будет сын (я уже и имя придумал), размазалась о действи-

тельность. У меня оказались девочки-близнецы. А я ведь подозревал, что так и будет. Слишком большой живот был у Марины. На именах настоял я, раз уже придумал, так не выкидывать же?

Я часто бывал в Харькове во время отпусков. Хоть на один день, хоть на неделю, но заворачивал, поэтому дочки знали меня хорошо. Я даже сделал свое большое фото в рамке, оно висело у них в комнате.

Чтобы Марина с дочками не нуждалась, тетя помогала в меру сил, я стал платить ей алименты, благо прикрываясь гонорарами, перевел часть денег бандитов на личную сберкнижку. Правда, пользоваться я ею мог только по исполнению восемнадцати. Но как бы то ни было, с моего счета ежемесячно уходило сто рублей на книжку Марины. Вроде им хватало, особой нужды не было.

После школы, как и хотелось, я поступил во 2-й Московский ордена Ленина государственный медицинский институт имени Пирогова (МОЛГМИ). Несмотря на то что учеба была достаточно тяжелой, пришлось поднапрячься, чтобы быть отличником в действительности и твердым середняком по оценкам, я одновременно вернулся на службу, правда уже в звании лейтенанта. Как оказалось, одно из моих случайных дел принесло некоторые дивиденды. Помните, я слил двух предателей, работавших на фашистов, Тоньку-пулеметчицу и Алекса Лютого, майору Головачеву в Москве? Их арестовали и судили. Так вот, майор обо мне не забыл и упомянул источника, так что наград я не дождался. Но вот звание мне подняли. О событиях того времени в Москве – это я про ограбление Троицких – новостей было мало. Как я позже узнал, дело засекретили, однако слухи о советском Робин Гуде до сих пор ходили по управлению.

Учась, я тренировал отдельных людей по специальным методикам. Как сделать быстро бомбу из ничего и т. д. Думаю, это были нелегалы, которых готовили забрасывать к капиталистам. Прошли через меня восемь человек, но выпускал я каждого с удовлетворением. Так как подготовил неплохо, разрабатывал для каждого индивидуальную программу учебы и тренировок.

По окончании второго курса я написал программу подготовки подразделений КГБ, связав их действия с работой за границей, и подвел к ней фундаментальные доводы. Генерал Сахаровский внимательно прочитал мою рукопись и... дал ей ход. В результате мне пришлось уйти в академический отпуск сроком на полтора года.

Сперва я попал в пограничные войска, что стояли на границе с Афганистаном, не буду точно говорить где, с двадцатью семью молодыми, только после армии, бойцами. Что примечательно, четверо офицеров тоже были только из училища, в звании лейтенантов. Так как мне был дан карт-бланш, я провел тесты и выявил явных лидеров. Одного поставил командиром отряда спецназа, трех других командирами групп, после чего начал жесткую тренировку с постоянными тревогами.

Об успехе подготовки группы говорило многое. Был десяток перехватов контрабандистов. Ходили они, что уж тут говорить.

Один из случаев стоило бы описать. Я поставил отряду задачу найти меня, дав себе фору в час. У меня с собой были только небольшая рация, автомат с одним магазином, пистолет, также с одним магазином, и штык-нож. В общем, водил я ребят за нос по горам и ущельям у самой границы до вечера, пока не услышал едва слышные выстрелы. Били из «калаша», и хлопали винтовки.

Так как бойцы искали меня в шести километрах южнее, я отдал по рации приказ выдвигаться к району слышной стрельбы и сообщить на ближайшую заставу, и первым рванул туда, понимая, что успею раньше.

При приближении я с ходу атаковал, так как не было другого выхода – последнему державшемуся пограничнику осталось слишком мало времени. Скатившись с косогора в куче мелких камешков и пыли, я открыл огонь по скупенной группе душманов, после чего одной

короткой очередью последними патронами срезал двух бандитов, что подкрадывались к пограничнику со спины. На бегу одним слитным движением убрав автомат за спину – он у меня на ремне был, – вытащил из кобуры «макаров», после чего с пистолетом и ножом в руках врубился в выживших душманов. Часто защелкали выстрелы, и быстро заработала рука с ножом. В общем, из семи оставшихся пятеро получили колото-резаные раны, остальные (те, что стояли дальше) – пули. Я же чудом избежал ранений, хотя форма в двух местах и оказалась порезанной, даже наколенную защиту задела.

Дальше действовать надо быстро, это я вам как опытный солдат говорю и студент-медик. Подскочив к двум валунам, за которыми и лежал пограничник, вытащил потерявшего сознание бойца за ноги наружу – теперь понятно, как он избежал смерти в первые секунды боя – и стал бинтовать, останавливая кровь.

Подошедшая группа сразу же вызвала вертушку для эвакуации раненого, остальные четыре пограничника, к сожалению, погибли. Кроме того, выставила охранение и начала обыскивать боевиков и потрошить узлы на шести маленьких осликах. Банда шла из Афганистана.

Подошедшая усиленная группа пограничников с заставы блокировала все подходы и ушла по следам банды, чтобы обнаружить место перехода границы. Старший лейтенант, командир заставы, склонился над одним из пограничников и сморщил лицо, было видно, что он готов вот-вот расплакаться.

– Ведь получили сведения от агентуры, что готовится проход. Только не знали, где и когда. Вот я и пустил усиленные патрули, – вздохнул он. Старший пограничник группы оказался его лучшим другом.

За этот бой я получил свою первую Красную Звезду.

В принципе можно, даже нужно рассказать про еще один случай. Во время тренировки, хлопнул далекий выстрел, и один из моих бойцов обмяк, повиснув на веревках. Мы в это время преодолевали хребет. Пуля дура – боец погиб на месте. Мы оставили с погибшим бойца, чтобы он дождался эвакуационной вертушки, а сами начали преследовать стрелявшего. Через полчаса были обнаружены следы каравана, идущего неизвестной нам тропкой. Границу мы перешли следом за караваном не задумываясь, мы же не пограничники, как раз наша работа и состоит в том, чтобы действовать за границей. Тем более ни знаков различия, ни документов у нас при себе не было. Караван мы догнали, однако он на наших глазах втянулся в небольшой аул.

– Что делать будем? – поинтересовался подползший ближе командир отряда, недавно получивший звание старшего лейтенанта.

– Окружаем аул и устраиваем им ночь длинных ножей.

Старлей удивленно посмотрел на меня, но молча кивнул. Он уже давно научился разбираться, где я шутил, а где нет.

Под утро мы вернулись на нашу сторону, оставив мертвый аул позади. Когда работа была сделана, ко мне подвели парнишку лет десяти и показали длинную старинную английскую винтовку.

– Его это работа. Когда караван проходил, этот малец увидел нас на склоне и сдуру выстрелил. Попал случайно. Его отец вел караван, надавал сыну тумачков за то, что стрелял, и скорым маршем повел караван к границе.

– Из-за этого мальчишки мы больше сотни человек отправили на тот свет, – вздохнул я. – Ладно, его к остальным.

Когда мы выходили из аула, голова мальчишки торчала на вершине голов из жителей аула и людей каравана. Пирамида получилась двухметровая. С тех пор на этой границе стало очень тихо, и нас перевели на триста километров в сторону, к другой комендатуре.

Тут мы стали известны только однажды, когда пропал пограничный наряд и слышавшие о нас от других пограничников местные офицеры попросили найти их. Следы уходили в Афганистан.

Мы согласились помочь и ушли в ночь. Через восемнадцать километров вышли к одному ущелью, из которого доносились крики, переходящие в вой.

Когда мы при свете восхода увидели, что происходит на поляне у красивого невысокого водопада, даже мне стало плохо. Один из пограничников как на коне сидел верхом на железной бочке гольшом, а в бочке полыхал огонь. Это именно он кричал. До нас доносился запах горелого мяса.

Именно из-за этого нам пришлось действовать незамедлительно. В результате чего один из душманов чуть было не ушел. Пока проводили контроль и выставляли охранение, двое бойцов залили бочку и с ужасающим хрустом оторвали прижаренного пограничника, однако мы опоздали, он уже умер от болевого шока. Укол морфия не помог, сердце разорвалось. Двое других пограничников разной степени побитости обнаружались рядом.

Дальше мы стали отходить, так как нас обнаружили афганистанские военные. Пропетляв и вернувшись, погибшего и уцелевших пограничников мы передали их товарищам, после чего отошли к себе на базу.

После этого случая меня и перевели на Украину, где я принял другую группу, так как эта, по данным начальства, была готова. Впоследствии выяснилось, что так оно и было. Отряд не раз сопровождал нелегалов в Афганистан и обратно.

На Украине я работал шесть месяцев. Перевели-то зимой, так что я отдал все силы на подготовку и разведку, а как начало подтаивать, мы и нанесли удар по восстановившейся банде ОУНовцев.

Трижды меня вызывали в Москву: один раз при службе в горах и дважды на Украине. Все три раза были достаточно серьезными. В первый раз я искал «Мосгаз», неофициально, кстати. Просто поиграл в следователя недельку и сообщил имя убийцы вышестоящему начальству, а там уже они сами развлекались. Тогда же как раз наградной подоспел за пограничный конфликт, и меня наградили первым боевым орденом. Во второй раз писал полный отчет о диверсионных группах, подготовленных для действий в горах, в лесу или степи. Доклад шел председателю КГБ. Ну, а в третий раз меня вызывали, чтобы наградить второй Красной Звездой за действия подразделения на Украине. Было за что.

У отца из наград были две Красные Звезды, орден Отечественной войны и медаль «За отвагу». У меня также две «Звездочки» и «Отвага», еще один орден – и сравняемся. Кстати, родители о наградах ничего не знали, в газетах об этом не сообщалось, да и я не говорил.

Кроме этого, я еще и в отпуск катался, заодно сдавая рукописи, хотя зачастую отправлял их просто по почте.

Вздыхнув, отгоняя воспоминания, я задумался о причинах, почему тетка Марины не сообщила о ее гибели моим родителям. Может, тех не было дома? За последние три года у родителей сложилась традиция брать отпуск и дополнительно еще один месяц за свой счет и проводить в Сочи у прабабушки.

Однако Марина погибла три месяца назад, а родители уезжают в конце июня, редко в июле. А сейчас была середина июня тысяча девятьсот шестьдесят шестого года.

После того как я купил родителям дом и провел туда телефон, стало вполне возможным хоть позвонить. Странная ситуация.

Да и торопился я, честно говоря. Помня все круги ада своей жизни в детдоме, я спешил в Харьков. Ведь дочки у меня были полностью домашними девочками, поэтому я и собирался, если что, достаточно жестко вырвать их из рук воспитателей, даже если эти воспитатели начнут умирать. Я твердо соотносил тех воспитателей из будущего с этим временем, хотя давно уже понял, что этого делать не надо. Мир другой... добрее, что ли?

– Садимся, готовься! – крикнул боргтехник и отстегнулся, после чего вышел из салона.

Анна Викторовна вышла с кухни и грустно покачала головой. Не так давно поступившие в детдом трехлетние девочки-близнецы все никак не могли поверить, что они останутся тут навсегда. На чудо удочерения пока шансов было мало. Анна Викторовна была опытным работником, занималась брошенными и никому не нужными детьми на протяжении вот уже шестнадцати лет, и доверяла своему опыту. Скорее всего, они никогда не увидят своего отца, однако девочки с удивительным упорством продолжали по очереди дежурить у окна, наблюдая за входной калиткой у въездных ворот. В их взгляде было столько надежды, что пробирало даже воспитателей.

Подойдя к трехлетней крохе, которая стояла на цыпочках на спинке лавки и смотрела во двор, Анна Викторовна сказала:

– Максим. Сейчас будет полдник, пойдем я тебя провожу.

– Нет, – упрямо насупилась девочка.

Анна Викторовна снова печально вздохнула. Она уже знала, что если взять ребенка на руки, то она не будет вырываться и кричать, не было у близнецов такой привычки, просто чуть позже снова вернется на свое место наблюдения. Раньше девочек постоянно путали из-за одинаковой одежды, наверное, разобрать кто есть кто могла только их погибшая мать, но после того как их стали одевать в разную одежду, проблем с опознанием больше не возникало. Близняшки были красивыми девочками с большими карими глазами и каштановыми волосами.

Погладив Максим по голове, отчего одна из косичек сползла с плеча, старшая повариха направилась в группу, где находились дети после прогулки во дворе детдома.

«Это же надо было назвать девочку мальчишеским именем, – сердито подумала повариха, – что это за имя – Максимилиана? Вот Александра или Евгения еще куда ни шло, а Максимилиана откуда взялось?»

Когда Анна Викторовна снова вышла в коридор, одинокая детская фигурка продолжала стоять в ожидании у окна.

– Стоит, – сказала повариха вышедшей следом воспитательнице.

– Сейчас сменится. У них с этим как по команде, – ответила та.

– Папа? – с тихой вопросительной интонацией проговорила девочка и напряглась, всматриваясь в кого-то на улице, невидимого поварихе и воспитательнице, и тут же девочка крикнула уже уверенно и радостно: – Папа!

Обе женщины несколько не удивились, уже дважды кто-то из наблюдателей-сестер ошибался и принимал чужих мужчин за своего отца. Однажды это был кочегар, невысокий и плюгавый мужичок, другой – водитель грузовика, что доставлял продукты. Тот же невысокого роста.

– Папочка! – снова крикнула девочка и, соскочив с лавки, побежала к двери, мимо воспитателей, взметнув юбки и халаты, проишмыгнули остальные, последовав за сестрой.

В окно удивленные женщины увидели, как от калитки к главному корпусу детдома уверенно идет невысокий, совсем молоденький офицер в парадной форме. Что привлекало в нем внимание, так это боевые награды на кителе, парадный пояс с неуставной кобурой на длинных ремешках в районе правой ягодицы. Во время войны повариха служила в летной столовой одного из фронтовых истребительных полков. Там летчики носили оружие именно так, однако офицер явно не относился к воздушным бойцам – на голове его была зеленая фуражка пограничника. В руках у него был чемодан, а на плече висела гитара в чехле.

Выбежавшие из третьего корпуса – для младшей возрастной группы – девочки, видимо, привлекли внимание офицера, он обернулся, вдруг расплылся в улыбке и поспешил к сестрам навстречу.

Эта встреча произошла на середине пути, офицер едва успел поставить чемодан и приклонить к нему сброшенную с плеча гитару, после чего сграбастал всех трех близнецов в охапку и начал целовать.

– Похоже, это действительно отец, – уверенно сказал повариха, и платком, что достала из кармана, начала промакивать глаза. Она была очень впечатлительной.

Все дети группы и воспитатели облепили окна и смотрели за этой трогательной встречей. Из главного корпуса вышел директор детдома и, оперевшись на трость, также смотрел за проявлением встречи после долгой разлуки. Он дал им пообниматься и наговориться минут десять, после чего подошел. Воспитательница, отвечавшая за сестер, поспешила туда же, а вот повариха осталась у окна. Она не хотела пропустить хоть что-то.

– Добрый день, – наконец офицер выпрямился, поглаживая по голове Женю. Девочки ни на шаг не отходили от отца и цеплялись за форменные штанины.

– Здравствуйте, – кинул директор. – Я Дмитрий Игоревич Васильев, директор детдома. Вы, я так понимаю, отец девочек, Игорь Соколов?

– Так и есть. К сожалению, трагическую весть я получил слишком поздно. Но как письмо дошло, сразу же вылетел первым попавшимся бортом.

Директор и офицер осмотрели друг друга. Было видно, что они оценивали, кто чего стоит. И ветеран-директор с наградными планками, и офицер с боевыми наградами явно остались довольны друг другом.

– Инна Андреевна, – наконец представилась воспитательница.

– Игорь Викторович, – умудрился щелкнуть каблуками офицер и с немалым достоинством слегка склонил голову в приветствии. – У меня мало времени. Поэтому хотелось бы побыстрее закончить с бюрократией и забрать дочек.

– Но это не на один день, – спокойно сказал директор, видимо, он уже составил свое мнение об офицере.

– Думаете, меня это беспокоит? – слегка усмехнулся отец девочек, и на его лице появилось то самое упрямое выражение, к которому так привыкла за последнее время воспитательница. – Я их забираю сегодня же, а документы оформим задним числом. Все равно я из Харькова в ближайшую неделю никуда не уеду.

Видимо, отец уже успел сообщить дочкам, что никуда от них не уедет, поэтому ластись они к нему совершенно спокойно, хоть и очень радостно. Вот он наклонился и взял на руки Сашеньку, после чего спросил:

– У вас телефон есть? А то я так и не сообщил своим родителям. Надо бы позвонить.

– Пройдемте в мой кабинет, там и поговорим, – предложил директор, и они всей гурьбой направились к главному корпусу.

– Не успел в гостиницу поселиться, сразу с военного аэродрома к вам, – пояснил со смущенной улыбкой офицер, поднимая с тропинки чемодан и гитару. Одна из девочек уже сидела у него на плечах, другие две бежали, стараясь поспеть, рядом.

До родителей я дозвонился не сразу. Телефонистка дважды отвечала, что абонент недоступен, наконец после третьего звонка сняли трубку.

– Алло? – услышал я голос одной из сестер.

– Тома? Это Игорь. Мама с папой рядом? – сегодня был выходной, воскресенье, поэтому вряд ли родители пребывали на работе.

– Нет. Мама у тети Маши, там Яшенька заболел, а папа на улице, машину моет. А Лида в огороде, грядки поливает, я на минутку забежала водички попить и услышала звонок, – скороговоркой сообщила сестренка.

– Скажи родителям, что я в Харькове и здесь срочно нужна их помощь. Мои дочки остались одни... Совсем одни, – с намеком сказал я, так как доченьки умудрились втроем занять мои колени. – Я сейчас в детдоме, он тут один, не ошибетесь. Потом устроюсь в гостинице.

– Ой, беда-то какая! – заголосила понятливая сестренка. – Я все сейчас скажу, и мы сразу приедем.

– Сегодня не успеете. Поздно уже. Завтра с утра выезжайте... Я еще с вами свяжусь чуть позже.

– Хорошо.

Разъединившись, я положил трубку, и поблагодарил директора – не каждый даст позвонить по межгороду, и чмокнул в лобик ближайшую дочку. Надо показывать им и напоминать, что детдом позади, и я всегда рядом. Стул, на котором я сидел, был жестким, без мягкой сидухи, однако я нисколько не заморачивался этим, придерживая дочек, чтобы не свалились с колен. Уткнувшись в волосы Максим, я вдохнул такой родной запах.

– Теперь давайте поговорим о составлении документов, – положив локти на стол, сказал директор.

– А о чем там говорить? – удивился я. – В паспорте у меня ясно указано, что дети мои, да и в их документах это значит. Давайте показывайте, где подписать, чтобы забрать их, и до свидания.

– Мы уже позвонили в милицию, сотруднику, что ведет дело о... – директор кинул быстрый взгляд на моих дочек и поправился: – В общем, позвонили и сообщили о вас. Так положено. Сестры Соколовы были приняты нами по всем документам, и вот так отдать их вам мы просто не можем. Однако мы готовы пойти вам навстречу и оформить, из уважения как к боевому офицеру, все задним числом. Это займет дня три, так что если вы действительно собираетесь задержаться тут на неделю, то проблем я не вижу.

– Хорошо, – кивнул я с благодарностью. Сообщать о том, что как только родители приедут, то отправлю их вместе с пока еще единственными внучками обратно, я не собирался.

Дочки крутились вокруг меня, пока мы быстро оформляли документы, и директор выпустил нас из детдома. Нам ведь еще нужно было заселиться в гостиницу, или на крайний случай снять комнату. В Харькове с этим было не трудно. Вселяться в квартиру, где жила Марина, мне не хотелось. Там будет все напоминать нам о ней. Да и наверняка квартиру уже заняли новые жильцы, при отсутствии частной собственности тут с этим просто.

Директор отдал мне дочек без проблем, а вот свидетельства о рождении остались в детдоме до окончания оформления всех документов. Это меня не беспокоило ни в малейшей степени – если надо, сделаю липу. Научился за последние годы.

В гостиницу мы все-таки не стали заселяться, а порасспросив прохожих, которые с интересом разглядывали боевого офицера и маленьких девочек с ним рядом и охотно делились информацией, где можно снять комнату.

Меня заинтересовал только один адрес, где хозяйка держала живность и козу. Туда-то я и пошел, однако оказалось, что комната уже занята студенткой сельхозтехникума, но хозяйка, дородная женщина, готова была уступить свою комнату в небольшом деревянном домике.

– Что ж я, оглашенная какая? Выгонять детей в ночь, – бормотала она, меняя постельное белье на кровати и изредка ласково поглаживая дочек. Те еще дичились, прижимаясь ко мне. – Сейчас я вам молочка налью, с хлебушком.

Насчет ночи она была почти права, на улице начало темнеть. После позднего ужина я попросил посмотреть за дочками, пока схожу к ближайшему телефону-автомату. Однако не тут-то было. Если хозяйка была не против, даже рада, то вот дочки оставаться без меня не хотели категорически.

– Ладно, – улыбнулся я. – Вместе прогуляемся.

В это время меня затеребила Максим за штанину и попросилась в туалет. Они уже были приучены к горшкам.

– Ой, у меня есть горшок. Внучок приезжает – пользуется. Сейчас я его кипяточком окачу, и будет готово.

К тому времени как дочки (по очереди) сходили на горшок, я переоделся в единственную гражданку, что у меня была. То есть в светлую рубашку с короткими рукавами, черные брюки и летние туфли. Кроме туфель, все было оригинального и стильного пошива дяди Якова.

Дочки у меня были самостоятельные, сами надели туфельки в сенях, так что мне оставалось только убрать пистолет за ремень брюк сзади. Запасной магазин и удостоверение разложил по карманам. Мелочь ссыпал в карман брюк. Рубашку я носил навыпуск.

Хозяйка дома Мария Макаровна сказала, где находится кабинка ближайшего телефона-автомата, однако он оказался сломан, но прохожие подсказали, где можно найти еще один – на здании ближайшей почты.

За двадцать минут мы радостной гурьбой дошли до него, после чего я накидал в приемник мелочи и сообщил дежурной телефонистке нужный номер в Киеве. Ответили почти сразу, видимо ожидали:

– Игорь?

– Привет, мам, – достаточно бодро ответил я.

– Давай рассказывай, что там случилось! А то мы места себе не находим. Тома сказала, будто бы с Мариной что-то случилось. А с детьми что? Что там с моими любимыми внучками?

– С дочками все нормально. Марину машина сбила. По словам директора детдома, она погибла на месте, сразу. Но я уточню у следователя, что ведет дело. Потом Тамара Авдеевна скончалась от остановки сердца. Только и успела отправить несколько писем по моему прежнему адресу. Детей отдали в детдом. Ни моего, ни вашего адреса, по словам директора, у них не было. Да и знали они только обо мне.

– Ой, беда-то какая-я, – заголосила мама. – Мы ведь недавно навещали, гостинца внучкам привозили. Когда случилась беда-то?

– Двадцать восьмого марта.

– А мы были двадцать третьего-о.

– Вы когда планируете выезжать?

– Завтра в пять утра, отец решил.

– Хорошо, значит, где-то к обеду будете здесь.

– Где внучки мои? – спросила мама заплаканным голосом.

– Рядом стоят, хочешь поговорить?

– Да, конечно.

Длины шнура хватило спустить трубку вниз. Пока дочки общались с бабушкой, я кинул в приемник еще пару монет, чтобы времени было больше. Было видно, что телефоном дочки пользоваться умели. Марина водила их несколько раз на телеграф поговорить с бабушкой и дедушкой. Реже со мной.

– Пикает, – протянула мне Александра трубку.

– Сейчас, похоже, обрыв был.

Я снова взял трубку и через телефонистку снова набрал родителей, вернув трубку дочкам. Пусть поболтают с бабушкой и дедушкой. Да и тетки жаждали поболтать с ними, и фиг с ним, что тетки всего на семь лет старше. Общие интересы они всегда найдут.

Минут через пять мне вернули трубку обратно, и я договорился с родителями, что привезти. Щеголять в форме не хотелось, мне нужна была скрытность, пусть привезут одежду Толика, она мне как раз будет. Тот все равно против не будет, так как уже третий месяц проходит службу в Крыму. Тоже в погранвойсках, как отписала мама, только на сторожевике.

После этого мы немного погуляли по городу, а когда я заметил, что дочки начали клевать носами, повернул к дому. После водных процедур под деревенским уличным умывальником и жесткого офицерского полотенца, дочки быстро уснули. Я тоже помылся и, прокравшись в нашу комнату, занял место с краю кровати, чувствуя, как ко мне доверчиво прижимается Максим.

Когда я навещал Марину и дочек, они всегда спали со мной, так что к этому делу я был привычен. Главное не повернуться во сне. А то лег набок – и хрусть. Это, конечно, только навязные опасения и фантазии, но они уже переросли у меня в манию, так что я спал вполглаза, стараясь не ворочаться. У меня так было и в прошлой жизни, с той дочкой. Переместился в другое тело, а страхи остались прежними. Марина, кстати, над ними смеялась.

Утром Мария Макаровна накормила нас вкусным деревенским завтраком. . . ну мне вкусным, дочки морщились, когда ели домашний творог. После завтрака мы направились в отделение милиции. Нужно пообщаться с тем сотрудником, что определил дочек в детдом. Обычная бюрократия, и с тем следователем, что вел дело о наезде.

Дочки вчера еще не пришли в себя после нашей встречи и больше молчали, подставляясь под ласку. Вот сегодня я понял, что такое детский сад на выгуле. Галдят, как галчата. Они совсем не замолкали, пока мы шли в милицию, делились своими детскими радостями и горестями. В меру сил я поддакивал и отвечал. В принципе ничего страшного, пока шел, уже привык и отвечал односложно: да – нет. А то замучают вопросами.

Дежурный отправил нас к нужному сотруднику. Коим оказалось полная женщина в форме капитана. Долго мы у нее не задержались: подписав нужные бумаги и написав заявление, что сам хочу воспитывать своих дочек, я с детьми вышел из ее кабинета. Дальше я поинтересовался насчет интересного мне дела. Оказалось, что опера, которые этим занимались, в командировке в области, а следователь находится в прокуратуре.

Выйдя из здания отделения милиции, мы направились в прокуратуру. Правда, дважды посещая кустики. Нет, надо дожидаться родителей. Так я никогда не найду убийц Марины.

Да, я собрался разобраться с этим делом. Фактически одним поворотом руля подонки поломали мне все планы на будущее. А так как детей я бросать не собирался, это был факт. Ничего, думаю, живые позавидуют мертвым, когда я их найду. А планы? А что планы? Подкорректируем по вновь открывшимся обстоятельствам. Если что, родителям только в радость повозиться с внучками, пока я месяц-другой решаю свои проблемы.

Следователь был на выезде, мы не стали его дожидаться, а купив по пути мороженое у продавщицы, что стояла рядом с тележкой, и, стараясь не закапаться подтаявшим сладким лакомством, быстро его уничтожили. Вкусное оказалось эскимо на палочке.

Потом попили сладкой газировки из автомата и направились на съемную квартиру. Родители адрес знали и должны были подъехать туда.

К часу на улице раздался знакомый автомобильный гудок и показался капот чуда советского автопрома – бирюзовой «Волги» Газ-21. Ранее эта машина принадлежала мне, я купил ее, когда учился в мединституте. Забавно, у меня была личная машина, а жил я на съемной квартире. Так как не собирался тогда озаботиться жилплощадью. Ну, а когда уходил со второго курса в армию, то перегнал ее в Киев и подарил отцу. Тот давно на нее слюни пускал. Отец живо продал за символическую сумму четыреста первый «москвич» (тоже мой подарок) дяде Роме, и мы переоформили машину на него. Судя по ровной работе мотора, отец хорошо заботился о машине, хотя о чем это я? С его-то друзьями, профессиональными шоферами.

Отец заметил, что я вышел из дома, и понял, что с адресом они не ошиблись. Машина тут же встала как вкопанная, и послышалась команда отца:

– Прибыли, высаживаемся!

Почти сразу открылась передняя дверца и появилась мама, а с заднего сиденья соскочили сестры. Уже взрослые на вид, почти одиннадцать все-таки.

– Где они? – тут же спросила меня мама.

– Вон, в корыте купаются, – кивком показал я на повернутые в нашу сторону любопытные мордашки.

– Бабуля! – прозвучал вопль узнавания.

Мама и сестренки поспешили туда, где начался радостный ор, а мы с отцом пожали руки друг другу.

– Здорово, бать, – степенно поздоровался я, прекрасно зная, что отец не любит суеты.

– Здравствуй, сын... – посмотрев в сторону суесящихся у корыта фигур, отец отстраненно сказал: – Чуть толпой сюда не рванули. Рома, дед с бабкой хотели. Еле уговорили их остаться, мол, сами справимся. Тебе привет от всех.

В это время из дома вышла хозяйка и присоединилась к остальным женщинам.

– Хорошо, что было желание, значит, не безразлично, и хорошо, что не приехали. Шуму было бы много. Я вам через два дома комнаты снял, там переночуете – и завтра обратно. У меня тут дела... Нужно закончить с оформлением документов по отцовству.

Эта причина вполне устроила отца, хотя он и бросил на меня острый взгляд.

– Как Толик? – сменил я тему.

– Три дня назад письмо от него пришло. Пишет, что нравится. На физтренировках отдыхает. Недавно в рукопашной раскидал пол-отделения. Командование заинтересовалось, узнало, что это ты его обучил, и назначило на должность инструктора по рукопашному бою. Две недели уже учит, – отцу было явно приятно рассказывать про успехи сына. – У тебя как дела?

– Да так. Старшего лейтенанта получил, – и тут же как бы между делом: – Недавно наградили вторым орденом Красной Звезды.

Отец поперхнулся:

– Почему я об этом в первый раз слышу?! – возмутился он. – Да и откуда?!

– Я же пограничник, караваны контрабандистов брал. А говорить?.. Да как-то к слову не пришлось. Хвастаться не хотелось.

Отец все-таки переварил шокировавшие его новости, и после общих объятий – мама, наконец, оторвалась от своих ненаглядных внушек – мы стали частично разгружать машину. По просьбе отца я надел на праздничный ужин, который быстро приготовили хозяйка и мама, китель с наградами и сидел во главе стола. В общем, вечер удался. Немного портило встречу воспоминание о Марине, но я уже перегорел, а для родителей она была фактически чужим человеком, вот только внучки родные, кровиночки.

Вечером я проводил родителей и сестер до дома, где были сняты комнаты, а утром отправил с дочками обратно в Киев. Все, теперь впереди у меня работа по поиску убийц Марины. Да здравствует *жесть*.

Прежде чем начать, требуется посетить следователя. Что ж, с него и начнем...

В десять дня, через полчаса после того, как родители уехали, я собрался в прокуратуру. Родители увезли не только дочек, но и почти все мои вещи. Оставив только одну импортную спортивную сумку, которую я подарил Толику на семнадцатилетие, с его же одеждой. Про документы и оружие я и не говорю, они всегда со мной. Правда некоторое взрывающееся и стреляющее оружие я переложил из чемодана в сумку. Кроме пээма у меня были затрофеены вальтер с полусотней патронов и тремя магазинами, две лимонки тысяча девятьсот сорок третьего года выпуска, эсэсовский кинжал и финка. Причем действительно финского исполнения. К вальтеру был прикреплен неплохой глушитель, по крайней мере, с двадцати метров ничего не было слышно. Такие были у всех бойцов и офицеров отрядов, что я готовил.

На всякий случай я достал трофеи из сумки – вдруг что, отмазаться отмажусь, но могут быть проблемы. В общем, я стер с них свои отпечатки, завернул в тряпицу и спрятал в срубе дома, где снимал комнату. Даже с собаками хрен найдешь, знаю, я по тайникам спец.

После этого я вышел из дома, сообщив хозяйке, что вернусь только вечером, и направился к следователю. Как я и предположил, старшего следователя с занимательной фамилией Кличко, на месте не оказалось, однако дежурный заверил меня, что после обеда он точно будет. Подумав, я вышел из здания прокуратуры и направился на рынок, в то место, где циркулируют свежие и старые городские слухи. Если где можно собрать информацию о трагедии трехмесячной давности, то только там. Ну, или хотя бы в том районе, где жила Марина. Мне, кстати, надо будет наведаться в жилконтору и узнать насчет квартиры Марины. Она была ведомственной, и, наверное, ее опечатали, хотя могли отдать и другим жильцам. Тут это просто, хотя дочки и прописаны в этой квартире. Нужно собрать вещи детей, да и альбомы с семейными фотографиями. В общем, все, что будет напоминать им о матери. Но это завтра, сегодня сбор сведений.

Как вести беседу, я знал прекрасно, поэтому, гуляя между рядами, заводил разговоры с продавцами. Повезло мне с бабкой, что торговала жареными тыквенными семечками. Купив кулек, я с ней разговорился, начав с того, что хотел бы поселиться в таком прекрасном зеленом городе. Бабка охотно рассказывала о местных достопримечательностях. Как бы между прочим я упомянул о том, что меня у вокзала чуть было не сбила машина. Та моментально уцепилась за эту историю, рассказав о недавней трагедии.

– Было у нас похожее. Только там молодую женщину прям насмерть задавили, а ведь ей, бедняжке, даже тридцати не было, – старушка взяла подвязанные под подбородком концы головного платка и промокнула глаза. – Я ведь ее еще маленькой помню, на соседней улице жила. Вот ее черная машина и сбила.

– Черная? – сразу заинтересовался я. Таких машин у простых граждан не было, а даже если были, то единицы.

– Да, – с жаром продолжила источник информации. – На этой же машине раньше секретарь обкома ездил. Потом его перевели в Киев с повышением. Теперь он первый секретарь горкома партии.

– А с машиной-то что? – сделал я заинтересованный вид.

– Так водитель, Михаил Терентьев, два года назад на пенсию вышел, вот и выкупил ее как списанную, так она же как новая с виду. Берег он ее. А потом это и случилось, угнали у него ее и сбили девушку-то.

– А точно угнали? Может, он сам ее и... – сделал я рукой вниз, как будто спланировал.

– Да не, точно угнали. Мне Марья Ивановна с Советской рассказала. А той Люда, продавщица из киоска «Союзпечать», а она слышала от гардеробщицы Люси, что работает в музее, а та соседка Терентьева. Он ведь в это время в огороде ковырялся. Она сама видела, как он две яблони сажал с сыном. Потом закончили, вышли, а машины-то у двора и нету. Но Михаил Юрьевич тревогу не поднял, думал, младший сын покататься решил, а потом когда милиция приехала, выяснилось, что сын-то в это время на уроке в техникуме был. Вот и получается, угнали ее.

– Да, интересная история, – задумчиво пробормотал я, и тут же перевел тему на другое.

Следуя к прокуратуре, я прокручивал все сказанное старушкой. Конечно, там от правды было процентов шестьдесят. Остальное надумано за это время, однако история с наездом хоть немного прояснилась. А то, что история темная, я был уверен на сто процентов.

В этот раз мне повезло, следователь был на месте.

– Вторая дверь налево, – сообщил дежурный.

– Спасибо.

Документами я не козырял, к следователям постоянно наведывались свидетели и пострадавшие, вот и сейчас я сообщил, по какому делу, и меня отправили в нужный кабинет.

Подойдя ближе, я покачал головой, заметив, что табличка с должностью и ФИО висит на одном гвоздике.

– Непорядок.

Повесив на второй гвоздик – кажется, он был без шляпки – я постучался и вошел, услышав за спиной, как табличка снова слетела с гвоздика и зашуршала по двери, покачиваясь.

– Вы Соколов? – подняв голову, сразу же спросил следователь, заставив меня насторожиться. Честно говоря, я хотел показать удостоверение и попросить ознакомиться с нужным делом, однако следователь все поломал. Но озадачило меня не это, а то, что он сразу опознал меня. Это не есть гуд, все это мне нравилось все меньше и меньше. Однако я ничем не выдал своего удивления, плотно прикрыл дверь и, кивнув, сказал, проходя к столу:

– Это я. Мне бы хотелось узнать, как продвигается следствие по делу о наезде на Марину Ключеву.

Я сел на стул, что стоял перед столом, и вопросительно посмотрел на Кличко, который буравил меня неприятным взглядом. В общем, смотрел, как на досадливую помеху.

– Ведется следствие, мы пока не смогли выйти на угонщиков, хотя есть некоторые наметки.

– Какие? – спокойно спросил я, глядя прямо в глаза следователю.

– Я не могу разглашать эту информацию в интересах следствия.

– Машина была вскрыта или ее завели родными ключами? – чувствуя поднимающееся бешенство, так же спокойно спросил я.

Следователь отвел взгляд и ответил:

– Взломали.

«Врет», – понял я.

Дальше общаться со следователем смысла не было, поэтому я перегнулся через стол и нанес ему удар указательным пальцем в точку под подбородком.

Того парализовало, единственное, что он мог делать, это крутить глазами, с проявившимся страхом наблюдая за мной.

– Где папка с делом?

Следователь, понятное дело, ответить не мог, но невольно стрельнул глазами в сторону полуоткрытого сейфа, в замочной скважине которого торчала связка ключей. Достав из кармана тонкие кожаные перчатки, я надел их и, открыв сейф, убрал в сторону кобуру с пистолетом – по форме там был ТТ, – после чего стал перебирать папки. Нужная мне была самой нижней.

– Интересно, а почему это дело поручили именно тебе? Прокурорские следки не должны расследовать такие дела, если, конечно, там нет умысла смертоубийства... Хотя можешь не отвечать, наверняка Романов твой большой друг, а то и еще один работодатель. Небось, уже получил плюшки от этого дела? А? Чего молчишь? Совесть мучает? – насмешливым голосом спросил я.

Не дождавшись ответа от парализованного следка, с папкой в руках я вернулся на свое место и под злым взглядом следователя, видимо, тот немного пришел в себя, начал изучать все, что там было. Через двадцать минут я откинулся на спинку кресла и задумчиво посмотрел на следка.

– Подчистил? Тут нет ряда бумаг. Обманул про замок, ведь машину открыли и завели родными ключами... Но это ладно, где справка от экспертов по дактилоскопии? Почему в отчетах оперов значатся четверо свидетелей, а приложены опросы только двух?.. – я пошелкал пальцами в задумчивости. После чего убрал папку на место, вернул все, как было, и, встав так, чтобы Кличко меня видел, сказал: – Передай тому, кого покрываешь: узнаю, что это дело его

рук – брюхо вспорю. Запомнил? Чувствительность вернется часа через два, тогда и сможешь двигаться. Все, пока.

Выйдя, я прикрыл дверь, снова повесил на место табличку и, снимая на ходу перчатки, направился к выходу.

– Уже все? – поинтересовался дежурный милиционер.

– Да, – улыбнулся я. – Прояснил некоторые вопросы.

Адрес, где живет Михаил Юрьевич Терентьев, бывший партизан и фронтовик, дошедший до Берлина, я узнал из материалов расследования уголовного дела по факту гибели Марины Ключевой. Честно говоря, не хотелось бы давить на фронтовика, я их очень уважал, но если потребуется, то старику придется плохо. Жалеть я его не собирался, Марина была родней и ближе, а старика я вообще не знал.

Выйдя из прокуратуры, я поймал попутку. Тут мне повезло, мимо проезжал мотоциклист и довез до нужной улицы. Похлопав его по плечу, поблагодарил мотоциклиста – довез тот бесплатно, это было в порядке вещей, – на малом ходу спрыгнул и стал крутить головой в поисках номеров домов.

Наконец определившись, я пошел вниз по улице. Семнадцатый по счету справа оказался нужным, более того, у закрытого деревянного гаража стояла черная Газ-21, та самая, даже номера совпадали. Капот уже заменили и покрасили. Как и правое крыло, но номера были те же, что значились в деле.

Присев на скамейку в тени дерева соседнего дома, я стал осматриваться, чувствуя, что нахожусь на виду у местных жителей. Это нервировало. Улица была почти пустая, только стайка детишек метрах в двухстах катали обруч палкой, а так только я привлекал внимание, и мне это очень не нравилось. Но другого места для наблюдения видно не было. Глухие заборы да частные дома. Делая вид, что отдыхаю в тени после пешей прогулки и жгучего солнца, вытер платком лицо, поглядывая на нужный мне дом. Это была изба-пятистенок, с пристройками для скотины и гаражом.

Долго сидеть не следовало, и я направился дальше вниз по улице, прикидывая, как достать свидетеля и не засветиться.

Однако судьба сама повернула рулетку. Время было вечернее. Заметив, что открылись створки ворот гаража, я увидел, как вышел худой и жилистый пожилой мужчина с удочками и самодельным спиннингом в руках и стал грузить снасти в машину.

«На вечерний клев», – понял я.

Через минуту черная «Волга» с гордым седоком проехала мимо и свернула на ближайшем перекрестке. Сам Терентьев жил в частном секторе на окраине Харькова, поэтому быстро выехал из города и попылил по проселочной дороге куда-то в сторону одной из проток.

Я закутил головой, пытаюсь поймать попутку. Однако улицы были пустынные, только наверху был виден разгружавшийся грузовик. Машину искать не потребовалось: я заметил прислоненный к забору велосипед у калитки одного из домов и, приватизировав транспортное средство, последовал за рыбаком, стараясь не упустить его из виду, но того выдавал поднятый шлейф пыли.

Буквально через три километра шлейф спал, и я понял, что рыбак приехал на место. Приблизившись, спрятал велосипед в кустах и спокойно, не скрываясь подошел к рыбаку. Машина стояла прямо на малоезженной дороге, что вела к воде, – там был вытопанный рыбаками пятячок. Именно на нем и находился Терентьев. Удобное место, со всех сторон закрывают высокие кусты.

– Здравствуйте, – поздоровался я, подходя ближе. – Прекрасный день, не так ли?

– Да. Хороший денек, только солнце уж больно жарит, – охотно откликнулся пожилой мужчина.

– Красивая у вас машина. Редкая, – проведя по капоту, сказал я.

– Это да, но мне тут просто повезло.

– Дядь Миш, вы, я смотрю, капот меняли и правое крыло? Неплохо сделано, сразу и не заметно, что машина побывала в ремонте, – было видно, что Терентьев насторожился и, обернувшись, начал пристально разглядывать меня. – Кому вы давали ключи три месяца назад?

– Ты кто, парень?

– Помните, наверное, что на вашей машине сбили женщину, которая шла в детский сад забрать дочек? Так это моя женщина и мои дочки. Я проверил и убедился, что алиби у вас есть, однако я теперь более чем уверен, что вы сами дали ключи убийце. В этом и заключается вопрос: кому вы их дали? – я был сама честность.

– Слушай, парень, шел бы ты отсюда. Не лезь в это дело, лучше уезжай.

– Дядь Миш, не так давно, фактически на прошлой неделе, один человек сделал мне неприятность. Знаете, как я ему ответил? Взял камень и стал дробить ему кости, начав с пальцев ног. Когда дошел до костей таза, тот умер от болевого шока. А ведь он только оскорбил меня, сообщив, что имел половую связь в извращенной форме с моей матерью. А теперь представьте, что я сделаю с вами и с тем, кто лишил моих детей матери, когда найду. Просто скажите, кто это, и забудьте о нашей встрече.

– Что будет в ином случае? – хмуро спросил Терентьев. Удочки лежали у его ног, он был напряжен, и что важно – одна рука была спрятана за спиной. Более чем уверен, что он держал там нож. Скорее всего, складной.

– Я все равно узнаю имя. Но после этого мне придется вас ликвидировать. Поверьте, я сам боевой офицер-орденоносец, мой отец фронтовик, его друзья тоже. Я безмерно уважаю воевавших с фашизмом, но если надо, с печалью в сердце, но я вас убью. Я постараюсь это сделать безболезненно и как несчастный случай. Вырублю, усажу вас в машину вместе с вещами. Как будто вы только приехали. И столкну машину в воду. Судя по течению, глубина там порядочная. Несчастный случай во всей красе.

– И ты сможешь это сделать? – было видно, что Терентьев удивлен.

– Раньше делал, почему сейчас не могу? – снова проявил я честность. Попробуй – проверь.

Последовала заминка, Терентьев явно обдумывал ситуацию. Чтобы подстегнуть его, я достал из-под рубахи «макаров» и стал крутить его на пальце, не двигаясь с места и насмешливо поглядывая на погрузневшего и как-то сразу постаревшего мужчину.

– Ладно, убедил. Мне самому не нравится эта история, – сплюнув, сказал он, бросив нож под ноги. – Раньше я возил Романова. Сейчас он первый секретарь горкома партии в Киеве, большой начальник. У него тут остались родственники, он часто навещает их. Бывает, что его сын берет у меня машину покататься. В прошлый раз было так же, девку какую-то решил прокатить.

– Михаил или Виктор? – задумчиво спросил я.

– Виктор... Ты их что, знаешь?

– Даже очень хорошо... Честно говоря, не думал, что вы поверите в мою ложь, – улыбнулся вдруг я, убрав оружие за ремень брюк. Рубашка у меня была навывпуск, и его не было видно.

– А я поверил, – грустно сказал Терентьев.

– Так и было задумано. Не советую никому рассказывать о нашем разговоре, если вам даже и поверят, то все равно предъявить мне ничего не смогут. Свидетелей-то нет... Кстати, а кто к вам приходил от Романова? – как бы между прочим спросил я.

– Из органов парень был, местный чекист. Он удостоверение предъявил.

– Всего хорошего, – козырнул я.

Отойдя, я нашел место наблюдения и немного последил за Терентьевым. Тот постоял, повздыхал, убрал нож в карман и, собрав две удочки, закинул снасти в воду, видимо, обдумыва-

вая в тишине все, что только что с ним произошло. Честно говоря, я никак не думал, что смогу взять его на слабо, однако получилось.

Дождавшись, когда он вытащит второго окуня, я вышел на тропинку и поспешил к велосипеду. Доехав до окраин, оставил велик через два дома от того, где взял его, и направился по улице дальше. Буквально через минуту заметил стайку мальчишек, судя по их виду, они что-то искали, через несколько секунд сзади раздался многоголосый вопль радости. Значит, нашли велик.

Добравшись до дома, я забрал сумку с оружием, и сообщив хозяйке, что отправляюсь в Москву, поселился на соседней улице. Думаю, место, где я снимал комнату, быстро вычислят.

Делать мне в Харькове было фактически нечего, Романовы жили в Киеве, поэтому я занялся бюрократией, одновременно отыскивая тех свидетелей, показания которых были уничтожены. Одна работала при местной больнице на молочной кухне, другой – пенсионер, майор в отставке.

Получив на руки свидетельства о рождении дочек и закончив с оформлением документов, я заехал в жилконтору и вместе с женщиной, что отвечала за распределение жилплощади, на автобусе доехал до дома Марины. Как я и думал, там уже жили чужие люди. Однако два чемодана с вещами были на месте в кладовке в сенях. Дома была пожилая женщина, ее дочь, которой и выделили эту квартиру, находилась на работе. Мне отдали все вещи Марины и оставшиеся детские.

После этого я отвез все к себе на съемную квартиру – завтра отправляюсь в Киев. И пока был свободный вечерок, решил навеститься к свидетелям, данные их были указаны в деле, а адреса я узнал в справочной.

Показав корочки пенсионеру Аркадию Владимировичу, я услышал занимательную историю, которая в корне перевернула мое впечатление о случившемся.

Когда скрипнула калитка, что вела в огород со двора, Михаил Юрьевич разогнулся и посмотрел на уже знакомого комитетчика, что приходил к нему сразу после трагедии, три месяца назад. Рядом шел следователь, что вел то самое дело.

– Здравствуйте, Михаил Юрьевич, – поздоровался комитетчик.

– И вам не хворать, – настороженно ответил бывший партизан, отряхивая от земли руки. Он по просьбе жены заканчивал приводить в порядок просевший на один бок парник.

– Михаил Юрьевич, давайте присядем за стол, там и поговорим.

В саду у Терентьевых под деревьями была беседка, где находился стол и вкопанные лавки, туда и направились гости и хозяин. Так как Терентьев молчал, догадываясь о причинах их появления, то слово пришлось взять комитетчику.

– Скажите, Михаил Юрьевич, в последнее время никто не интересовался аварией, в которой участвовала ваша машина?

– Было такое дело. Вчера, когда на рыбалку ездил, ко мне подошел паренек и попросил рассказать, что в тот день случилось и кому я давал ключи.

– Что вы ему сказали? – насторожился комитетчик, да и следователь, что сидел с индифферентным видом, тоже с интересом посмотрел на хозяина.

– Правду сказал. Сумел он меня убедить это сделать, хоть и хитростью. Я еще тогда сказал, что мне все это не нравится. Романов – мужик нормальный, странно, что он пошел на сокрытие.

– Политика, – спокойно пояснил комитетчик. – Этот парень вам угрожал?

– Да. И знаете, я ему поверил.

– Да что он может! – влез в разговор скривившийся следователь. – Обычный офицер-пограничник.

– Он сказал, что орденносец, – ответил Терентьев.

– Причем дважды, – кивнул комитетчик. – Я беседовал с директором детдома, где он появлялся в парадной форме.

– Не соврал, значит.

– Мы пока пытаемся выяснить место его службы, и где он сейчас находится...

– У вас за спиной, – послышался сзади насмешиливый юношеский голос.

После беседы с пенсионером я заехал ко второму свидетелю, больше для подтверждения, и рванул к Терентьеву, так как был уверен: скоро там появятся люди Романова. Должны были появиться. Ждать долго не пришлось, буквально через два часа у дома Терентьевых остановилась бежевая «Победа», из которой появился неприметный мужчина в штатском и уже знакомый следователь.

Прокрасться к забору и подслушать тихий разговор в беседке мне не составило труда, после этого я подошел ближе и обозначил свое присутствие.

– У вас за спиной, – хмыкнул я, и спокойно подойдя, сел рядом с хозяином, напротив гостей, и покачал головой: – Ай-ай-ай, как же вы так? Разве можно покрывать преступника, который специально направил машину на погибшую, что шла по тротуару. Это ведь превышение должностных полномочий и сокрытие улик плюс выгораживание преступника. Что скажете на это?

– А как же нападение на следователя и запугивание пострадавшего? – надо отдать должное, что чекист быстро пришел в себя.

– Да что вы? И свидетели есть? И доказательства? – в моем голосе было столько иронии, что собеседник понял: этим меня не проймешь.

– Мы сейчас тебя арестуем и поговорим уже в камере.

Я натурально заржал, немного откинувшись назад.

– Ты, клистирка штабная, мышь кабинетная, – раз смежник перешел на ты, я последовал его примеру, хотя он и был старше меня лет на пятнадцать. – Что ты можешь? Только газы пускать да бумажки перекладывать. Думаешь, я не понял, откуда ты? И только не говори мне, что ты из Киевского управления, я там всех ребят знаю.

– Что-то ты много знаешь, – угрюмо проговорил комитетчик, и его рука поползла под пиджак. Пришлось показать пистолет, что был у меня в руках. Я прятал его под столом.

– Что, сука, думал, что я из погранцов? – После чего достал точно такое же удостоверение, какое наверняка было и у моего собеседника. Я сознательно давил на него, мне было нужно имя той девки, что задавила Марину. – Я сейчас пущу тебе пулю в лоб, и поверь, мне за это ни хрена не будет. Приказ на мое задержание, не арест – задержание, может отдать только мой непосредственный начальник, начальник управления, председатель КГБ или лично товарищ Брежнев. Больше никто. Усек? Мне нужно имя, только имя.

Чуть помедлив, тот кивнул, настороженно глядя на меня.

– Отойдем... и оружие убери.

Я убрал пистолет обратно за пояс, после чего мы отошли чуть в сторону.

– Хорошо сыграл, молодец. Я почти поверил. Так же ты провел Терентьева, запугал и сделал предложение?

– Угу, – кивнул я.

– Ясно... Кто начальник шестого отдела в Киеве?

– Полгода назад был Серега Миронов.

– Ладно. Моя забота – это Романов. Девчонка эта московская, Виктор ее в гости привез. Дочка какой-то шишки, кажется даже председателя ЦК. Зовут Марина Агеева. Я в ту сторону не копал. В общем, все, что знаю, сказал.

– Почему ее?

– По словам Вити, она Клюеву хорошо знала. Причина не известна. Девка сразу замкнулась, в этот же день мы отправили обоих в Москву.

– Понятно. Ладно, Роману Андреевичу передайте, что претензий у меня к нему нет.

– Ну ты и... нахал, – покачал головой смежник. – Буром нас взял.

– Зато быстро. Ладно, всего хорошего... – двинулся было я к выходу и остановился: – И совет напоследок. Не следует делать в мою сторону телодвижений, это может закончиться трагически.

– Я понял, – кивнул местный чекист.

Перепрыгнув через забор, я быстро направился к дому, где оставил вещи.

– *Что это было?* – спросил следователь, когда задумчивый комитетчик вернулся к столу.

Тот очнулся и спокойно сказал:

– Мой вам совет, забудьте все, что за эти два дня произошло.

– Но как же нападение на меня?! – возмущился следователь.

– Парень непрост, и в достаточной степени был прав. Предъявить ему, кроме твоих слов, нечего.

– Но я послал по его следам оперов!

– Оперов отзывает. Дело не завел?

– Пока нет.

– И не заводи. Не лезь, чую, мы тут пешки. Вам, Михаил Юрьевич, тоже совет про все забыть.

– Да я уже понял, с головой дружу.

– Все, уходим.

Через минуту комитетчик и следователь уехали, а Михаил Юрьевич, подумав, вернулся к теплице. Скоро стемнеет, нужно закопать яму у столбика теплицы и поправить остекление.

Реакции родного комитета я особо не боялся, предъявить мне было нечего. Романов не даст поднять шум, сделал один раз, сделает и второй. Единственно что – чекист может отправить рапорт начальству, только оно может им подтереться, и ничего более. Да и что я сделал? Ну, поугал, ну, перешел немного моральные границы, но закон не нарушил. Зато выяснил все, что мне нужно.

Быстро собравшись, я направился к автовокзалу. В полдесятого оттуда на Киев отходил вечерний автобус, нужно было успеть на него.

По пути я размышлял над словами чекиста. Думаю, потребовалось все мое самообладание, чтобы не выдать свои чувства при сообщении данных убийцы. Конечно же, Марина знала свою тезку, не могла не знать одну из своих учениц, у которой была классной руководителем.

Агеева была одной из тех одноклассниц, что строила мне глазки, а потом пускала слухи про меня и к тому времени сменившую город и место жительства Марину. Что с ней стало после окончания школы, я не знал, видимо тоже отправилась учиться в Москву. Насчет того, что отец ее шишка, в какой-то степени было правдой – он был директором рынка в Киеве. Кто ее родственники в Москве, я не знаю, но думаю, скоро выясню. Как и то – *почему?!*

Когда водитель помог мне загрузить в багажное отделение все чемоданы и сумку, я решил прогуляться рядом, ожидая отправки. Не хватало двух пассажиров, да и время еще было девять двадцать.

Были и другие гуляющие по вокзалу, однако я стоял чуть в сторонке, оперевшись плечом об одну из колонн, поэтому двух мужчин засек сразу. Не было ни окрика, ничего – приблизившись, они атаковали молча. Причем достаточно грамотно.

Честно говоря, я даже как-то расслабился. Нет, не от неожиданности, а от того, что мозаика сложилась. Значит, все правильно, меня выманивали... как могли – с ошибками и потерей времени, но выманивали из хорошо защищенной базы. Ха! Попробуй доберись до меня в хорошо охраняемой пограничной зоне. Да еще когда я постоянно окружен четырьмя десятками готовых на все отможенных спецназовцев. Отможенных без шуток, готовил-то их я, и профессионализм парней зашкаливал за самую высокую отметку.

Пока не знаю, чья это работа, но я устрою за Марину настоящий геноцид среди представителей разведки и политиков того государства, что на меня попытается наехать. Думаю, это работа англичан, они постоянно вмешивались в наши дела. Интересно, где я засветился? В Афганистане, где уничтожил большую часть агентуры англичан, которые контролировали пару коридоров на границе, благополучно мной закрытые, или на Украине, где была ликвидирована резидентура? Правда, чья, не знаю, там быстро контрразведка тайны навела, когда мы случайно рацию и шифровальщика прихватили на хате. Ну подумаешь, ошиблись с адресом и вломились не в первый корпус шестую квартиру, а во второй корпус в квартиру под тем же номером!

У меня бойцы как обычно действуют? Штурмуют помещение и проходятся по хозяевам специально пошитыми по моему заказу ботинками с железными вставками на носках. Они только через минуту поняли, что забитый под низко стоящий диван окровавленный мужичок с поломанными ребрами вопит, что он радист, готов сдать и выдать коды шифровки. А мы ведь штурмовали квартиру, где должны были собраться те ублюдки, что сожгли дом в деревне вместе с участковым и всей его семьей, а ведь там было четверо детей. Заживо сгорели. Вот и не сдержались парни, а тут вместо того чтобы признаться в поджоге, орут, что всегда были коммунистами и готовы сдать резидентуру. Ладно хоть, тогда еще капитан Неклюев быстро сориентировался. По моему совету (я инструктор и советник при командире) послал вторую группу – на этот раз по правильному адресу – и вызвал контрразведку. Ну, а те нас быстро выставили и сами занялись этим делом.

Но я все равно настучал на них генералу Сахаровскому, и тот велел поделиться наработками. Меня, естественно, в это не посвящали. Моя задача – группы тренировать и учить, а не лезть не в свое дело.

В общем, я многим тогда наступил на мозоль, поэтому врагов хватало. Вот только как на меня вышли, если я особо не светился? Или крот в управлении? Про пяток я точно знал, еще по старым знаниям, но их время еще не пришло. Да и не засветился я перед ними.

У меня было шесть версий о причинах трагедии, что произошла здесь, однако после небольших раздумий версию с обнаруженной разведкой англичан на Украине я отбросил. Захватили мы их за шесть дней до гибели Марины, тут никакая разведка, кроме советской, такую операцию в столь короткий срок не проведет. Это просто не реально. А вот после моих развлечений на границе с Афганистаном времени прошло достаточно, и подготовить операцию для выманивания вполне возможно. А что, хорошая версия. Убили мать моих детей, потом умертвили тетку, детей в детдом. Понятное дело, я прилечу на крыльях. Однако лучшая почтовая служба СССР дала сбой, и письмо добралось до меня не сразу. Вполне возможно, что засаду к этому времени сняли, оставив наблюдателя, поэтому я и ходил по городу постоянно оглядываясь, но совершенно свободно. Но противник узнал, что я все-таки прилетел – и выслал группу захвата. Скорее всего, то, что было под рукой. И вот эти «под рукой» как раз брали меня.

Скажу честно, я только обрадовался, поэтому с улыбкой начал работать в полную мощь. Жалеть агентов противника я не собирался. А допросить их можно и поломанными.

Честно говорю: не впечатлили. Подготовочка какая-никакая была, но больше чтобы гражданских и не особо буйных брать.

Как только оба противника прыгнули ко мне, колонна сразу же стала той точкой опоры, что я использовал для усиления удара. Слева на меня кинулся мужик лет тридцати, в светлой куртке и коричневых брюках. Короткий ежик волос, сросшиеся брови и специфическое выражение лица придавали ему вид угрюмой решительности. В противоположность ему, второй был лет на пять моложе – быстрые движения, не стесняющая тело одежда, и худощавое лицо с глубоко посаженными глазами.

Оттолкнувшись от колонны, я ушел от захвата первого противника, нанеся ему удар в затылок. От чего тот, получив дополнительное ускорение, впечатался лицом в колонну. Руки он свести не успел, чтобы закрыться. Послышался стук и отчетливый хруст. Всхлипнув, он начал сползать, оставляя кровавую полосу на колонне.

– Стой!.. – остановился второй парень, одну руку он вытянул вперед открытой ладонью, пытаясь остановить меня. А второй полез в карман.

Ага, шаз-з, я сам такие уловки не раз устраивал. Поэтому поднырнул под руку и нанес серию ударов в полуприседе, после чего пружиной выпрямился и головой нанес заключительный удар по подбородку. С громким лязгом – кажется, и зубам, и челюсти пришел кирдык – тот подлетел вверх на полметра и спиной обрушился на старый с заплатками асфальт.

У меня в тот момент даже мысль мелькнула: «Даже тут дорожники филонят».

Уф-ф-ф, вот и пар, и злобу внутри спустил.

Все, кто присутствовал на нападении на меня и фактическом избиении нападающих, были в шоке. Рядом вытаращился кондуктор, который проверял билеты у только подошедших, опоздавших пассажиров. Те тоже были в шоке, судорожно цеплялись за сумки и испуганно смотрели на меня.

– Все нормально, – я достал корочки и, не открывая показал их водителю. Тот существенно расслабился и продолжил работу, загоня пассажиров в салон. Скоро отправка.

Убрав удостоверение обратно в карман, я присел рядом с судорожно кашлявшим и умудряющимся хрипеть (ребра-то я ему поломал). Быстро обыскав его, я к своему удивлению нашел удостоверение сотрудника МООП. Обыскав второго, обнаружил еще одно удостоверение сотрудника милиции, да еще и ПМ в подмышечной кобуре. Изъяв все, что у них было в карманах, я вернулся ко второму.

– Кто послал?! – стал я бить его по щекам. – Кто отдал приказ?!

Помогло не битье, а нажатие на определенную точку на шее. Заорав, тот ответил:

– Клищко! Это быф Клищко, следтах из прохуратухы!

Стройно составленная версия рассыпалась как карточный домик. У меня остался один шанс прояснить ситуацию – это Марина Агеева.

Поднявшись с карачек, я велел выглядывающему из дверей автовокзала местному работнику:

– Вызовите «скорую». Кажется, они тут серьезно пострадали.

После этого, держа трофейный пистолет за скобу рукояткой вверх – удостоверения и остальную мелочь я уже распихал по своим карманам, – подошел к закрытой двери работающего на холостых оборотах автобуса и вежливо постучал в дверь согнутым пальцем.

Чуть помедлив, водитель открыл дверь.

– Ну что, вроде все на месте? Тогда поехали, – велел я, остановившись у водителя, после чего наклонился к уху и тихо велел: – Приедем в Киев, высади меня на перекрестке...

Сообщив нужную улицу, я сел на свое место и, убрав оружие в сумку, задумался.

«Это что же получается? Кличко, горящий мщением, отправил за мной двух оперов: капитана Сидорова с табельным пээмом да лейтенанта Удовиченко, вооруженного кулаками, зубами, ногтями да наручниками. Или он решил поквитаться, или ему отдали такой приказ.

Я склоняюсь к последнему. Слишком тупой для чужих игр, а вот решиться отомстить вполне может. Парней я побил практически зря, но тут они сами виноваты. Сколько раз говорили вышестоящие командиры: хоть в зубах удостоверение держи, а при захвате представляйтесь. Вот и вышло такое... хм, недоразумение».

Обдумав эту ситуацию, еще раз прикрыл глаза и, сладко зевнув, не мучаясь такой редкостной гадостью, как совесть, совершенно спокойно заснул.

– Товарищ... – потряс меня кто-то. – Товарищ!..

Потерев глаза, я потянулся и посмотрел на водителя. Оказалось, пока я дрых, мы благополучно прибыли в Киев и стояли на нужной мне улице.

– Приехали? – пробормотал я и тут же удивился, поглядев на наручные командирские часы. – Время восемь, мы где так мотались?

– Рейсовый же автобус. В восемь больших селений заезжали, высаживали и забирали пассажиров, – пояснил водитель.

– Тогда едем дальше, высадишь меня у горотдела милиции.

– Хорошо.

Я проверил карманы и стоявшую рядом сумку, после чего еще раз потер глаза – можно сказать, умылся – и стал с интересом крутить головой. Народу в автобусе заметно убавилось, человек пятнадцать всего, да и то половина неизвестны, видимо подсади по дороге. Как же я так пролетел-то? Думал, прямой до города, а оказалось, мы кругалю давали. Хотя, наверное, так даже лучше. Нужный мне человек сейчас должен находиться на работе и не нужно будет ломиться к нему среди ночи.

Наконец мы выехали на площадь, и автобус, сбросив скорость, остановился у парадного входа горотдела, где также находилось республиканское министерство МООП. Рядом стояли две черные «волги».

Водитель помог мне достать все три чемодана из багажного отделения и перенес их к ступенькам. После чего поторопился уехать, а я, оставив вещи под присмотром дежурного, с сумкой на плече поспешил к замминистра. Друга отца дядю Гошу год назад с должности начальника облотдела милиции с повышением перевели на должность заместителя министра по кадрам. Стремительная карьера, между прочим.

Дежурный уже созвонился с ним, и тот дал разрешение пропустить. Быстро найдя нужный кабинет, я прошел в приемную, где сидела секретарша в возрасте, и с ее разрешения прошел в кабинет.

– Игорь, рад тебя видеть. Сколько мы с тобой не встречались? – вышел из-за стола, сверкая красными лампасами на штанинах, генерал-майор Раскосов.

– Года два уже, дядь Гош, – поздоровался я. – Поздравляю вас с генералом.

– Спасибо... Присаживайся, – указал он на отдельно стоявший диван и маленький журнальный столик со свежими яблоками на большом блюде. – Что-то случилось? Я так понимаю, ты не без причины навестил старого однополчанина отца.

– Случилось, – вздохнул я и, открыв сумку, достал ПМ с запасным магазином, оба удостоверения, наручники и две связки ключей. На одном была служебная печать и ключ для сейфа. Всякая мелочь вроде пачки папирос, двух портмоне, зажигалки и двух носовых платков вывалил чуть в стороне. – Помните, у меня года четыре назад была связь с женщиной?

– С классной руководительницей? Да, я был в курсе, – кивнул генерал, хмуро изучая удостоверение.

– Так вот, ее сбила машина. Дело мне показалось темным, я ведь тоже не простой человек, думал, так хотели на меня выйти, – дядя Гоша изучил теперь уже мое удостоверение и удивленно поднял брови, сообразив, где я работаю. – Провел разведку, оказалось, там замешан младший сын Романова. В принципе, я понял, почему дело замалчивалось.

– Романова выдвинули на должность первого секретаря Украины, – спокойно пояснил дядя Гоша.

– Теперь многое становится понятным. Но ладно, парень там практически не виноват оказался, так, краем зацепило. Он дал покататься на чужой машине своей знакомой, с которой учится в Москве. По моим умозаключениям, она и была агентом разведки противника. Разобравшись с делами в Харькове, я на автобусе хотел выехать в Киев, однако меня попытались задержать. Я-то думал, это агенты противника, прошляпив мое появление и успев в последний момент, решились на захват, поэтому работал жестко. Оказалось, что это были сотрудники МООП, пытавшиеся меня задержать вообще по левому делу. Их ошибка была в том, что они не представились, за это и получили.

– Seriously?

– Достаточно, пара месяцев госпитализации, а лейтенанту, возможно, и инвалидность. Приняв их за противника, работал я жестко. При допросе выяснилось, что их направил на мое задержание некто следователь прокуратуры Кличко.

– Я вылечу сегодня же в Харьков и сам разберусь с этим делом. Не нравится мне такое самоуправство и манкирование служебным положением.

– Мне бы не хотелось фигурировать в этом деле. Пусть будет неизвестный офицер погранвойск. Будут глубже копать – вмешаются мои коллеги. Со своим начальством я сам все утрясу.

Смысла утаивать от генерала сведения я не видел, наоборот, постарался донести, что у него в кадрах непорядок, так что дядя Гоша по своей osobистской привычке будет искать крайних у себя в вотчине и прикроет меня, понимая, что я кругом прав.

Попрощавшись с генералом, я спустился вниз и погрузил вещи в такси, что вызвал дежурный офицер. Через пятнадцать минут я радостно тискал дочек, которые встретили папку во дворе семейного дома.

Мы разгрузили машину и отпустили такси, после чего я наконец свободно вздохнул. Дома.

* * *

Подхватив сумку – из вещей с собой у меня была только она, остальное в багажном отделении – я прошел к проводнице и предъявил билет до Москвы в купе.

В чемоданах были в основном вещи Марины и детей. Кроме поиска убийцы Марины у меня были еще дела. В том числе – обзавестись наконец нормальным жилищем в первопрестольной. Хватит по съемным маяться. Ну и купить новую машину. Благо по местному времени меня можно причислить к миллионерам. Счета в сберкассе разбухали от денег, едва не трещали по швам. А что, за авторство песен мне платят исправно! Да и гонорары за тиражи книг я тоже получаю вовремя.

Пользоваться своим положением известного писателя и выходить из тени не хотелось бы, поэтому я решил купить кооперативную квартиру, причем не в хрущевке с ее полным отсутствием изоляции, а в «сталинке». Их до сих пор возводят, только вот надо уточнить, в кооперативе есть такие или нет. Думаю, трехкомнатной мне хватит. Но я пока этим не заморачивался, нужные знакомые у меня в Москве есть. Они и пробьют эту тему. Да что это, я, вон, с Хилем за руку здороваюсь, и сколько раз был на вечеринках богемы! Правда, не как известный по книгам и песням Игорь Соколов, но неизвестный в жизни, а как свойский Игорек, с которым можно забухать и с девчонками потусить. Так что нужные контакты у меня были. Даже мог без проблем получить квартиру вне очереди как офицер-орденоносец и многодетный отец-одиночка. Вряд ли мне это будет стоить больше штуки, но хотелось бы все-таки кооперативную.

В общем, ближайшее время мне есть, чем заняться, заодно проведу разведку в отношении Агеевой. Запрос по каналам комитета в Москву из Киева дал информацию, что той не

было в городе. Выяснилось, что она где-то на курорте. Главное, чтобы не завалили ценного свидетеля и убийцу, с нагличан станется. Как я буду виновных в убийстве Марины искать? Хотя если она умрет, тем все равно не отвертеться, крайних я быстро найду. Даже сам руки о них пачкать не буду, а найду ирландское сопротивление и начну учить, что и как взрывать. Британия в каждодневном терроре быстро скатится в средневековье. Я это умею, я знал, как это сделать.

Родители пока оставались в Киеве, их двухмесячная поездка в Сочи сорвалась. У отца на работе аврал, и отпуска не давали, да и мама пока была занята. Дочек я оставил у них, будет кому присматривать, пока я решаю свои дела в Москве. Думаю, через пару недель вернусь и заберу, если не отыщу след Агеевой. К этому времени вопрос с квартирой решится, да и я закончу свои дела, возможно даже решу провести все лето в Сочи.

Если Агеева сразу не сыщется, то ничего, вернется к занятиям в университете. Я серьезно, но не официально поднапряг коллег из республиканского управления КГБ, те связались с московскими товарищами и пропустили личную жизнь моей будущей жертвы через следовательский рентген. Ни с кем подозрительным она не общалась, следов вербовки не обнаружено. Так что если она по своей прихоти убила Марину, то ликвидация ее как свидетельницы исключается. Будем ждать. Месть, как говорится, подается холодной. Подождем.

Несмотря на то что я действовал неофициально – это было не трудно, почти все парни в республиканском управлении Киева были знакомыми – я все-таки подстраховался и попросил одного вышедшего на пенсию бывшего чекиста присмотреть за родителями и детьми, подстраховать, можно сказать. Тот жил всего в трех домах от родителей, так что обещал помочь и присмотреть, к тому же с отцом они приятельствовали. Соседи же. Тем более он ранее как раз занимался охраной высокопоставленных лиц Украины, работа по профилю.

Что мне не понравилось, так это то, что в официальном запросе московские подтвердили, что Агеева не так проста. Я был не в курсе, что ее дед партаппаратчик и занимает немалую должность в министерстве тяжелой промышленности. Короче, он был одним из замов. Правда, для меня это мало что значило, я просто уяснил для себя позиции.

На Киевском вокзале Москвы меня уже встречали. Приятель был на машине, поэтому мы быстро поздоровались, перетаскали большую часть вещей в камеру хранения, а один чемоданчик и сумку в его машину, подаренную отцом «Победу». Вернее, машина перешла по наследству, батя купил себе «Волгу».

– Куда? – спросил он, усаживаясь. – Может, ко мне? Родители на даче. Отметим твой дембель. Ты когда вчера позвонил, я всех наших обзвонил, сообщил.

Про мою службу в комитете он ничего, конечно же, не знал, про это вообще мало кто знал. Михаил был уверен, что я проходил срочную службу, сорвавшись со скамьи студента по воле сердца. Правда, было видно, что он недоумевает, почему я пришел раньше, по идее мне служить еще больше полугода.

– Вечеринка – это хорошо. Но у меня еще есть пара дел, надо будет решить.

– Че за дела? – поинтересовался он, выруливая на проезжую часть, начал разгоняться, но на перекрестке притормозил: там милиционер-регулировщик остановил поток машин с нашей стороны, явно пропуская кого-то важного.

– Я стал отцом-одиночкой, меня именно поэтому со службы раньше и отпустили. Вошли в положение. В общем, детей где-то надо устраивать. Хочу узнать насчет кооперативной квартиры, родители и родственники денег дали, да и у меня небольшие накопления есть.

– Насчет кооперативной отец помочь вряд ли сможет, сам знаешь, он занимается распределением квартир по очереди. А тут другая служба, но я поинтересуюсь. Хотя знаешь, он не любит, когда я лезу в его дела.

– Так лезть и не надо, мне нужно знать всю эту кооперативную кухню, чтобы понять, что там и как.

– А, это без проблем.

Несмотря на то что Михаил был из так называемой «советской золотой молодежи», он был нормальным парнем и отличным товарищем. Дружили мы уже два года, я ему не раз помогал в щекотливых и не очень ситуациях, а он это помнил.

В это время мимо, наконец, проползла черная служебная «Волга», и регулировщик дал разрешение продолжить движение.

– Решетин, из ЦК, – выворачивая руль, чтобы повернуть налево, сообщил Михаил.

– Ты что, всех членов ЦК знаешь? – удивился я.

– Да не, я тут часто езжу. Вот и поинтересовался, кто это тут проезжает... Вон, Валерка нас ждет.

Еще один мой приятель, на этот раз одноклассник, Валерка Горохов (это он ввел меня в круг новых знакомых) стоял на обочине и, радостно скалясь, махал рукой.

– Здорово, – проорал он и полез обниматься, когда я вылез из машины. – А ты че без формы? Дембель должен быть в форме.

– Да она у меня в чемодане, – отмахнулся я.

– Не знаю ничего, давай переодевайся.

– Сперва ко мне приедем, там можно будет, – лыбился из открытого окна Миха. – Поехали.

Парадка у меня осталась в чемодане камеры хранения. А в том, что я вез с собой, была повседневная, хоть и новенькая. Тоже офицерская. То, что я не рядовой или сержант, они знали, поэтому скрываться смысла не было, да и по документам я был демобилизованным офицером-пограничником, тут уже контора постаралась.

В общем, весь этот вечер и следующее утро мы гудели, отмечая мой дембель, правда, народу было всего шесть человек плюс три девушки. Остальные, видимо, отдыхали кто где.

Проснувшись следующим вечером, я сходил, попил воды из крана. Почему-то на мне была только гимнастерка с одним погоном – на голое тело – и армейские трусы. Приняв душ, я вышел в коридор, вытираясь полотенцем, прошел поле брани в квартире. Перешагивая через друзей (некоторых зеленый змей свалил в коридоре или на полу в комнате), я удивленно подошел к парню, что лежал в обнимку с молоденькой соседкой из квартиры под нами. Она дважды приходила ругаться на шум. Посмотрев на настенные часы, я затряс его.

– Лев? Лева, у тебя же сегодня сольное выступление... два часа назад... было.

Лев Лесенко с трудом открыл глаза, что-то буркнул и перевернулся на другой бок. Подхватив под мышки, я потащил его в душ. Через пять минут он ожил.

– Лева, блин, ты же в театр торопился.

Морщась от головной боли, он перекрыл воду и сказал:

– Да завтра у меня выступление, завтра. Я специально на сегодня перевел, чтобы вы меня не споили... Ведь на минутку заскочил, принять стакан, поздравить – и на репетицию... Споили, гады, слабохарактерного меня... Там есть чем похмелиться?

– Вроде есть, я так перебалываю, без подручных средств.

– Да помню я.

Квартира начала просыпаться, пока Лева перебалывал с бутылкой пива, а я жарил яичницу с сосисками.

С Львом Лесенко я познакомился случайно еще три года назад. Внутренне ликуя от такой встречи, быстро втянул его к нам в круг, так что среди моих друзей он давно был своим. А что? Будущий золотой голос Союза. Исполнитель песни «День Победы» в друзьях – это круто. Да и нравился он мне, отличный товарищ.

По своему опыту я знал, переболеть можно не только с пивом, но и с плотным обедом, главное, чтобы желудок его принял. У меня с трудом, но принял. Других не тянуло повторить этот подвиг, поэтому лечились они традиционными средствами. Соседка уже свалила, да и остальные начали собираться, поэтому проводив гостей, я собрал и починил форму, повесил ее на плечики в комнате Михи (сам он был в душе – слышно, как напевал), после чего стал прибираться в комнатах. Погудели мы изрядно.

К вечеру мы закончили, и квартира приобрела первоначальный вид. Уже стемнело, поэтому смысла куда-либо идти просто не было. Переночевав, я после душа оделся в гражданку и направился по своим делам. Миха же спал обычно до обеда, и я его не будил.

Первым делом я направился в управление, чтобы отметить. Там дежурный направил меня сперва в отдел кадров. Оказалось, мне еще две недели назад дали внеочередное звание, и нужно было поменять удостоверение. После процедуры бюрократии – старое сдал, а новое будет готово завтра, фото с новыми погонами мне сделали тут же – я сидел в приемной Сахаровского, ожидая его с совещания.

– Пришел уже? – мельком глянув на меня, сказал он от входа и добавил: – Проходи.

Секретарша передала генералу пару папок, и он с ними в руках прошел в кабинет.

– Докладывай, что там у тебя за дела в Харькове были и Киеве?

Смысла врать не было, да и не требовалось этого. Я быстро выложил историю гибели Марины Ключевой, ее тетки и судьбы своих детей. То есть без утайки рассказал все, ну, кроме, конечно, того, что собираюсь сделать с Агеевой. Кто вспомнит через пару лет, что у меня были к ней претензии, если она вдруг умрет?.. Хотя наши могут.

Уложился я за полчаса, после этого генерал пару минут подумал и выдал:

– Сомневаюсь, что на тебя так хотели выйти, не та ты фигура. Скорее всего, я согласен с твоим третьим по счету предположением. Месть по личным причинам. Случайного наезда тут не могло быть, в этом ты прав.

– Разрешите лично заняться этим делом?

– Запрещаю. Для этого есть специально подготовленные люди. Хоть ты и в некотором роде тоже специалист.

Сняв трубку, генерал набрал номер по внутреннему телефону. Потом он какому-то майору велел провести следствие по моему делу, пообещав прислать меня через десять минут.

– Какие у тебя планы? – поинтересовался он, положив трубку.

– Восстановиться в университете, продолжить учебу и привезти сюда дочек. Если потребуется, я готов уйти со службы.

– Обойдешься... Значит, так, пока мы тебя выводим в резерв до окончания учебы. В случае нужды будем привлекать к работе, – с намеком сказал он. Я понял, о чем он, поэтому согласно кивнул. – Сейчас идешь к смежникам. Там есть майор Владимиров, он и проведет расследование по твоему делу. Мало ли там что... И еще: твой доклад по созданию при комитете госбезопасности специального отряда под кодовым названием группа «А» я прочел. Не со всем согласен, но дело хорошее, и я передал предложение по прямому назначению. Его сейчас изучает Владимир Ефимович... Норматив штурма самолета и освобождения заложников в восемь секунд я считаю слишком малым по времени.

– Я – нет, товарищ генерал. При достаточной подготовке и спецоборудовании это не будет считаться чем-то удивительным, – упрямо склонив голову, ответил я.

– Ладно, там видно будет. Может, еще не примут. Как у тебя с языками?

– Английский, французский и итальянский в совершенстве. Немецкий, китайский и испанский бегло, товарищ генерал. Немного говорю на пушту. Нахватался на афганской границе.

– Доведи до совершенства... Да, у меня жена попросила узнать, когда будет продолжение «Интернов»? – немного смущенно поинтересовался генерал.

– Я только треть написал, товарищ генерал. Все лето буду занят, только к концу осени передам в издательство готовую рукопись. К Новому году выйдет.

– А чем ты будешь занят?

– Так дочки же у меня. Отец-одиночка я. Хочу кооперативную квартиру получить, служебная меня не интересует. Машина нужна, свою старую я отцу подарил. Пока все куплю, оформлю, потом на пару месяцев до начала занятий отдохнуть в Сочи с дочками. Так что, товарищ генерал, дел много.

– Ясно. Все, свободен... капитан.

– Есть.

Покинув кабинет, я спустился, уточнил в отделе кадров, когда приходит за новеньким удостоверением, после этого направился в нужный кабинет, где заседал майор Владимиров, и задержался там аж на два часа – очень уж въедливо расспрашивал про харьковскую историю. Выжал меня, как лимон, хотя в некоторых случаях одобрительно кивал – это когда я брал на понт хозяина машины и местного чекиста. Можно сказать, классика быстрого допроса, как бы она в анналы не вошла.

После управления я поехал в университет, нужно было выяснить насчет моего академического отпуска и восстановиться, перейдя на третий курс. Мои старые одногруппники уже на пятый перешли. Ничего, важнее восстановиться.

Прогулявшись по полупустым коридорам, я на свою удачу наткнулся на декана нашего потока. Меня он сразу узнал, обрадовался и, поспрашивав о службе (все знали, что я ушел на срочную), повел пить чай. Практика, никого не было.

Приняв документы, он пообещал за пару дней внести меня в списки третьего курса на факультет хирургического направления. Ведь до пятого курса у лечебников было общее направление, а уже потом выбор специальности, но вот я заранее и выбрал. Быстро написав заявление на возвращение к учебе, с деканом прошел в отдел кадров и там завизировал его. Все, дальше работа местных, а мне нужно будет появиться в университете с началом занятий. Зачетку и студенческий билет мне обещали выдать тогда же, я их сдал перед службой.

После этого я поехал к Михе. Тот недавно проснулся (до трех дня дрых беспробудно – каникулы после практики) и готовил полдник. Пообедав пельменями, я сообщил ему, что восстановился в универе, и получил от него сообщение, что заскакивал Лесенко («Разбудил, гад!») и передал контрамарки на его сегодняшнее выступление. Из всех друзей только Лева знал, кто я был на самом деле, кроме, конечно, службы на комитет, поэтому относился ко мне немного по-другому, в отличие от остальных приятелей. Я как-то Лева по доброте душевной подарил пару песен, натренькав на гитаре мелодию, тот развил, и вот сегодня в семь вечера у него первое сольное выступление в Московском театре оперетты.

Причем самое забавное, что песни были и его тоже. Только исполнял он их в моей прошлой жизни с начала семидесятых. Изучив тексты, Лева поорал в восхищении и обещал сделать из них настоящие шлягеры военных лет. И вот, наконец, после всех шлифовок и пробных версий было дано разрешение от худсовета на исполнение этих песен. А ведь Льву я их отдал почти два года назад, да и зарегистрировал тогда же, записав на себя.

Странно было: если с книгами мне дали открытую дорогу, то несмотря на то, что песни исполняли довольно известные авторы, все равно как-то тормозили их. Ладно, хоть со сценариями я особо не заморачивался, написал в шестьдесят третьем и шестьдесят четвертом ради шутки «Бриллиантовую руку» и «Кавказскую пленницу» с «Джентльменами удачи». После регистрации некоторые режиссеры проявили интерес, особенно Гайдай к «Пленнице» – тот, который снимал приключения Шурика. Но пока был молчок. Посмотрим, хотя в той жизни Гайдай уже начал ее снимать.

– Лева десять билетов притащил. Я дам Лехе и Валерке, они с подругами будут. Потом еще за родителями надо будет съездить. Они мне не простят, если пропустят первое выступление Левы.

– Это хорошо. У меня сейчас дела, хочу съездить в одно нужное место. Встретимся тут. Переоденемся – и поедем.

– Хорошо. Я тогда к родителям. Час туда, полчаса там и час обратно, как раз в шесть тут будем. Тебя подбросить?

– Да нет, я на метро.

Взяв из сумки некоторые документы, я зашел в сберкасса и, сняв десять тысяч рублей (повезло, что они были в наличии), поехал в тот самый «магазин», где в прошлый раз купил себе машину. Тогда я обманул директора автобазы, что прибыл от Аркадия Ильича из горкома партии. Нет, такой гражданин, конечно же, существовал, и был начальником директора базы, но меня он не знал. Вот и сейчас я ехал к тому же директору. А что? Старый начальник ушел на повышение, а данные нового я уже узнал. Не обманешь – не уедешь. Если даже обман раскроется, что они мне сделают? Я же уплатил, все честь по чести.

Выйдя из метро, я поймал попутку и спокойно доехал до нужной автобазы.

– Куды? – преградил мне дорогу усатый сторож у проходной. – Не приемный день.

– Что так? – поинтересовался я, незаметно суя ему трешку в лопатообразную ладонь.

– Делегация из посольства Африки, машины себе выбирают.

– Когда можно будет?

– Седня точно нет, завтра свободно – подойдешь.

– Хорошие не разберут?

– Тебе хватит подобрать.

– Директор все еще Михалыч?

– Он. Ты что, его знаешь?

– Так я у вас три года назад «Волгу» брал бирюзового цвета. Новую хочу.

Мы присели на скамейку у проходной, и сторож, закурив, поинтересовался:

– А старая что?

– Так меня в армию забрали, я ее отцу подарил. Вот, демобилизовался, хочу новую.

– Отец что, директор магазина? – неприязненно посмотрев на меня, спросил сторож.

– Да нет, диспетчер на автобазе. Мать медсестрой работает. Старшей. Сам зарабатываю.

– Это как же?

– Комбайнер я. У нас по пятьсот рублей за месяц в сезон бывает. Некоторые и чуть не по тысяче получают – те, что передовики производства. Вот и скопил, да и родители помогли.

У меня таких легенд было множество заготовлено, и ложь легко срывалась с языка. Кем я только не был за эти годы, даже золотодобытчиком с Севера.

– А-а, – сразу успокоился сторож.

– Так что там?

– Да я бы пропустил, но сам понимаешь... Там не только директор крутится, а и товарищи с верхов.

– Ясно. Завтра когда открываетесь?

– В девять приходи, как раз будет.

– Лады, спасибо.

– Совет хочешь?

– Ну?

– Трешка.

Зелененькая снова исчезла в лапе сторожа, и тот, воровато оглядевшись, сказал:

– Те, что во дворе стоят, для тех, кто по ордеру приезжает забирать. А в ангаре шесть машин стоят. Этот... как его?.. *исключив*. Во.

– А африканцы?

– Да кто же им даст? Не они первые, не они последние у нас. В общем, если с Михалычем договоришься, хорошую машину заполучишь, – понизив голос, он добавил: – Там даже есть две Газ – двадцать два.

– О как! Только такие обычно по заказу, значит, их скоро заберут. Ладно, спасибо. Будут иметь в виду.

Встав со скамейки, я поблагодарил сторожа и направился к выезду, поймать попутку – окраина Москвы, промышленный район, в основном грузовики ездят.

Сидя в кабине Газ-51, я задумался. С машиной на сегодня обломалось, я как-то уже привык передвигаться по Москве за рулем персонального автомобиля, так что чувствовал себя не в своей тарелке. Ничего, завтра мне вряд ли кто-то помешает. Мне даже не нужен ордер на покупку машины, без которого их просто не продают. Как я уже говорил, у меня было заветное слово, и триста рублей взятки для директора. Стандартная такса.

Сейчас вернусь к Михе и поговорю с его батей, который отдыхал на ведомственной даче. Причем реально отдыхал, грядок у них там не водилось.

Миха с родителями еще не вернулся, поэтому пока его не было, я достал из чемодана парадный костюм и стал его чистить. Туфли стояли в прихожей.

С отцом Михи мы смогли нормально поговорить только у гардероба в театре оперетты.

– Михаил уже изложил мне, что ты хотел. У меня только один вопрос: что ты знаешь о кооперативах? – глядя на себя в большое зеркало, Николай Николаевич поправил галстук, после чего повернулся ко мне.

– Ну-у-у... – я задумался. – Это собственная квартира?

– В СССР объединения граждан для строительства и эксплуатации жилых домов начали появляться в двадцатых годах, но в тридцать седьмом году были ликвидированы как проявление частной собственности, – стряхнув пылинку с плеча, начал пояснять мне прописные истины отец Михи. – В послевоенный период численность городского населения резко возросла, и для решения квартирного вопроса в пятьдесят восьмом году ЦК КПСС и Совмин разрешили создание жилищно-строительных кооперативов. Для удешевления и ускорения работ будущие жильцы иногда принимают личное участие в строительстве. Составленные из них бригады выходили во вторые и третьи смены после выполнения нулевого цикла подрядной организацией. Свободных квартир там обычно нет, они фактически проданы еще до начала постройки. Так что если тебе, Игорь, и нужна кооперативная квартира, то получишь ты ее очень не скоро.

– Это так. Но ведь можно и обойти устоявшиеся порядки, не нарушая закон?

Мы стояли в фойе и негромко общались, стараясь не привлекать к себе внимания. До начала еще двадцать минут, так что успеем поговорить. Миха с матерью и другие знакомые уже прошли в зал, мы же еще не закончили.

– Да, можно, – поморщился Николай Николаевич. – Есть дельцы, которые готовы этим заниматься. Я могу дать тебе их данные, но вот сослаться им на меня не надо, хорошо? У нас напряженные отношения.

– Им можно верить?

– Верить никому нельзя, только себе.

– Понятно.

«Нет, чего я поленился себе еще тогда квартиру купить? Ведь внимания к себе не хотел привлекать. Сейчас вот бегаю. Ничего. Думаю, через недельку уже буду жить в своей квартире. Жаль только, что вечеринки и тусовки с ребятами практически прекратятся. Я теперь не один, с детьми. Миха вот сразу понял, что я скоро отчасти выпадну из их компании».

Хлопали мы стоя, на глазах некоторых посетителей виднелись слезы. Лева исполнил две моих и еще три песни других авторов. Это был его триумф. Не зря он поставил мои песни в конце, проняло всех.

«Черт, даже меня пробрало», – невольно покачал я головой. Все-таки Лесенко мировой певец. После концерта мы прошли за кулисы и поздравили уставшего, но довольного Леву с выступлением.

Мама Михи, Нина Карповна, вручила певцу букет полевых цветов и принялась нахваливать. Я вышел на улицу, чтобы подышать свежим воздухом, как вдруг напрягся, не веря своим глазам разглядывая двух девушек, которые со звонким смехом проходили мимо.

Несколькими прыжками пригородив девочкам путь, я слегка поклонился и представился:

– Игорь. Девчата, вы ведь тоже слушали выступление, что сейчас проходило в оперетте? Как вам?

– Это было великолепно, – сказала та, что мне была без интереса. Видимо, побойчее.

– Хотите с Левом Лесенко познакомлю?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.